

РУССКАЯ РЕЧЕВАЯ КУЛЬТУРА И ТЕКСТ

Материалы
XIII Международной
научной конференции
(Томск, 16-17 мая 2024 г.)

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»
(ТГПУ)

Историко-филологический факультет
Кафедра русского языка
Лаборатория русской речевой культуры и теории текста

Русская речевая культура и текст

Материалы
XIII Международной научной конференции
(Томск, 16–17 мая 2024 г.)

Под общей редакцией проф. Н. С. Болотновой

Томск 2024

УДК 811.161.1'271'42:371.3(063)
ББК 81.411.2-5
P89

Печатается по решению
редакционно-издательского совета
Томского государственного
педагогического университета

Редакционная коллегия:

Н. С. Болотнова, д-р филол. наук, профессор (отв. ред.);
А. В. Болотнов, д-р филол. наук, доцент;
А. С. Савенко, канд. филол. наук, доцент

Рецензент:

Н. Г. Нестерова, д-р филол. наук, профессор
Национального исследовательского Томского государственного университета

Русская речевая культура и текст : материалы
P89 XIII Международной научной конференции (Томск, 16–17 мая
2024 г.) / под общ. ред. проф. Н. С. Болотновой ; Томский
государственный педагогический университет. – Томск :
Издательство Томского государственного педагогического
университета, 2024. – 180 с.
ISBN 978-5-907791-05-3

Сборник включает материалы докладов, посвященных анализу русской речевой культуры в синхронии и диахронии, рассмотрению современных подходов к изучению текста и исследованию дискурсивных практик в разных сферах общения, освещению коммуникативно-когнитивных аспектов текстовой деятельности, проблем медиакоммуникации и межкультурного общения, разработке методических аспектов обучения русской речевой культуре и текстовой деятельности в вузе и школе.

Адресован филологам, преподавателям русского языка и литературы, аспирантам, магистрантам, студентам.

УДК 811.161.1'271'42:371.3(063)
ББК 81.411.2-5

ISBN 978-5-907791-05-3

© Томский государственный
педагогический университет, 2024

Предисловие

Современный этап в развитии русистики отличается многообразием научных направлений и подходов к исследованию языка, речи и речевой деятельности. вниманию читателя предлагается сборник материалов XIII Международной научной конференции «Русская речевая культура и текст», которая регулярно проходит в Томском государственном педагогическом университете в русле научного направления, связанного с разработкой теоретических и прикладных аспектов коммуникативной стилистики текста. В 2024 г. конференция была посвящена 30-летию кафедры современного русского языка и стилистики (с 2017 г. кафедры русского языка) Томского государственного педагогического университета.

Целью основного научного направления кафедры «Коммуникативная стилистика текста» является выявление механизмов эффективного общения на основе многоаспектного изучения текстов разных типов, их роли в коммуникации, особенностей текстовой деятельности различных языковых личностей и их идиостиля, проявляющегося в лексиконе, тезаурусе, мотивационной сфере, когнитивной и коммуникативной деятельности.

Сборник включает статьи ученых, преподавателей вузов и школ, аспирантов, магистрантов, студентов из разных городов России (Санкт-Петербурга, Саратова, Перми, Томска, Новокузнецка, Барнаула), Китайской Народной Республики и Таджикистана.

Материалы сборника отражают результаты исследования и перспективы дальнейшего развития связанных с русской речевой культурой актуальных направлений современной русистики и методики обучения русскому языку с учетом современных требований.

Разделы сборника посвящены рассмотрению русской речевой культуры в плане синхронии и диахронии, освещению различных современных подходов к изучению текста и дискурса, анализу дискурсивных практик языковых личностей разных типов, актуальным проблемам медиакоммуникации, отражению русской языковой картины мира в текстовой деятельности, вопросам обучения эффективной текстовой деятельности и культуре русской речи, межкультурному общению.

Раздел I «Русская речевая культура в синхронии и диахронии» включает исследования, посвященные анализу культурных кодов в мемуарах девушки военного времени (статья **Агаджанян Нины Мравовны**, г. *Саратов*) и отражению семейных ценностей в социальной рекламе дореволюционной и современной России (статья **Данилевской Натальи Васильевны**, г. *Пермь*, и **Яо Бо**, г. *Ченду, Китай*).

В разделе II «Современные подходы к изучению текста и дискурса» представлены статьи, в которых уточняются принципы дискурсивного анализа и его методика (статья **Болотнова Алексея Владимировича**, г. *Томск*); эффективно реализована процедура изучения концепта на основе теории текстовых ассоциаций, разработанной в коммуникативной стилистике текста (исследование **Чайковской Светланы Витальевны**, г. *Томск*); рассмотрена эволюция одной из актуальных зон поэтической картины мира М. И. Цветаевой как отражение «лексической регулятивной универсалии» и её когнитивной сущности в мировидении поэта (статья **Кабаниной Ольги Леонидовны**, г. *Томск*); раскрыта динамика образа лирической героини М. И. Цветаевой в общем контексте её поэтического творчества на основе приема моделирования языковой личности и анализа различных средств и способов речевого воздействия на читателя (работа **Захарчевской Надежды Владимировны**, г. *Томск*); описаны новые подходы к изучению подтекста в поэзии И. Ф. Анненского и Б. Л. Пастернака с опорой

на регулятивы имплицитного типа, использованные авторами (исследование **Бондарева Максима Владимировича**, г. Новокузнецк).

Раздел III «Дискурсивные практики языковой личности в коммуникативно-когнитивных аспектах» включает статьи, посвященные анализу концептов «разум» и «любовь» в коммуникативно-деятельностном аспекте на материале поэтических текстов Н. А. Заболоцкого (исследование **Исаевой Ольги Викторовны**, г. Новокузнецк) и Ю. Д. Левитанского (работа **Дусматовой Зарриной Мукиджоновны**, *Таджикистан*); рассмотрению особенностей речевого поведения в жанре интервью писателя Анны Матвеевой (статья **Ивковой Юлии Борисовны**, г. Томск). Авторами исследований сделан акцент на специфике идиостиля и мировидении творческих языковых личностей на основе анализа использованных ими языковых средств и способов воздействия.

В статьях **IV раздела «Актуальные проблемы медиакommunikации»** освещены особенности отражения концептов «работа» и «семья» в региональной публицистике А. В. Кирилина (исследование **Лукашевич Елены Васильевны** и **Баданиной Ксении Андреевны**, г. Барнаул); описаны средства и приемы, характерные для современных телевизионных анонсов (работа **Шмакова Артема Алексеевича**, г. Барнаул); рассмотрен манипулятивный потенциал современных медиатекстов и использование в них различных приемов влияния на аудиторию (статья **Бородай Елены Андреевны**, г. Томск); выявлены особенности рекламного видеоролика как особого жанра рекламно-образовательного дискурса (работа **Лайцзыны Ашан**, *Китай*).

Русская языковая картина мира и её отражение в текстовой деятельности стали объектом внимания авторов статей, представленных в **V разделе «Русская языковая картина мира и её отражение в текстовой деятельности»**. В работах исследователей изучены содержание и средства выражения концепта «Славянство» в

лирике Ф. И. Тютчева, установлено, что в поэтическом тексте может воплощаться и «нехудожественный» концепт в связи с его идеологическим смыслом (статья **Сергеевой Елены Владимировны**, г. Санкт-Петербург); на основе анализа использованных автором текста языковых средств описана взаимосвязь модусов восприятия и воспоминания в автобиографической прозе Ирины Одоевцевой (работа **Се Шуан**, *Китай*).

Раздел VI «Проблемы обучения текстовой деятельности и русской речевой культуре» посвящен актуальным вопросам развития функциональной грамотности языковой личности в аспекте текстообразования и интерпретации, а также совершенствования орфоэпической культуры студентов.

Авторами статей рассмотрено соотношение понятий *идиостиль*, *текстовая деятельность* и *функциональная грамотность*; сделан акцент на многоплановом проявлении в текстовой деятельности идиостиля личности в культурно-речевом, коммуникативном и когнитивном аспектах; раскрыта взаимосвязь понятий *текстовая компетентность* и *текстовая норма* в их соотносительности с идиостилевыми особенностями языковой личности (статья **Болотновой Нины Сергеевны**, г. Томск); сделан акцент на читательской грамотности как важном компоненте функциональной грамотности, выявлены сложности, характерные для интерпретационной деятельности читателя, намечены пути их преодоления (работа **Кабаниной Ольги Леонидовны**, г. Томск); на экспериментальной основе изучена проблема формирования орфоэпической культуры студентов-филологов, в аспекте функциональной грамотности выявлены уровни владения произносительными нормами у студентов разных курсов, изучающих дисциплину «Русская орфоэпия» и не приступивших к её освоению, определены критерии функциональной грамотности и её роль в устной коммуникации (исследование **Савенко Анастасии Сергеевны**, г. Томск).

Раздел VII «Русская речь в межкультурном общении» включает работы, отражающие анализ представлений о русском языке,

его роли и значимости в современном мире у современных кенийцев на основе проведенного автором статьи опроса (исследование **Курьянович Анны Владимировны**, г. Томск); изучение ксенонимов-интерпретативов в сетевом диаспоральном дискурсе русскоязычной диаспоры Китая, убедительно показавшем новый регулятивный функционал анализируемых средств, связанный с активизацией языковой рефлексии у участников общения (статья **Орловой Ольги Вячеславовны**, г. Томск).

В целом содержание материалов сборника отражает современные направления русистики: коммуникативное, когнитивно-дискурсивное, лингвокультурологическое, функционально-прагматическое, лингвоперсонологическое, лингводидактическое. Актуальные проблемы коммуникативной теории текста и русской речевой культуры получили новое научное и лингвометодическое освещение. Выявлены, например, новые тенденции в области жанроведения (смена статуса телевизионных анонсов с информативных к рекламным; полидискурсивность некоторых жанров, включая рекламные видеоролики в области образования); определены новые функции средств регулятивности в сетевом общении на примере ксенонимов-интерпретативов; получили освещение актуальные проблемы теории дискурса и методики дискурсивного анализа; формирование и развитие функциональной грамотности языковой личности в сфере образования и др.

Авторами статей исследован новый эмпирический материал: произведения известных писателей и поэтов, дискурсивные практики различных персон в массмедиа, особенности вербализации некоторых концептов и т.д.

Материалы сборника будут интересны специалистам по культуре речи и теории текста, аспирантам, магистрантам, преподавателям русского языка, а также всем, кто небезразличен к судьбе русского языка и русской речевой культуре.

*Ответственный редактор
Н. С. Болотнова*

Раздел I. Русская речевая культура в синхронии и диахронии

УДК 811.161.1'27'38'42
ГРНТИ 16.21.27

Коды русской культуры в личных дневниках девушки военных лет

Codes of Russian culture in the personal diaries of a girl of war years

Нина Мравовна Агаджанян

Саратовский национальный исследовательский
государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Саратов, Россия

Научный руководитель: д. ф. н., проф. кафедры русского языка,
речевой коммуникации и русского как иностранного О. В. Мякшева

Аннотация. Современная лингвистика реализует себя в антропоцентрической парадигме. В рамках данной научной парадигмы область интересов исследователя переключается с объектов познания на субъект, анализируются взаимное влияние и взаимная связь человека с языком, активно изучаются коды русской культуры и репрезентация их в текстах. Кроме того, актуальным вопросом сегодня является изучение жанров речи: личные дневники для лингвистов и культурологов – ценный и уникальный материал. Поскольку личные дневники моноличны, реалистичны, интимны, можно заявить, что языковая характеристика дневника – язык самого автора, его реальный речевой портрет. В статье предложен анализ дневниковых текстов в аспекте отражения в них констант русской культуры, что может служить ключом к пониманию русского культурного контекста, русского мировоззрения в тот или иной исторический период.

Ключевые слова: языковая картина мира, коды (константы) русской культуры, личные дневники девушки военных лет

Key words: language picture of the world, codes (constants) of Russian culture, personal diaries of a girl of war years

Во второй половине прошлого века на стыке лингвистики и культурологии возникает новая дисциплина – лингвокультурология, которая рассматривает язык как культурный код нации и изучает проблему взаимовлияния языка и культуры. Среди основополагающих понятий лингвокультурологии В. А. Маслова выделяет культурные концепты (коды) – «имена абстрактных понятий», к сигнификату (понятийному ядру) которых «прикрепляется культурная информация» [1, с. 38]. Коды – совокупность принципов, ценностей, поведенческих норм, символов и характеристик, формирующих уникальную национальную культуру. Версию определения кодов русской культуры мы находим в книге Ю. С. Степанова «Константы: словарь русской культуры»: «Константа в культуре – это концепт, существующий постоянно или, по крайней мере, очень долгое время. Кроме этого, термину “константа” может быть придано и другое значение – “некий постоянный принцип культуры”» [2, с. 84].

Каждый народ обладает своими особыми символами, которые выражаются в первую очередь через язык, понятный во всех его проявлениях только ее членам. Русская культура – не исключение. Проблему русского менталитета и русской языковой картины мира исследовали многие ученые. Например, Л. В. Милов в своей статье «Природно-климатический фактор и менталитет русского крестьянина» выделяет такую важную черту русского крестьянина, как общинность, возникшую из необходимости коллективных усилий для преодоления трудностей, вызванных природными условиями. Условия тяжкого труда и при этом скудных результатов из-за изъятия государством львиной доли продукта требовали наивысшего напряжения и трудолюбия, приобщения к труду даже детей [3, с. 87]. Кроме того, суровый климат, нередко обнуляющий изнурительный труд крестьянина, формировал идею могущества природы и необходимости отслеживать малейшие погодные изменения ради сохранения хозяйства, отсюда дохристианское языческое представление о природе и множество языческих поверий,

примет. Однако это не означает, что русский национальный характер не прошел христианизацию. Православный канон, стремящийся к состраданию, смирению, исповеди и терпимости к ближнему, стал чертой русской духовности, пронизывая культуру на разных ее уровнях. Через смешение и переоценку языческих и религиозных элементов в русской картине мира возникла дуальная система концептов и поведенческих реакций [3, с. 80–84].

Россия на разных этапах своей эволюции впитывала самые разнообразнейшие ценности других народов и мировоззрений (язычество, христианство, мусульманский мир, «азиатчина», европейское Просвещение и др.). Так, даже изначально противоположные ценности внедрились в русский культурный ландшафт и органично обогатили его.

Безусловно, важнейшими чертами русского культурного кода являются и концепты правды, справедливости и открытой, щедрой души. Отсюда вытекает и отсутствие предприимчивости, расчетливости. Русская интеллигенция «умудряется даже самым практическим общественным интересам придавать философский характер», – писал Н. А. Бердяев [4, с. 174].

При рассмотрении лингвокультурных единиц того или иного народа нельзя не обратиться к именам людей, внесшим значительный вклад не только в отечественную, но и мировую культуру. Менделеев и Пирогов, Л. Толстой и Достоевский, Чайковский и Шостакович, Репин и Васнецов, Тарковский и В. Меньшов – они и многие другие обратили внимание мировой общественности на русскую культуру и науку, поэтому знать об их вкладе – обязательно для знакомства с русским народом.

Выдающимся трудом – воплощением русских культурных констант, конечно, является словарь Ю. С. Степанова. Среди этих констант – *вера, любовь, радость, истина, двоеверие, мир (община), интеллигенция, совесть, грех, печаль* [2, с. 402, 418, 444, 620, 675, 688, 770, 910, 918]. Перечисленные константы присутствуют и в

картинах мира других народов, в русской же – они экзистенциально важны, что отчетливо видно при детальном анализе традиций, обычаев, празднеств, народного творчества, а также наиболее «культуроносных» элементов, таких как фразеологизмы, метафоры и символы.

Таким образом, русская картина мира – это сложное, порой противоречивое, сочетание сформировавшихся в процессе многострадальной российской истории установок и реакций, элементов язычества и православия, восточных традиций, видных объектов литературы, музыки, науки и общечеловеческих моральных концептов.

Рассмотрим отражение русских культурных констант на примере личных дневников девушки военных лет, а сегодня широко известного лингвиста Ольги Борисовны Сиротининой. О. В. Мясшева так пишет о личных дневниках О. Б. Сиротининой: «Дневники <...> принадлежат человеку с потенциальными, проявившимися позднее незаурядными способностями, носителю в зрелом возрасте элитарной речевой культуры, профессору филологии, то есть лексикон этого в то время ребёнка можно считать образцом для формирующейся языковой личности» [5, с. 49].

Материалом исследования в данной статье послужил фрагмент дневников объемом 151 страниц (1939–1941 гг.) из архива семьи Сиротининых (сердечно благодарим Ольгу Борисовну за возможность использовать ее личные дневники в научных целях. – Н. А.) [6].

Методом сплошной выборки из дневников были выписаны и распределены по частеречным группам (существительные, прилагательные, глаголы) слова, отражающие русские культурные коды. После проведенного семантического анализа этих слов мы пришли к выводу, что частотными в дневниках оказались константы **любовь, счастье, надежда, душа, вера, война, мужество, мир** (в значении отсутствия конфликтов), **совесть, тоска, добро**. Ниже дана общая количественная характеристика для каждого кода и соотношение каждого из них с общим количеством слов в анализируемом фрагменте текста.

Итак, концепт **любовь** отражается в дневниках 494 раза (любовь – 153, любить – 260, полюбить – 16, разлюбить – 18, любимый – 47). Примеры: *Любовь согревает, облагораживает человека, любовь творит чудеса! Я не могу понять, как можно **разлюбить** человека; Папе, страшно **любимому**, посвящаю я этот дневник.* Общее количество слов в анализируемом фрагменте дневников – 93 292. Следовательно, соотношение между репрезентантами данного концепта и фрагментом текста составляет 494/93 292 (0,53%).

Концепт **счастье** отражается в дневниках 218 раз (счастье – 80, радость – 39, блаженство – 6, удовольствие – 8, наслаждение – 8, радоваться – 11, радовать – 6, обрадоваться – 14, счастливый – 41, радостный – 5). Примеры: *Любить его – вот **блаженство**; Чаще я не задумываюсь о будущем, а **радуюсь счастьем**, выпавшему на мою долю; Я хотела скрыть **радость**, но, конечно, не смогла. Разве можно скрыть **радость**? Трудно скрыть горе, а **радость** еще труднее.* Соотношение между репрезентантами данного концепта и фрагментом текста составляет 218/93 292 (0,23%).

Концепт **надежда** отражается в дневниках 149 раз (надежда – 32, мечта/мечтание – 35, предвкушение – 1, ожидание – 4, надеяться – 32, мечтать – 33, ожидать – 12). Примеры: *Великая вещь – **надежда**. Она двигает вперед человечество; Будет ли Саша искать меня глазами? С **надеждой ожидания** или тоской? Я **мечтаю** о живом человеке, которого я люблю и, думаю, буду любить всю жизнь.* Соотношение между репрезентантами данного концепта и фрагментом текста составляет 149/93 292 (0,16%).

Концепт **душа** отражается в дневниках 121 раз (душа – 27, сердце – 78, дух – 6, душевный – 2, равнодушный – 8). Примеры: *Эта картина возмущает меня до глубины **души**; Сердце жаждет знакомства, рассудок велит его избегать; Чайковский... Чудные звуки! Что может быть лучше. Нельзя остаться **равнодушной**.* Соотношение между репрезентантами данного концепта и фрагментом текста составляет 121/93 292 (0,13%).

Концепт **вера** отражается в дневниках 100 раз (вера – 2, верить – 71, поверить – 25, веровать – 2). Примеры: *В этом бушевании «оскорбленных чувств» столько жажды жизни и счастья, столько юношеского пламени, что отсюда стихийно рождается могучая **вера** в жизнь, в то, что есть, черт возьми, на свете уголок и уж для этого-то Чацкого во всяком случае; **Не верю**, страшно **поверить**. «Блажен, кто **верует** – тепло ему на свете». Не всегда. Разочарования хуже.* Соотношение между репрезентантами данного концепта и фрагментом текста составляет 100/93 292 (0,11%).

Концепт **война** отражается в дневниках 60 раз (война – 31, военный – 15, военнослужащий – 2, конфликт – 3, бойня – 1, боец – 3, сражаться – 3, воевать – 2). Примеры: ***Война** все разгорается; Мировая **бойня**; Да, со сколькими странами мы **сражались**, воюя с Финляндией!* Соотношение между репрезентантами данного концепта и фрагментом текста составляет 60/93 292 (0,06%).

Концепт **мужество** отражается в дневниках 48 раз (мужество – 10, выдержка – 2, сила – 7, выносливость – 2, герой – 19, отвага – 1, героизм/геройство – 3, мужественный – 2, бесстрашный – 1, отважный – 1). Примеры: *Женщина больше страдает и с большим **мужеством** выносит их; Наша **сила**, **мощь** – оплот мира; Каждый день должен быть **геройством**.* Соотношение между репрезентантами данного концепта и фрагментом текста составляет 48/93 292 (0,05%).

Концепт **мир** отражается в дневниках 28 раз (мир – 10, перемирие – 1, союзник – 6, договор – 3, примириться – 7, мирный – 1). Примеры: *Всюду война, безработица, голод, болезни и смерти – у нас **мир**, процветание; Вчера в 8 утра слышу: «...к заключению **мирного договора**...». Я сразу проснулась и стала слушать; **Договор** ведь тоже может быть для отвода глаз.* Соотношение между репрезентантами данного концепта и фрагментом текста составляет 28/93 292 (0,03%).

Концепт **совесть** отражается в дневниках 21 раз (совесть – 4, стыд – 6, стыдиться – 5, честный – 6). Примеры: *На пароходе меня*

терзали угрызения совести, что из-за меня Н. Н. осталась одна; Прочь сомнения! Я люблю и нисколько не стыжусь этого. Я хочу любить его. Соотношение между репрезентантами данного концепта и фрагментом текста составляет 21/93 292 (0,02%).

Концепт **тоска** отражается в дневниках 18 раз (тоска – 7, грусть – 3, грустнеть – 1, грустить – 2, тосковать – 1, тоскливый – 1, грустный – 3). Примеры: **Тоска!** Абсолютное нежелание что-либо сделать. Ужасно. Мышцы размякли; А я что-то всё **грющу и грющу**, а, кажется, не с чего. Соотношение между репрезентантами данного концепта и фрагментом текста составляет 18/93 292 (0,02%).

Концепт **добро** отражается в дневниках 9 раз (добродушие – 1, добродушный – 3, добрый – 4, отзывчивый – 1). Примеры: **Добрая** она всё-таки душа. И несмотря на все её поддразнивания и приставания, лучше всех меня понимает и умеет утешить и успокоить; Это ее плохая черта. Она не очень **отзывчива** на чужие болезни. Соотношение между репрезентантами данного концепта и фрагментом текста составляет 9/93 292 (0,01%).

На основе количественного и качественного анализа слов, отражающих константы русской культуры, можно сделать следующие выводы: основными концептами в рассматриваемом фрагменте дневников стали *любовь, счастье, надежда, душа и вера*. Реже проявляются концепты *война, мужество, мир, совесть, тоска* и *добро*. Думается, на данное количественное распределение оказал влияние юный возраст девушки, возраст любви, надежд, ожидания счастья и веры в то, что оно случится. Однако и само наличие репрезентантов концептов *война, мужество, мир, совесть* и *добро* говорит о существовании в языковой картине мира девушки таких констант.

Итак, проведенное исследование показало, что личные дневники, благодаря своей исповедальности, необработанности («первообразности») и достоверности, являются неповторимым способом проникнуть в ментальность того или иного народа и отдельной личности, выявить реальные принципы и ценности периода их

написания. Дальнейшее исследование в этом перспективном направлении откроет новые тайны когнитивных особенностей русской языковой картины мира.

Список источников

1. Маслова, В. А. Лингвокультурология : учебное пособие для студентов высших учебных заведений / В. А. Маслова. – Москва : Академия, 2001. – 208 с.
2. Степанов, Ю. С. Константы. Словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. – Москва : Школа «Языки русской культуры», 1997. – 992 с.
3. Милов, Л. В. Природно-климатический фактор и менталитет русского крестьянства / Л. В. Милов // *Общественные науки и современность*. – 1995. – № 1. – С. 76–87.
4. Бердяев, Н. А. Философская истина и интеллигентская правда / Н. А. Бердяев // *Духовный кризис интеллигенции*. – Санкт-Петербург : *Общественная польза*, 1998. – С. 171–192.
5. Мякшева, О. В. Активная лексика и семантические лакуны в лексиконе современного школьника / О. В. Мякшева // *Проблемы речевой коммуникации 2016 : межвузовский сборник научных трудов* / под ред. М. А. Кормилицыной. – Саратов : Изд-во Саратовского университета, 2016. – Вып. 16. – С. 48–56.
6. Сиротинина, О. Б. «И жизнь пролетит, как мечта...»: личные дневники (1939–1954 гг.) / сокращение и адаптация дневников к публичному прочтению О. В. Мякшевой, Т. Н. Сиротининой ; под ред. О. В. Мякшевой. – Саратов : Амирит, 2023. – 420 с.

Семейные ценности в социальной рекламе: культурно-исторический и лингвистический аспекты

Family values in social advertising: cultural-historical and linguistic aspects

Наталья Васильевна Данилевская¹, Яо Бо²

¹ Пермский государственный национальный исследовательский университет,
Пермь, Россия

² Чэндуский университет иностранных языков, Чэнду, Китай

Аннотация. Социальная реклама – это инструмент регулирования отношения общества к социальной проблеме и создания социальных ценностей. В статье кратко рассмотрены особенности социальной рекламы. Описаны ценностные параметры понятия «семья», характерные для русской картины мира. С точки зрения содержательных особенностей проанализированы тексты дореволюционной рекламы, посвященной теме семьи, выявлены основные тематические типы этих текстов и некоторые их языковые особенности. В результате содержательно-сопоставительного анализа установлено, что в глубинном народном сознании современных граждан России представления о семье и ее жизненной важности остаются неизменными на протяжении более чем 100 лет. Сделан вывод об идеологической близости современной социальной рекламы на тему семьи рекламным текстам в дореволюционной России.

Ключевые слова: социальная реклама, дореволюционная реклама, семейные ценности, государственная политика, динамика ценностных смыслов

Key words: social advertising, pre-revolutionary advertising, family values, public policy, dynamics of value meanings

Согласно Закону РФ о рекламе, социальная реклама – это «информация, распространенная любым способом, в любой форме и с использованием любых средств, адресованная неопределенному кругу лиц и направленная на достижение благотворительных и иных общественно полезных целей, а также обеспечение интересов государства» [1].

Предметом социальной рекламы является идея, которая должна обладать определенной социальной ценностью. А цель социальной рекламы, по мнению Г. Г. Николайшвили, состоит, во-первых,

в изменении отношения общества к какой-либо проблеме; во-вторых, создание новых социальных ценностей в долгосрочной перспективе [2, с. 9].

Многие исследователи данного вида рекламы отмечают, что её назначением является привлечение внимания людей к нравственным ценностям и актуальным проблемам жизни [3–6]; однако главной задачей социальной рекламы, её миссией является *изменение поведенческой модели общества* [6, 7]. Поэтому информация, содержащаяся в социальной рекламе, обычно не является, в отличие от коммерческой рекламы, новой [4, с. 5].

В России о социальной рекламе впервые заговорили с появлением в 1994–1995 гг. на всех центральных телеканалах проекта «Позвоните родителям» [7].

С 2007 г. президент России ежегодно издает указ, в котором выбирает национально значимую тему следующего года, чтобы привлечь к ней внимание общественности. Как следует из официального документа, 2024 г. был объявлен Годом семьи с целью популяризации государственной политики в области защиты семьи и сохранения традиционных ценностей [8, 9].

В этом контексте реклама на тему семейных ценностей приобретает особое, социально и политически важное значение. По данным опроса ВЦИОМ, в 2023 г. 68% россиян наиболее важной ценностью считали крепкую семью. Среди других ценностей россияне назвали следующие: гордость за страну и преемственность поколений (по 31%); дружба и жизнь, достоинства, права и свободы человека (по 29%); единство народов России (28%); самореализация (27%); милосердие (26%); развитие (21%) [10].

В то же время итоги опроса общества на тему семейных ценностей показали, что для большинства опрошенных создание новой ячейки общества (семьи) – не просто важнейшая ценность, а *жизненно важная цель*.

Так, в представлениях россиян традиционная семья неподвластна времени – она всегда была, есть и будет нужна человеку,

потому что в ней легче выжить (85%). Большинство также согласны с тем, что как бы ни менялся мир, традиционная семья всегда будет современной (82%). Поэтому сохранение преемственности семейных традиций в целом и традиционных семейных ценностей в частности (в том числе культуры материнства и отцовства, многодетности) находит поддержку у большинства опрошенных (76 и 82% соответственно). Для каждого второго россиянина идеальная семья – многодетная (50%), т.е. с тремя детьми (40%) и более (4–5 детей – 8%, 6 детей и более – 2%). Еще 38% считают, что в семье должно быть двое детей; сторонников бездетных и однодетных семей среди россиян практически нет (5 и 2% соответственно). По мнению наших сограждан, воспитание детей и то, какими они вырастут, в большей степени зависит от семьи (78%), нежели от общества, школы и окружения (14%). В связи с этим ответственность за воспитание подрастающего поколения россияне в равной степени возлагают на мужчину и женщину (93%), а не только на мать (5%) или отца (2%) [9].

В связи с этими данными мы провели исследование, центром которого были два проблемных вопроса: 1) каким образом представлена идея о важности семьи и семейных ценностей в российской социальной рекламе? и 2) как менялись (если вообще менялись) представления россиян о семье в разные эпохи российской жизни – в царской России, в Советском Союзе и в России современного периода? Результаты исследования позволили сформулировать некоторые интересные закономерности развития социального сегмента рекламного дискурса в современной России.

Материалом для анализа послужили следующие электронные ресурсы: «Дореволюционная реклама в России», «Дореволюционная реклама России о семье», «Коллекция советских плакатов», «Современная реклама России о семье» [10–13].

Рекламные тексты в царской России

Прообразом русской рекламы считается лубок, существовавший в России с незапамятных времен как продукт народного творчества, а в функции рекламы получивший распространение на рубеже X–XI вв. [14]. Интересно, что уже в текстах лубочной рекламы оттачивались социальные идеи, связанные, в частности, с семейной тематикой. Правда, последняя в то время соответствовала главному положению «Домостроя»: «Благословенным трудом и средствами праведными жить подобает всякому человеку». См., например, рис. 1 «Рачительное домоводство», где девушке дается наставление: «к мужнему ко нраву примеряться и верной быть».

Рис. 1. Рачительное домоводство. Лубок. 1894 г.

Таким образом, семейной ценностью в ту эпоху признавалось главенство мужа перед женой, а будущей жене вменялось уметь подстраиваться под него и сохранять верность. На этом фоне пропагандировалась семья как законное единство между мужчиной и женщиной, конечно же, с провозглашением зависимости жены от мужа (рис. 2).

В конце XIX в. широкое распространение получают плакаты, издававшиеся благотворительными организациями и печатавшиеся во всех газетах и журналах, составлявших печатную продукцию России того времени. По нашим наблюдениям, основными темами рекламных плакатов семейной направленности были в этих

плакатах следующие: 1) совместное (семейное) празднование традиционных национальных праздников (рис. 3, 4); 2) борьба с семейным пьянством, т.е. с пьянством мужчины-мужа, мужчины-отца (рис. 5, 6); 3) забота о детях-сиротах и помощь им (рис. 7, 8). Отдельно следует выделить плакаты, взывающие о помощи детям, оставшимся сиротами из-за гибели родителя в боях Первой мировой войны (рис. 7, 8); 4) особую нишу занимали плакаты, демонстрирующие большие, многодетные семьи русских крестьян, купцов, рабочих, служащих и даже царской семьи. Причем подобные плакаты представляли собой реальные фотографии, сделанные как слепок с сиюминутной ситуации жизни семьи (рис. 9, 10). См.:

Рис. 2. Что к чему покорно. Лубок 1872 г.

Рис. 3. Новый год. Плакат. 1904 г.

Рис. 4. Вербное воскресенье. 1860 г.

Рис. 5. Сын-ученик у трезвого отца. 1898 г.

Рис. 6. Жизнь трезвого и пьяницы. 1902 г.

Рис. 7. Помощь жертвам войны

Рис. 8. Помощь детям-сиротам. 1916 г.

Рис. 9. Семья мещанина. 1902 г.

Рис. 10. Семья купца Поленова. 1907 г.

Как видно из приведенных примеров, рекламные плакаты царской России призывают к сохранению в сознании жителей страны традиционных семейных ценностей. Однако важно, что реклама того времени расширяет понятие семьи тематически: кроме важности собственно семьи признается важность народной помощи детям, оказавшимся без отца или без обоих родителей, важность борьбы с пьянством мужей-отцов, а также с детской смертностью,

которая в те годы в России была высокой. Кроме того, весьма значимо то, что на страницах газет и журналов шла активная пропаганда многодетных семей в русском обществе. Функцию такой пропаганды как раз выполняли многочисленные плакаты, демонстрирующие фотографии семей с большим количеством детей в них.

Если сопоставить ценностные смыслы дореволюционной рекламы с теми ценностями, которые были выявлены на основе опроса ВЦИОМ среди граждан современной России в 2023 г. (см. выше), становится очевидным, что в глубинном народном сознании представления о семье и ее жизненной важности остаются неизменными на протяжении более чем 100 лет.

Что касается лингвистических особенностей текстов социальной дореволюционной рекламы, то они весьма интересны. Наряду с картинкой поучительного содержания текст часто включал такого же характера вербальный компонент. Например, реклама, представленная на рис. 5, содержит текст следующего содержания:

*Пример отца – большое дело.
Слова отца – ему закон!
Вперед глядит ребенок смело,
Отцовской лаской окружен.
Не вкусит он греха отрады,
Не сторожит его беда,*

*Его невинные забавы
Не принесут ему вреда.
И что ему лукавства сети? –
Его друзья – такие ж дети!
Но злых детей, как злых потерь,
Уж он сторонится теперь.*

Как видно, реклама не только взывает о помощи, но и **воспитывает адресата**. То же самое видим в тексте на рис. 7, вербальный компонент которого таков:

«Общество “Помощь жертвам войны” 30–31 августа 1915 года устраивает кружечный сбор пожертвований “День дубового листка” на помощь беженцам и детям – жертвам войны.

*Сограждане! **Поможем** беженцам!*

*Мы **должны** им **помочь**! Они терпят тяжелую нужду, они страдают. **Помочь** им **должна** вся Россия! Сердце ее – Москва – не может не **чувствовать** этого.*

***Поможем** детям, отцы которых защищают нас. “Дети – цветы земли, дети – будущее России!”»*

Здесь, кроме повтора глагола *поможем* с призывной семантикой, повторяются глагольные конструкции с императивной семантикой *должны помочь, помочь должна*; усиливает императивно-призывной характер текста и конструкция с двойным отрицанием *не может не чувствовать*, обладающая семантикой категоричного утверждения (см. выделенное полужирным курсивом).

В последние годы из-за сокращения численности населения в стране президент РФ издал Указ № 400 «О Стратегии национальной безопасности», а Правительство РФ приняло «Национальный проект *Демография*», касающийся практически всех граждан России. Указ президента и Проект направлены на поддержку семей с детьми, активного долголетия, занятости и здорового образа жизни. Как видно, большинство вопросов поддержки семьи и жизни граждан были актуальны и пропагандировались еще в социальной рекламе царской России.

В заключение можно сделать вывод о том, что современная государственная политика по возрождению престижа полноценной (в том числе многодетной) семьи и ее поддержки во многом близка (если не сказать «повторяет») социальной семейной рекламе царской России.

Список источников

1. Закон РФ «О рекламе» от 13.03.2006 № 38-ФЗ (ред. от 24.07.2023). Статья 3.
2. Николайшвили, Г. Г. Социальная реклама: теория и практика / Г. Г. Николайшвили. – Москва : Аспект Пресс, 2008. – 191 с.
3. Кузнецов, П. А. Социальная реклама. Теория и практика / П. А. Кузнецов. – Москва : ЮНИТИ-ДАНА, 2013. – 175 с.
4. Пронина, И. Л. Социальная реклама / И. Л. Пронина, Н. В. Сиротина, Н. Н. Фаина. – Саранск : Изд-во Мордовского университета, 2018. – 1 электрон. опт. диск.
5. Данилевская, Н. В. Автомобильные ценности в русской и китайской картинах мира в гендерном и культурном аспектах / Н. В. Данилевская // Гендерные аспекты языка, сознания и коммуникации : коллективная монография. – Москва : Издательский Дом ЯСК, 2021. – С. 293–313.

6. Симонова, А. К. Реклама в процессе детерминации социального поведения личности : автореферат диссертации ... кандидата социологических наук / А. К. Симонова. – Екатеринбург, 2010. – 19 с.
7. Никитина, Е. Н. История развития социальной рекламы. Государственная политика в этой области / Е. Н. Никитина // XVI Международная конференция памяти профессора Л. Н. Когана (90-летие со дня рождения) «Культура, личность, общество в современном мире: Методология, опыт эмпирического исследования», 21–22 марта 2013 г. – Екатеринбург : УрФУ, 2013. – С. 2126–2134.
8. Ценность # 1: навстречу году семьи. Семья, гордость за страну и историческая связь поколений – трио наиболее важных ценностей россиян. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/cennost-1-navstrechu-godu-semi?ysclid=lsisemmj5x43095636> (дата обращения: 31.01.2024).
9. Семья как ценность. Идеальная семья в представлениях россиян – многодетная, уделяющая большое внимание воспитанию детей и передаче традиций. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/semja-kak-cennost?ysclid=lsistcvgnh638173499> (дата обращения 13.02.2024).
10. Дореволюционная реклама // Сайт «Культура.РФ». – URL: <https://www.culture.ru/materials/196701/dorevolucionnaya-reklama?ysclid=lspsxzj9qy975278991> (дата обращения: 31.01.2024).
11. Дореволюционная реклама России о семье. – URL: <https://ya.ru/images/search?lr=50&source=serp&stype=image&text> (дата обращения: 16.02.2024).
12. Коллекция советских плакатов. – URL: <http://www.myussr.ru/soviet-posters> (дата обращения: 01.02.2024).
13. Современная реклама России о семье. – URL: <https://ya.ru/search/?text> (дата обращения: 16.02.2024).
14. История рекламы в России. Выкрики, прибаутки и лубки // Культура.РФ : сайт. – URL: <https://dzen.ru/a/YnJHwKWwTw5R8enP> (дата обращения: 17.02.2024).

Раздел II. Современные подходы к изучению текста и дискурса

УДК 811.161.1'42
ГРНТИ 16.21.33

Общие принципы и методика дискурсивного анализа

General principles and methods of discourse analysis

Алексей Владимирович Болотнов

Томский государственный педагогический университет, Томск, Россия

Аннотация. Конкретизировано понятие «дискурс», а также общие принципы изучения дискурсивных практик языковых личностей. Предложена уточненная методика дискурсивного анализа. Рассмотрено соотношение дискурса и текста, дискурсивного анализа и других методов исследования, связанных с изучением текстовой деятельности языковой личности в процессе коммуникации.

Ключевые слова: принцип, дискурс, дискурсивный анализ, текстовая деятельность, методика анализа

Key words: principle, discourse, discourse analysis, textual activity, analysis technique

Проблема изучения дискурса и различных дискурсивных практик остается актуальной с конца 1990-х гг. ввиду многозначности ключевого термина и разнообразия подходов к дискурсивному анализу. Имеется обширная исследовательская литература, посвященная определению дискурса, его типов и их специфики, описанию различных аспектов анализа данного феномена и моделированию дискурсивно значимых параметров коммуникации (см., например, работы Е. В. Темновой [1], В. И. Карасика [2], Л. П. Прокошенковой и И. Б. Гецкиной [3], В. Е. Чернявской [4, 5], О. А. Леонтовича [6], А. С. Пташкина [7], Н. Н. Белозёровой и Л. Е. Чуфисовой [8], Ю. А. Эмер и С. А. Андриевской [9] и др.).

По мнению Т. А. ван Дейка, который рассматривает дискурс комплексно, дискурс «в широком смысле слова является сложным

единством языковой формы, значения и действия, которое могло бы быть наилучшим образом охарактеризовано с помощью понятия коммуникативного события или коммуникативного акта» [10, с. 121]. Коммуникативный аспект в интерпретации дискурса подчеркивает и Б. М. Гаспаров, связывая его с коммуникативным пространством, которое «в совокупности и взаимодействии всех своих аспектов образует целостную коммуникативную среду, в которую говорящие как бы погружаются в процессе коммуникативной деятельности» [11, с. 297].

В трактовке дискурса признается процессуальность, в отличие от текста, рассматриваемого как часть дискурса; дискурс трактуется как «совокупность многих отдельных текстов, уже существующих и потенциально возможных» [4, с. 57], как «форма социального поведения, в котором учитываются культурные, исторические и прочие факторы» [7, с. 66].

Широкое распространение получило определение дискурса Н. Д. Арутюновой, взятое нами за основу: «речь, погруженная в жизнь», «связный текст в совокупности с экстралингвистическими прагматическими, социокультурными, психологическими и др. факторами; текст, взятый в событийном аспекте» [12, с. 136].

Столь же разнообразны подходы и к пониманию дискурсивного анализа: в обзоре В. Е. Чернявской отмечается, в частности, французская традиция анализа дискурса с акцентом на политико-идеологические, исторические и социокультурные аспекты (М. Фуко, П. Серио и др.); немецко-австрийская школа, для которой характерно использование методов и принципов «текстового анализа письменного текста» [4, с. 55], англо-американская традиция анализа устной коммуникации, направленная на «интерактивное взаимодействие говорящего и слушающего, на процессуальность» [4, с. 55].

Другие ученые рассматривают дискурс-анализ как «междисциплинарное направление» [3, с. 2], как «молодую научную дисциплину» [13, с. 3], как «обширную группу разнообразных по своей

сути лингвистически ориентированных подходов» [6], как «методологию», «совокупность взаимосвязанных подходов к изучению дискурса и функционирующих в нем языковых единиц» [13, с. 4].

В дискурс-анализ ученые включают «наблюдение, эксперимент, моделирование» [7, с. 66], предлагают «исследование определенного тематического корпуса с использованием когнитивных методик (фреймового анализа)» [7, с. 67] с опорой на метод автоматического дискурсивного анализа на основе пакета программ MATLAB [7, с. 67].

О. А. Леонтовичем рассматриваются виды анализа дискурса с ориентацией на устную коммуникацию: исследователь выделяет, например, инструментальный анализ (транскрипция, этнографический протокол) [6, с. 186]. К *параметрам дискурс-анализа* автором отнесены: участники общения, контекст общения, форма коммуникации, виды коммуникативной деятельности, содержательная составляющая, сценарная составляющая, социально-интерактивная составляющая, эмоциональная составляющая [6]. В качестве *единиц дискурс-анализа* исследователем выделены: речевая ситуация, речевое событие, речевой акт, интеракционный или коммуникативный акт, репликовый шаг и т.д. [6, с. 186].

Известна и точка зрения относительно понимания дискурса с позиций литературоведения. Так, в статье А. И. Силантьева «Теория дискурса в современном литературоведении» [14] дискурс рассмотрен с опорой на концепцию М. М. Бахтина и его понятия высказывания и речевого жанра. Автор статьи предлагает рассматривать литературный жанр «в прагматическом (коммуникативном) измерении эстетического дискурса» [14, с. 210].

Из разных подходов к дискурс-анализу представляется наиболее обоснованной точка зрения, изложенная в работах В. Е. Чернявской, которая детализирует высказанную Т. А. ван Дейком мысль о том, что должен быть двухуровневый анализ, включающий уровень текста и уровень сверхтекста, того, что связано с выходом в широкий контекст. Исследователь справедливо отмечает:

«Начальный уровень в дискурсивном анализе всегда является уровень конкретной языковой реализации дискурсивного содержания, т.е. уровень текста» [4, с. 58]. Следующий уровень включает «проецирование на элементы содержательно-смысловой и композиционно-речевой организации текста психологических, политических, национально-культурных, прагматических и других факторов» [4, с. 58].

Подведем итоги. Несмотря на различные акценты, разные концепции в интерпретации дискурса и дискурс-анализа объединяет общий интерес исследователей к экстралингвистическим условиям появления и интерпретации речевых сообщений. При этом предлагается разный масштаб анализа и характеристики экстралингвистических факторов, что делает дискурс-анализ несколько неопределенным и требует конкретизации.

Важно определить общие принципы дискурсивного анализа и его процедуру, которая может реализоваться исследователем с разной степенью полноты в зависимости от его конкретных целей и задач, а также принимаемой им определенной концепции в понимании дискурса.

Считаем, что при дискурс-анализе остаются актуальными общие принципы языкознания: принцип историзма, системности, взаимосвязи формы и содержания, общего и отдельного. Из специфических принципов дискурс-анализа выделим следующие: 1) *принцип взаимосвязи и взаимной обусловленности лингвистических и экстралингвистических факторов* (см. определение дискурса Н. Д. Арутюновой); 2) *единство вербального и невербального аспектов анализа коммуникативного поведения субъекта*; 3) *учет коммуникативного и когнитивного подходов к изучению дискурса*; 4) *интегративность и процессуальность в изучении коммуникативного события, отраженного в текстовой деятельности*. Е. В. Чернявская связала это с пониманием текста «не как (относительно) законченной сущности, но как открытой в межтекстовое пространство сущности» [5, с. 57].

На основе выделенных принципов общее направление дискурсивного анализа можно представить как ряд связанных логически аналитических процедур: от определения сферы коммуникации – к виду общения; от сообщаемой информации – к специфике языковых личностей и их идиостилю через изучение особенностей среды и ситуации взаимодействия.

Методика дискурсивного анализа может включать следующие этапы:

1. Определение специфики дискурса (возможен универсальный подход или выделение статуса определенной дискурсивной практики или персонального дискурса). Далее следует общая оценка и кодификация информации, затем конструирование модели взаимодействия участников и среды. При этом необходим последовательный анализ ряда ключевых факторов. Перечислим их.

2. Фактор адресата (количество слушателей; их ролевой статус, ценности, мотивы) – целевая направленность информационного кода (сообщение, воздействие, общение) – средства общения (в виде текста или символов, или иной сигнальной информации). На этом этапе осуществляется отдельная параметризация и описание лингвистического и экстралингвистического факторов, их соотношения и семиотических особенностей в передаваемом сообщении.

3. Фактор адресанта (пол, возраст, уровень образования, социальный статус, ценности, мотивы, психологический тип, коммуникативная роль). Параметризация созданного им текста, подтекста, контекста и интертекста. Их развернутый стилистический и лингвистический анализ (тема, жанр, стиль, лексика, сочетаемость, синтаксическая организация и др.). См. подробнее о данных видах анализа текста в работе [15, с. 37–57, 71–90].

4. Фактор аудитории, т. е. среды общения и возможность контактной информации участников коммуникации. На этом этапе следует учитывать показатели: коммуникативный акт, речевая ситуация, специфика дискурса, описание прагматики коммуникатив-

ной деятельности. Рассматриваются: место и время общения (контактное/дистантное; наличие координат «я-ты-здесь-сейчас» или их отсутствие); обстановка и ситуация общения (официальная/неофициальная); тип общения (устное /письменное; вербальное/невербальное; монологическое/диалогическое; информативное/неинформативное; личное / публичное / массовое).

5. Фактор идиостиля (как автора, так и получателя сообщения). При этом определяются их культурно-речевая специфика; коммуникативные стратегии, тактические приёмы, коммуникативный ход во взаимодействии участников; выявляются закономерности когнитивных особенностей участников дискурса на основе сообщённой информации и речевого взаимодействия.

6. Канал связи – условия и доступ к сообщению (тексту, видеоматериалу, информации); обстоятельства речевого взаимодействия (прямое / непосредственное / опосредованное); особенности функционирования канала связи в месте размещения, фоновая информация.

7. Обобщение полученных наблюдений и общий вывод для завершения дискурсивного анализа.

Выделенные параметры могут быть дополнены речевым портретированием участников коммуникации и описанием коммуникативного и когнитивного стилей автора и получателя информации.

Список источников

1. Темнова, Е. В. Современные подходы к изучению дискурса / Е. В. Темнова // Язык, сознание, коммуникация : сборник статей / отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. – Москва : МАКС Пресс, 2004. – Вып. 26.
2. Карасик, В. И. Языковой круг : личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – Москва : ГНОЗИС, 2004. – 389, [1] с.; Науч.-исслед. лаб. «Аксиол. Лингвистика». – ISBN 5-7333-0143-0.
3. Прокошенкова, Л. П. Дискурсивный анализ и его роль в современной лингвистике / Л. П. Прокошенкова, И. Б. Гецкина // Вестник Чувашского государственного университета. – 2006. – № 4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/diskursivnyy-analiz-i-ego-rol-v-sovremennoy-lingvistike> (дата обращения: 22.03.2024).

4. Чернявская, В. Е. Фантомы и синдромы дискурсивной парадигмы / В. Е. Чернявская // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2014. – № 1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fantomy-i-sindromy-diskursivnoy-paradigmy> (дата обращения: 22.03.2024).
5. Чернявская, В. Е. Лингвистика текста. Лингвистика дискурса : учебное пособие / В. Е. Чернявская. – 3-е изд., стер. – Москва : Флинта; Наука, 2015. – 208 с.
6. Леонтович, О. А. Метод дискурс-анализа / О. А. Леонтович // Дискурс-Пи. – 2015. – № 2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metod-diskurs-analiza> (дата обращения: 22.03.2024).
7. Пташкин, А. С. Дискурс, дискурсивный анализ и лингвистические процессы / А. С. Пташкин // Вестник Томского государственного педагогического университета (TSPU Bulletin). – 2016. – Вып. 6 (171). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/diskurs-diskursivnyy-analiz-i-lingvisticheskie-protsessory> (дата обращения: 22.03.2024).
8. Белозерова, Н. Н. Когнитивная модель дискурса : учебное пособие / Н. Н. Белозерова, Л. Е. Чуфисова. – 2-е изд. – Тюмень : Изд-во Тюменского государственного университета, 2013. – 256 с.
9. Эмер, Ю. А. Академический военно-образовательный дискурс: к модели описания / Ю. А. Эмер, С. А. Андриевская // Вестник Томского государственного педагогического университета (TSPU Bulletin). – 2023. – Вып. 6 (230). – С. 49–57. – doi: 10.23951/1609-624X-2023-6-49-5715.
10. Дейк, Т. ван. Язык. Познание. Коммуникация / Т. ван Дейк. – Москва, 1989. – 312 с.
11. Гаспаров, Б. М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования / Б. М. Гаспаров. – Москва, 1996. – 352 с.
12. Арутюнова Н.Д. Дискурс / Н. Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь. – Москва, 1990. – С. 136–137.
13. Колокольникова, М. Ю. Дискурсивный анализ как метод исследования лексических единиц : учебно-методическое пособие / М. Ю. Колокольникова. – Саратов, 2012. – URL: http://elibrary.sgu.ru/uch_lit/674.pdf (дата обращения: 22.03.2024).
14. Силантьев, А. И. Теория дискурса в современном литературоведении / А. И. Силантьев // Сибирский филологический журнал. – 2023. – № 3. – С. 210–221.
15. Болотнова, Н. С. Филологический анализ текста : учебное пособие / Н. С. Болотнова. – Томск : Изд-во ТГПУ, 2006. – 631 с.

**Вербализация концепта «Любовь» в поэзии
Вероники Тушновой**

**Verbalization of the concept “Love” in poetry
by Veronika Tushnova**

Светлана Витальевна Чайковская

Томский государственный педагогический университет, Томск, Россия

Аннотация. Представлен анализ концепта «Любовь» на материале поэтических текстов В. Тушновой. Выявлены следующие направления ассоциирования, которые отражают разные грани данного концепта: любовь – природа – невозможность контроля; любовь – проникновение в суть; любовь – постоянство, неизменность; любовь – конечность, угасание; любовь – предопределенность; любовь – полнота бытия – творчество – память; любовь – альтруизм, жертвенность.

Ключевые слова: концепт «Любовь», направления ассоциирования, поэзия, В. Тушнова

Key words: concept “Love”, association directions, poetry, V. Tushnova

Творческое наследие Вероники Михайловны Тушновой – известной русской советской поэтессы – к настоящему времени изучено фрагментарно. Например, в статье М. А. Авериной [1] анализируются типы повтора и его функции в поэзии В. Тушновой; исследованию компонентов функционально-семантического поля состояния на этом же материале посвящена публикация А. Ю. Третьяковой [2]. Образ ребенка в стихотворениях В. Тушновой находится в центре внимания О. А. Умеренковой [3]. Основные жанры в лирике поэтессы (элегия, романс и послание) выявляют С. Г. Шаронова и С. П. Гудкова [4]. В качестве одного из источников фактического материала поэзия В. Тушновой анализируется в диссертации Е. А. Балашовой [5], автором рассмотрен жанр стихотворной идиллии в XX–XXI вв.; имеются работы по гендерной проблематике (Н. Ю. Малкова [6], А. А. Коробейникова [7]). Большой интерес представляет изучение системы

концептов («любовь», «счастье», «память», «душа/сердце», «творчество», «одиночество»), вербализованных в поэтических текстах В. Тушновой. Из перечисленных ключевых для творчества поэтессы концептов подробно описан только один – «одиночество» (см. статью Я. Г. Судаковой [8]).

Объектом исследования в данной статье является концепт «любовь». М. Ф. Пьяных [9] отмечает, что «любовь – не просто основная тема лирики Тушновой, а главный стимул ее жизни и творчества: без любви для поэтессы нет полноценной жизни, нет острого и глубокого чувства красоты первозданной и вечной природы, нет ощущения счастья своего бытия в мире и его неповторимости» [9, с. 528].

Данное исследование выполнено в русле коммуникативной стилистики текста, изучающей «текст (речевое произведение) как форму коммуникации и явление идиостиля» [10, с. 55]. В рамках указанного научного направления при описании концептов используется «методика моделирования текстовых и межтекстовых ассоциативно-смысловых полей <...> и анализируется их взаимосвязь» [10, с. 79], а также подчеркивается приоритет ассоциативного слоя художественного концепта перед другими его слоями [10, с. 79]. Структура текстового ассоциативно-смыслового поля концепта включает в себя:

1) «ключевое слово-номинал концепта и синонимичные ему лексические единицы словного и сверхсловного типов» [10, с. 80];

2) «различные репрезентанты (экспликаторы) и актуализаторы концепта (текстовые единицы, прямо или косвенно связанные с анализируемым концептом по каким-либо признакам» [10, с. 80].

Репрезентанты и актуализаторы являются «стимулами – элементами лексической структуры текста, рождающими ассоциаты, соотносящиеся в сознании адресата с определенными реалиями языка, сознания и окружающей действительности» [10, с. 80]. Ас-

социаты, которые объединяются «в рамках одного направления ассоциирования, отражающего какую-либо сторону (грань) концепта» [10, с. 80], формируют ассоциативный ряд.

В статье используется методика анализа ассоциативного слоя художественного концепта, предложенная Н. С. Болотновой [11] и состоящая из пяти этапов:

1. «Выявление внетекстовых свободных и направленных ассоциаций, стимулированных номинатом концепта» [11, с. 76].

2. «Определение на основе полученного узуального ассоциативного поля типичных для носителей данного языка направлений ассоциирования» [11, с. 76].

3. «Изучение различных регулятивных средств текста, включая индивидуально-авторские, определение их ассоциативной связи <...> с ключевым словом-номинатом, эксплицированным в тексте или актуализированном в нем имплицитно» [11, с. 76].

4. «Формирование текстовых ассоциативных рядов <...>, а на их основе – текстовых направлений ассоциирования» [11, с. 76].

5. «Формирование текстового ассоциативного поля художественного концепта, а на его основе конкретизация содержания художественного концепта» [11, с. 76].

В «Славянском ассоциативном словаре» [12] зафиксированы многочисленные ассоциации на слово-стимул «любовь», из которых наиболее частотны следующие: *«счастье 63; зла, ненависть 23; чувство 19; жизнь 13; вечная 11; нежность, секс 10; страсть 8; большая, девушка, моя, радость, сильная 7; до гроба, морковь, прекрасна 6; женищина, мечта, прекрасно 5; вечность, взаимная, земная, и смерть, крепкая, прекрасная, семья, сила, чистая 4»* [12, с. 138].

С опорой на приведенные в словаре ассоциации можно выделить следующие основные направления ассоциирования:

1) любовь как нечто позитивное (связано с понятиями «счастье», «радость» и т.п.);

2) любовь как нечто, связанное с негативными эмоциями (переходит в ненависть, приносит страдания и т.п.);

3) любовь – это длительное и интенсивное чувство (она вечная, до гроба; сильная, крепкая);

4) любовь связана с категориями «жизнь» и «смерть».

Источником фактического материала – поэтических текстов В. Тушновой – является сборник «Не отрекаются любя. Полное собрание стихотворений» (2021) [13].

В стихотворениях В. Тушновой, опубликованных в анализируемом сборнике, концепт «любовь» представлен 272 лексемами, из которых наиболее частотны следующие: «любить» (101), «любовь» (78), «любимый» (субстантивированное прилагательное, 18), «любимый» (качественное прилагательное, 18).

В результате анализа поэтических текстов В. Тушновой были выявлены следующие ассоциативные направления, отражающие разные грани концепта «Любовь»:

1. *Любовь – природа – невозможность контроля.* Репрезентантами концепта в рамках данного направления выступают природные метафоры ГРОЗА («безветрия и гроз чередованье» [13, с. 174], ВОЛНА («сто тысяч раз встающая волна» [13, с. 174]), БУРЯ («благославляя бурю, // с которой никак не справлюсь» [13, 250]), ВЬЮГА («что-то гудящее, вихревое» [13, с. 257], «пламени белого полыханье» [13, с. 257]), ШТОРМ («двум пловцам неразумным, // дождавшимся шторма» [13, с. 257]), ЛЕСНОЙ ПОЖАР («Гудит лесной пожар. // Не поздно ли спастись // от пожара?» [13, с. 306]). В представлении В. Тушновой, любовь похожа на природные стихии своей неожиданностью и неуправляемостью, находится вне здравого смысла и рассудка, подчиняет себе человека: «она цветет без спроса, // и никакой закон ей не закон» [13, с. 446]; «уж вот когда она зеленым ветром пойдет хозяйничать в душе твоей» [13, с. 446]. Сила любви передается с помощью таких сравнений и эпитетов, как: «Зачем же все это – // **как таянье льдов неминуемое, // как шара земного движенье // непреодолимое?**» [13, с. 316].

2. *Любовь – проникновение в суть.* Любовь наделяет лирическую героиню особой пронизательностью, пониманием любимого

человека, что, например, в стихотворении «Я люблю тебя...» подчеркивается с помощью повторяющегося глагола «знать» («знаю тебя всех ближе» [13, с. 399]; «Я одна тебя знаю таким, // какой ты на самом деле» [13, с. 399], анафоры и градации («Знаю тебя всех ближе. Всех лучше. Всех глубже» [13, с. 399]).

3. *Любовь – постоянство, неизменность.* Любовь в ее идеальной ипостаси длится всю жизнь, не умаляясь и изменяясь по своей сути. Данное направление ассоциирования выстраивается за счет использования наречий времени с семантикой постоянства («он мой любимый, мой **навечно**» [13, с. 453]; «моя любовь с тобой **всегда. Навеки**» [13, с. 493]), а также гиперболических метафор («сто тысяч раз встающая волна» [13, с. 174], «пожизненное первое свиданье» [13, с. 174]). Любовь определяется как «не знающая увяданья» [13, с. 174].

4. *Любовь – конечность, угасание.* Реальное любовное чувство может ослабевать или совсем исчезать. Поэтесса использует олицетворения: «бывают дни, когда любовь устала // и прячется, не грея, не лучась» [13, с. 96]; «спит любовь, // как спящая красавица // в своем отполированном гробу» [13, с. 236], «любовь умирает от маленькой лжи» [13, с. 404].

5. *Любовь – предопределенность.* Лирическая героиня В. Тушновой уверена, что она и ее возлюбленный изначально созданы друг для друга. В стихотворениях неоднократно встречается лексема «судьба» («...друг другу предназначены судьбой» [13, с. 125], «...за встречу, посланную нам, // за подаренный судьбою вечер // я любую молодость отдам» [13, с. 59]), используются глаголы с семой «воздействие извне» (любовь, как выюга, «**толкает** друг к другу» [13, с. 257]; ко дню, проведенному вместе, влюбленных «**приговорили**» [13, с. 390]).

6. *Любовь – полнота бытия – творчество – память.* Влюбленная лирическая героиня смотрит на мир одухотворенным, восторженным взглядом. Ее душевное состояние описывается с помощью следующих метафор: «та теплота, которой нет названья» [13,

с. 66]; «она, как зноя ровная струя, // живет во мне» [13, с. 66]; «только в сердце моем столько света сейчас» [13, с. 120]. Любовь, в представлении поэтессы, – это огонь («или есть огонь, // или нет огня» [13, с. 398]), сияние («лишь все согревала сияньем любви» [13, с. 502]), рай (см. аллюзию на библейский рассказ о жизни Адама и Евы в райском саду в стихотворении «Двое и яблоко» [13, с. 307]). Любимый человек уподобляется воздуху и небу – тому, без чего невозможно жить: «он мне и воздух, // он мне и небо, // все без него бездыханно // и немо» [13, с. 247].

Угасание любви равно для лирической героини утрате смысла жизни, что передается с помощью антитезы: «разноцветный, яркий мир в период влюбленности – блеклый мир, когда чувства исчезают» («Ах, жизнь моя, как страшно ты поблекла. // ...А где же золотая паутина? //А где же разноцветные волокна? // Ты стала пыльной, серой, узловатой» [13, с. 239]).

Любовь пробуждает творческий дар, который позволяет видеть «волшебство» даже в самых обыденных вещах и делает жизнь лирической героини возвышенной: «Все-таки живется высоко мне. // Очень я тебя благодарю, // что не в тягость мне земные корни, // что, как праздник, // праздную зарю, // что утрами с пеньем флейты льется // в жбан водопроводная вода, // рыжий веник светится, как солнце, // рдеют в печке чудо-города...// Длится волшебство не иссякая, // повинуются мне // ветер, дым, // пламя, снег и даже сны, // пока я // заклинаю именем твоим» [13, с. 382].

Когда отношения между любящими людьми исчерпывают себя, остается поэзия – «подруга и помощница» [13, с. 239], запечатлевающая любовь в ее лучшем, идеальном состоянии. Личное чувство лирической героини становится достоянием других людей, которые будут переживать его как свое: «все роздано, раздарено ... // И люди // все сберегут – любовь твою, усталость, // надежды, радость... даже одиночество» [13, с. 239]. Конечная в реальной жизни любовь остается вечной и неизменной в поэтических строках и человеческой памяти.

7. *Любовь – альтруизм, жертвенность*. Настоящая любовь, по мнению В. Тушновой, требует самоотдачи и бескорыстия. Для лирической героини любить – значит желать любимому человеку добра [13, с. 244]. В стихотворении «Я желаю тебе добра!» [13, с. 244] мотив самоотречения усиливается с помощью эпитфоры и анафоры: «...слов не надо, // и встреч не надо, // и не надо моей печали, // и не надо твоей тревоги, и не надо, чтобы в дороге // мы рассветы с тобой встречали» [13, с. 244].

Любовь предполагает заботу, душевное участие: «разжигая костры, // и топлю отсыревшие печи, // и люблюсь, как ты // расправляешь поникшие плечи, // и слежу, как в глазах твоих // льдистая корочка тает, // как душа твоя пасмурная // рассветает и расцветает» [13, с. 318]. В целом лирическая героиня предъявляет к себе более суровые требования, чем к своему возлюбленному; готова простить его недостойные поступки и недостатки, сама стремясь к нравственному совершенству (см. развернутое противопоставление: «Пускай лучше ты непустишь меня, // чем я не открою двери. // Пускай лучше ты обманешь меня, // чем я тебе не поверю. // Пускай лучше я в тебе ошибусь, // чем ты ошибешься во мне. // Пускай лучше я на дне окажусь, // чем ты по моей вине» [13, с. 280]).

Итак, в поэтических текстах Вероники Тушновой любовь, как и в обобщенном представлении носителей русского языка, предстает как возвышенное чувство, которое в идеале не угасает до смерти. Спецификой представления этого концепта в поэзии В. Тушновой является акцент на стихийности и неуправляемости любовного чувства, на любви как источнике поэтического вдохновения и на ее бескорыстии и жертвенности.

Список источников

1. Аверина, М. А. Роль повтора в поэтике В. Тушновой / М. А. Аверина // В мире науки и искусства : вопросы филологии, искусствоведения и культурологии. – 2014. – № 34. – С. 19–24.

2. Третьякова, А. Ю. Состав компонентов ФСП состояния в поэтических произведениях В. Тушновой / А. Ю. Третьякова // Современные технологии : актуальные вопросы, достижения и инновации : сборник статей XIII Международной научно-практической конференции : в 2 ч. – 2018. – С. 133–136.
3. Умеренкова, О. А. Образ детей в поэзии Л. Татьянической и В. Тушновой / О. А. Умеренкова // Мировая словесность для детей и о детях : материалы Международной научно-практической конференции. – Ярославль, 2023. – С. 31–38.
4. Шаронова, С. Г. Жанровое своеобразие книги стихов В. Тушновой «Не отрекаются, любя» (2012) / С. Г. Шаронова, С. П. Гудкова // Татищевские чтения : актуальные проблемы науки и практики. Материалы XV Международной научно-практической конференции : в 3 т. – 2018. – С. 211–215.
5. Балашова, Е. А. Функционирование русской стихотворной идиллии в XX–XXI вв. : автореферат диссертации ... доктора филологических наук / Е. А. Балашова. – Смоленск, 2015. – 47 с.
6. Малкова, Н. Ю. Философско-антропологические основания репрезентации «мужского» и «женского» в поэтическом тексте : на материале поэзии XX века : диссертация ... кандидата философских наук / Н. Ю. Малкова. – Владивосток, 2006. – 181 с.
7. Коробейникова, А. А. Мужчина глазами женщины : лексический аспект (на материале женской поэзии XX века) : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук / А. А. Коробейникова. – Самара, 2008. – 19 с.
8. Судакова, Я. Г. Мотив одиночества и средства его вербальной манифестации в лирике Вероники Тушновой / Я. Г. Судакова // Современные тенденции развития науки и технологий. – 2017. – № 2-5. – С. 98–102.
9. Пьяных, М. Ф. Тушнова Вероника Михайловна / М. Ф. Пьяных // Русская литература XX века. Прозаики, поэты, драматурги : биобиблиографический словарь : в 3 т. / под ред. Н. Н. Скатова. – Москва : ОЛМА-ПРЕСС Инвест, 2005. – Т. 3 : П–Я. – С. 527–529.
10. Болотнова, Н. С. Коммуникативная стилистика текста : словарь-тезаурус / Н. С. Болотнова. – 3-е изд., стер. – Москва : Флинта, 2021. – 384 с.
11. Болотнова, Н. С. О методике изучения ассоциативного слоя художественного концепта в тексте / Н. С. Болотнова // Вестник Томского государственного педагогического университета (TSPU Bulletin). – 2007. – Вып. 2 (65). – С. 74–79.
12. Славянский ассоциативный словарь : русский, белорусский, болгарский, украинский / Н. В. Уфимцева, Г. А. Черкасова, Ю. Н. Караулов, Е. Ф. Тарасов. – Москва : РАН, Институт языкознания, 2004. – С. 138–142.
13. Тушнова, В. Не отрекаются любя. Полное собрание стихотворений / В. Тушнова. – Москва : Эксмо, 2021. – 518 с.

**Эволюция межличностных отношений
в поэтической картине мира М. И. Цветаевой
на основе анализа тематических зон концептосферы
«Я» – «Все» («Другие»), «Я» – «Ты» («Вы»), «Свой» – «Чужой»**

**The evolution of interpersonal relations in the poetic picture
of the world by M. I. Tsvetaeva based on the analysis
of the thematic zones of the conceptual sphere
“I” – “All” (“Others”), “I” – “You” (“You”), “Your” – “Alien”**

Ольга Леонидовна Кабанина

Томский государственный педагогический университет, Томск, Россия

Аннотация. Представлена эволюция межличностных отношений в поэтической картине мира М. И. Цветаевой на основе анализа тематических зон концептосферы «Я» – «Все» («Другие»), «Я» – «Ты» («Вы»), «Свой» – «Чужой». Эволюция выявлена на основе тематической классификации текстовых парадигм антонимического типа с учетом контраста как лексической регулятивной универсалии в творчестве поэта. Приводятся примеры антонимических парадигм, отражающих авторскую систему межличностных отношений в ранней и поздней лирике Цветаевой. Описаны особенности восприятия автором себя и окружающего социума, приведены примеры факторов, сформировавших уникальность восприятия мира поэтом.

Ключевые слова: теория регулятивности, лексическая регулятивная универсалия, концептосфера, текстовая парадигма антонимического типа, контраст, межличностные отношения

Key words: regulativity theory, lexical regulatory universal, conceptual sphere, text paradigm of the antonymic type, contrast, interpersonal relations

В русле теории релятивности на материале 586 стихотворений и 82 циклов М. И. Цветаевой 1910–1940-х гг. нами проведено исследование контраста как лексической регулятивной универсалии, характерной для лирики поэта. Под *лексической регулятивной универсалией* понимается «вербальное воплощение в характерных для автора текста средствах и способах регулятивности особенностей мышления личности и способа ее взаимодействия с адресатом» [1, с. 9]. В результате исследования в лирике М. И. Цветаевой выявлено

1 098 *текстовых парадигм антонимического типа*, анализ которых позволил рассмотреть контрасты как специфическую черту когнитивного стиля поэтической языковой личности Цветаевой и проследить развитие поэтической картины мира автора.

Текстовая парадигма – «совокупность лексических единиц (словных и сверхсловных), объединенных *концептуально* на основе какого-либо общего элемента: внешнего (экстралингвистического) и (или) внутреннего (лингвистического)» [2, с. 41].

Целью статьи является рассмотрение динамики межличностных отношений в поэтической картине мира Цветаевой. Динамика выявлена нами с помощью тематической классификации текстовых парадигм антонимического типа, за основу которой положена концепция Р. Халлига и В. Ватбурга [3, с. 51]. Концепция заключается в систематизации лексической системы языка посредством распределения слов по трем категориям: «Человек», «Вселенная», «Вселенная и Человек».

Согласно исследованию, доминирующей для поэтической картины мира Цветаевой является категория «Человек», которая уточнена нами с учетом индивидуальных особенностей мировоззрения поэта. К категории отнесены такие тематические зоны, как «Я» – «Все» («Другие»), «Я» – «Ты» («Вы»), «Свой» – «Чужой». Данные оппозиции отражают систему взаимосвязей поэта с окружающим миром, которую В. Н. Мясичев рассматривал «как наиболее специфическую характеристику личности, более специфичную, чем: темперамент, характер, способности» [4]. В. Н. Мясичев выделил взаимосвязь между психической организацией человека и системой отношений. По мнению исследователя, система отношений человека вытекает из всей истории его развития, выражается не только в ситуации внешнего поведения, но в системе внутреннего мира человека, сформировавшейся на основе личного опыта [4]. Таким образом, предполагается возможным проследить развитие внутреннего мира М. Цветаевой, основываясь на анализе зон концептосферы «Я» – «Все» («Другие»), «Я» – «Ты» («Вы»), «Свой» –

«Чужой»), отражающих межличностные отношения разных видов и направленности.

В психологии «межличностными называют объективно переживаемые отношения, взаимосвязи между людьми, в основе которых лежат разнообразные эмоциональные состояния» [5, с. 1]. Объектом отношений в межличностном взаимодействии является другая личность [4].

К видам межличностных отношений относят: знакомство, приятельские и товарищеские связи, дружбу, основанную на бескорыстном общении людей, и любовь [5, с. 1].

Тема любви у Цветаевой в 1910–1920-х гг. связана с тематической зоной концептосферы «Я» – «Ты» («Вы»), как правило, ассоциированной с гендерной направленностью, выражающейся в противопоставлении мужчины и женщины. Любовь как чувство, предполагающее единение с другим человеком, в лирике Цветаевой не актуализировано. Отношения между женщиной и женщиной строятся по принципу «вызова», «противопоставления»: *«За всех вероломных милых / Грядущих своих – я нью!»* *«За всех роковых любовниц / Грядущих твоих – я нью!»* (цикл «Комедьянт» (24), 1919).

В 1920-х гг. появляется тема разлуки, одиночества. Цветаева называет любовь «мачехой», подчеркивая некую «злобность», отчужденность, коварство этого чувства: *«Не мать, а мачеха – Любовь: / Не ждите ни суда, ни милости»* (1920).

С мужскими образами единения авторского «Я» никогда в ранней лирике не происходит, только с женскими – сестра, подруга. Так дружба как вид межличностных отношений представлена в ранней лирике Цветаевой в цикле «Подруга» (7, 1914), в одном из стихотворений которого происходит объединение лирической героини с ее подругой – *«Как на чудных московских барышень / Дивилось глупое бабье»*. Лирическая героиня и подруга оказываются в оппозиции «глупому бабью», которое «московские барышни» явно превосходят по всем критериям красоты, ума и вкуса.

Семья как особая форма и модель межличностных отношений в ранней лирике Цветаевой связана с тематическими зонами концептосферы «Я» – «Все» («Другие»), «Свой» – «Чужой».

Тематическая зона «Я» – «Все» («Другие») включает противопоставление авторского «Я» (как индивидуальной личности) – «другим». Эта оппозиция, выделение, отделение «себя» от окружающих, появилась у Цветаевой как потребность быть не такой, как все, под влиянием взаимоотношений, быта и уклада в доме, в котором она росла. Например, соперничество с младшей сестрой Асей выливалось в размежевание всего и вся. Даже герои книг подвергались разделению по принципу «мой» – «Асин»: «Ульрих – мой герой, а Георг – Асин, / Каждый доблестью пленить сумел: / Герцог Ульрих так светло-несчастен, / Рыцарь Георг так влюбленно-смел!» («Как мы читали LICHTENSTEIN»). Как отмечает Швейцер, «Это – мое» было табу, и значило, что другая не смела не только просить, но и желать этого втайне» [6, с. 41]. Разделение на «твое» и «мое» смежено с оппозицией «Свой» – «Чужой», в творчестве 1910-х гг. воплощающееся именно в этом делении по признаку «принадлежности», «мое» – «твое».

В 1920-х гг., когда Цветаева вышла замуж за С. Эфрона и родила дочь Ариадну, противопоставление себя другим членам семьи осталось. В одном из стихотворений, посвященных дочери, Цветаева признается: «Да, я тебя уже ревную, / Такою ревностью, такой! / Да, я тебя уже волную / Своей тоской» (цикл «Але» (2), 1914) и в этом же цикле: «Но будешь ли ты – кто знает – / Смертельно виски сжимать, / Как их вот сейчас сжимает / Твоя молодая мать» (цикл «Але» (1)). Противопоставление «себя» и «Али» у Цветаевой совсем иное, не такое категоричное, как с сестрой Асей, не такое непримиримое. Это, скорее, противопоставление – сопоставление.

Ключевым лейтмотивом 1920-х гг. становятся строки, написанные поэтом в 1921 г. в стихотворении «Роландов рог»: «Одна из всех – за всех – противу всех!». В 1920-х гг. оппозиции «Я» – «Все»

(«Другие») выходят за рамки узкого семейного круга. Цветаева сопоставляет и противопоставляет, сравнивает себя с другими, отстаивает свое право быть «не похожей на других». Она даже гордится своей непохожестью, с вызовом и смелостью говоря об этом: «Кто создан из камня, кто создан из глины, – / А я серебрюсь и сверкаю! / Мне дело – измена, мне имя – Марина, / Я – бренная пена морская» (цикл «Н. Н. В.» (23), 1920); «Другие – с очами и личиком светлым, / А я-то ночами беседую с ветром» (1920); «Меж соловьев слезистых – соколиха, / А род веду – от Соловья» («А и простор у нас татарским стрелам!», 1922).

В лирике Цветаевой 1930-х гг. происходит расширение границ внутреннего «Я» автора. Оппозиция «Я» – «Другие» становится всеобъемлющей и всеохватывающей. «Другие» – это теперь не просто члены семьи, сестра Ася, или даже «толпа» людей. Целый «век» становится в оппозицию с поэтом: «О поэте не подумал / Век – и мне не до него. / Бог с ним, с громом. Бог с ним, с шумом / Времени не моего!» («О поэте не подумал...», 1934).

Зона концептосферы «Я» – «Ты» («Вы») в картине мира Цветаевой 1930-х гг. тоже изменяется. Тема любви уходит на второй план. Важными становятся дружеские, товарищеские взаимоотношения, отношения между жителями одной страны, между простым народом и людьми у власти, между богатыми и бедными. Появляется социальная проблематика. «Ты», «вы» – это обращение к множеству, собирательным лицам, которым Цветаева противопоставляет не только себя («я»), но все чаще «нас». «Мы» – это она и ее семья, народ, тот, кто страдает, на чью долю выпали горе и страдания. «Вы» – богаты, которые угнетают народ, разрушают сами основания мира: «Будьте прокляты вы – за весь мой / Стыд: вам руку жать, когда зуд в горсти, – / Пятью пальцами – да от всех пяти / Чувств – на память о чувствах добрых – / Через все вам лицо – автограф!» («Никуда не уехали – ты да я», 1932–1935). Вместо «Я» – «Ты» («Вы») чаще встречаются оппозиции «наш» –

«ваш»: *«Русь – прадедам, Россия – нам, / Вам – просветители не-
щер – / Призывное: СССР...».*

Поэт обращается к детям, правнукам, потомкам, противопоставляя поколения «наше» и «ваше»: *«Наша совесть – не ваша со-
весть! / Полно! – Вольно! – О всем забыв, / Дети, сами пишете
повесть / Дней своих и страстей своих»; «Ваш край, ваш век, ваш
день, ваш час, / Наш грех, наш крест, наш спор, наш – / Гнев...».*

Оппозиция «наш» – «ваш» связана с понятиями «свой» – «чужой».

«Многие авторы отношение к другим людям как к своим или чужим связывают с психологической дистанцией, анализ которой дает возможность говорить об уровне психологической близости или удаленности. В ряде исследований подчеркивается связь оппозиции «свой» – «чужой» с оценочной деятельностью. Чаще всего оценка «своего» носит позитивный характер, а оценка «чужого» – негативный, или наоборот [7, с. 89].

Тематическая зона концептосферы Цветаевой «Свой» – «Чужой» прошла эволюцию от детского разделения вещей на «мое» – «твое» по признаку «принадлежности» (1920-е) до определения «Чужой человек», «враг» («Широкое ложе для всех моих рек – / Чужой человек», цикл «Сугробы» (3), 1922), и к масштабному размежеванию мира в 1930-х гг. на «своих» и «чужих», где некогда «родная» страна становится «чужбиной» («Чужбина, родина моя! / Даль, прирожденная, как боль, / Настолько родина и столь – / Рок, что повсюду, через всю / Даль – всю ее с собой несу!», 1932).

Связь оппозиции «свой» – «чужой» с оценочной деятельностью у Цветаевой очень сильна. При этом оппозиция отражает и психологическую дистанцию в отношениях поэта с людьми, на углубление которой оказала влияние революция 1917 г., разделившая всю Россию на «своих» (наших) и «чужих» (врагов), заставившая людей выбирать «с ними» или «с нами»: *«Все рядом лежат – / Не развесть межой. / Поглядеть: солдат. / Где свой, где чужой? / Белый был – красным стал: / Кровь обагрила. / Красным был – белый*

стал: / Смерть побелила» (1920), *«Дом, пропитан насквозь! / Нашей затхлости запах! Как с ватой / В ухе – спелось, сжилось! / Не чужими: своими захватан!»* («Ох, грибок ты мой, грибочек, белый груздь!..», 1922). В аспекте этой оппозиции появляются темы Родины, истории, памяти, тема врага.

Антонимическая парадигма «свой» – «чужой» в картине мира Цветаевой 1930-х гг. приобретает масштаб мира. С начала 1930-х тоска и горечь не покидают поэта, для которого «Родина» за время эмиграции превратилась в «Чужбину».

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что процесс развития межличностных отношений в поэтической картине мира Цветаевой на основе анализа тематических зон концептосферы «Я» – «Все» («Другие»), «Я» – «Ты» («Вы»), «Свой» – «Чужой» отражает динамику внутренних изменений автора.

В системе межличностных отношений Цветаевой раннего периода в центре находится «Я» автора. Цветаева «эгоцентрична эгоцентризмом молодости и не умеет видеть других людей» [6, с. 115]. Отношения строятся по принципу противопоставления. В узком кругу семьи и с окружающими людьми главенствует оппозиция «Я» – «Все» («Другие»), с возлюбленным – «Я» – «Ты» («Вы»). Любовь занимает в картине мира поэта одно из главных мест. Оппозиция «Свой» – «Чужой» в 1910-х гг. в большей степени оценочная по признаку принадлежности «мое – твое». В зрелом периоде творчества система отношений поэта меняется. Дистанция между «Я» и «Ты» в 1930-х гг. уменьшается. Происходит актуализация понятия «Мы», «наш», объединение «Я» лирической героини с «Я» – другими. При этом оппозиция «Свой» – «Чужой» отражает уровень психологической удаленности поэта от «чужого» мира, века и «чужих» людей и психологической близости к тем, кто «свой».

Список источников

1. Кабанина, О. Л. Контраст как лексическая регулятивная универсалия в поэзии М. И. Цветаевой : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук / О. Л. Кабанина. – Томск, 2022. – 23 с.
2. Болотнова, Н. С. Лексическая структура художественного текста в ассоциативном аспекте / Н. С. Болотнова. – Томск, 1994. – 210 с.
3. Степанов, Ю. С. Основы общего языкознания / Ю. С. Степанов. – Москва : Просвещение, 1975. – 272 с.
4. Мясичев, В. Н. Психология отношений / В. Н. Мясичев. – URL: <https://bookap.info/genpsy/myasihchev/#o> (дата обращения: 15.02.2024).
5. Гукова, Д. А. Межличностные отношения / Д. А. Гукова, Л. А. Тухужева, Б. М. Бегиева. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhlichnostnye-otnosheniya/viewer> (дата обращения: 16.02.2024).
6. Швейцер, В. Быт и бытие Марины Цветаевой / В. Швейцер. – Москва : Интерпринг, 1992. – 544 с.
7. Маралов, В. Г. Психологические детерминанты дифференциации отношения к людям по принципу «свой-чужой» / В. Г. Маралов, Т. П. Маралова // Вестник Вятского государственного университета. – 2021. – № 1 (139). – С. 88–96.

**Динамика образа лирической героини М. И. Цветаевой
и средств ее выражения (на материале сборников
«Волшебный фонарь» и «Вёрсты»)**

**Dynamics of the image of the lyrical heroine M. I. Tsvetaeva
and the means of her expression (based on the material
of the collections “The magic lantern” and “Milestones”)**

Надежда Владимировна Захарчевская

Томский государственный педагогический университет, Томск, Россия

Научный руководитель: д. ф. н., проф. кафедры русского языка

Н. С. Болотнова

Аннотация. Рассмотрены динамика образа лирической героини М. Цветаевой и средства ее выражения. Исследование выполнено на материале сборников М. И. Цветаевой «Волшебный фонарь» (1912) и «Вёрсты» (1921). Предмет исследования – образ лирической героини, а также языковые и экстралингвистические средства ее выражения.

Ключевые слова: коммуникативная стилистика текста, поэтический текст, образ лирической героини, М. И. Цветаева

Key words: the communicative style of the text, the poetic text, the image of the lyrical heroine, M. I. Tsvetaeva

В отечественной филологической науке термин «лирический герой» был введен Ю. Тыняновым. Под данным термином исследователем понимается «художественный “двойник” автора-поэта, вырастающий из текста лирических композиций (цикл, книга стихов, лирическая поэма, вся совокупность лирики) как четко очерченная фигура или жизненная роль, как лицо, наделенное определенностью, индивидуальностью судьбы, психологической отчетливостью внутреннего мира» [1, с. 225–226].

Образ лирического героя трансформируется на протяжении творческого пути поэта, поскольку меняется его жизненная и мировоззренческая позиция. Рассмотрение динамики образа лирического героя и средств ее выражения необходимо для того, чтобы

понять особенности творчества автора, ведь, по замечанию Б. О. Кормана, «лирический герой находится между читателем и изображаемым миром» [2].

Динамика образа лирической героини М. Цветаевой, на наш взгляд, является интересным феноменом. Ее поэтическое творчество развивалось поступательно, условно его можно разделить на несколько периодов:

1. Ранняя лирика 1910–1913 гг., когда поэт намечает вектор развития своего творчества, – сборники «Вечерний альбом» (1910), «Волшебный фонарь» (1912), «Из двух книг» (1913).

2. Лирика 1916–1921 гг. В это время ведущими темами становятся *тема любви, судьбы России и поэтического творчества*. Сборники «Версты» (1921), «Лебединый стан» (1921).

3. Лирика позднего периода 1922–1939(41) гг. Для данного периода характерно обращение поэта к темам поиска понимания, душевного равновесия. Любовь уже не рассматривается ею в качестве мощнейшей силы. Особый акцент поэт делает на *темах смерти, бытия и поэтической свободы*. Это нашло отражение, например, в стихотворении «К Пушкину» (1931).

Образ лирической героини Цветаевой меняется согласно данным периодам творчества поэта. Поэтому, как ранее отметил Максимилиан Волошин, стихотворения М. Цветаевой надо читать не выборочно, а в совокупности, чтобы проследить тенденцию развития ее творчества: «Это очень юная и неопытная книга – “Вечерний альбом”. Многие стихи, если их раскрыть случайно, среди книги, могут вызвать улыбку. Ее нужно читать подряд, как дневник, и тогда каждая строчка будет понятна и уместна. Она вся на грани последних дней детства и первой юности...» [3].

Ранняя лирика 1910–1913 гг. отражает важный этап зарождения и становления образа лирической героини М. Цветаевой. В 1912 г. в свет выходит поэтический сборник «Волшебный фонарь», который во многом продолжает идеи и мотивы первой

книги стихотворений поэта. В нем также Цветаева обращается к теме детства, вдохновленная философией поэтов-символистов, делит мир на «идеальный» и «реальный». Деление сборника на три части: «Деточки», «Дети растут», «Не на радость» – олицетворяет прощание лирической героини М. И. Цветаевой с детством, поскольку она изначально представлена в нем юной девушкой, которой только предстоит войти во взрослую жизнь. Эмоциональность, нежность, открытость – качества, которыми она обладает: *«Мы с тобою лишь два отголоска: // Ты затихнул, и я замолчу. // Мы когда-то с покорностью воска // Отдались роковому лучу...»* («Мы с тобою лишь два отголоска...»); *«С улыбкой на розовых лицах // Стоим у скалы мы во мраке. // Сгорело бы небо в зарницах // При первом решительном знаке»* («Розовая юность»).

Во «взрослом» мире, по мнению поэта, человек не может быть счастливым. Так, например, в стихотворении «Декабрь и январь» Цветаева показывает, что каждого человека в первый раз ждет большое счастье и горе. С помощью приема антитезы «счастье» – «горе»; «миг» – «час» поэт подчеркивает, что во взрослом и «неидеальном» мире счастье испытываешь миг, а горе переживается продолжительное время: *«В декабре на заре было счастье, // Длилось – миг... В январе на заре было горе, // Длилось – час»* («Декабрь и январь»). «Идеальный» мир наполнен светом и радостью, в стихотворении «Мальчик и роза» поэт утверждает, что не надо спешить взрослеть: *«Хорошо невзрослой быть и сладко // О невзрослом плакать вечерами!»*.

В стихотворениях, относящихся к раннему периоду творчества М. Цветаевой, можно отметить стратегию самопрезентации: *«...имя Бог мне иное дал: // Морское оно, морское!»*. Имя лирической героини – Марина, что означает *морская*, оно соотносится с ее импульсивным характером, ищущей натурой, готовой на многое для получения желаемого результата: *«Мечты иные мне подал Бог: // Морские они, морские!»* («Душа и имя»). С помощью

метафор «морская душа», «морское имя» М. Цветаева раскрывает особенность характера своей лирической героини, указывая на ее целеустремленность и эмоциональность. Если целеустремленность лирической героини поэта в «Волшебном фонаре» проявляется по отношению к творчеству и жизни в целом: *«Если счастьем я нужна, // Пусть померзнет у окна, // Пусть заслужит (чья вина?) // Эту встречу»* («Если счастье»), то в более позднем сборнике поэта «Версты» (1921) эта целеустремленность связана с любовными отношениями: *«Любовь! Любовь! И в судорогах, и в гробе // Насторожусь – прельщусь – смущусь – рванусь. // О, милая! Ни в гробовом сугробе, // Ни в облачном с тобою не прощусь»* («Любовь! Любовь! И в судорогах, и в гробе...»).

В «Верстах» лирическая героиня М. Цветаевой предстает перед нами уже не юной и неопытной девушкой, которая мечтает об «идеальном» мире, вспоминая детство, а женщиной, готовой ради любви прибегнуть к черной магии. В более раннем периоде творчества доминируют стихотворения, которые можно отнести к жанру *молитвы* или *колыбельной*: «Молитва морю», «Молитва лодки», «В сонном царстве» и другие, в «Вёрстах» преобладают экспрессивные поэтические тексты, оказывающие сильное речевое воздействие. Под речевым воздействием (РВ) Е. Ф. Тарасовым понимается «воздействие на индивидуальное или коллективное сознание и поведение посредством речи и направленное на их изменение и регуляцию» [4, с. 7]. Так, И. А. Стернин в работе «Речевое воздействие как теоретическая и прикладная наука» [5] выделяет 6 способов РВ:

- **Доказывание**, при котором адресат приводит аргументы, подтверждающие правильность какого-либо суждения. Доказывание лишено оценочности.

- **Убеждение** – воздействие на адресанта посредством эмоций и логических суждений, доказывающих определенную точку зрения.

• **Уговаривание.** Прием, при котором адресат воздействует на реципиента при помощи оценочных средств и принуждает отказаться его от своей точки зрения. Основным маркер данного способа РВ – многократное повторение сообщения.

• **Клянченье,** базирующиеся не только на многократном повторении просьбы, но и полным отсутствием аргументации со стороны воздействующего.

• **Внушение,** основанное на побуждении адресата принять определенную точку зрения без обдумывания и при сильном эмоциональном давлении.

• **Принуждение** – грубое убеждение или угроза, заставляющее адресанта принять позицию воздействующего [5, с. 244–245].

Внушение – ведущий вид РВ, который использует М. Цветаева при создании стихотворений, относящихся к периоду 1916–1921 гг. В поэтическом сборнике М. Цветаевой «Версты» можно отметить стихотворения, относящиеся к следующим жанрам:

1) **заговор:** *«Развела тебе в стакане // Горстку жженных волос. // Чтоб не елось, чтоб не пелось, // Не пилося, не спалось...»* («Развела тебе в стакане...»), *«Чтоб дружочку не пилося без меня – // Гребень, гребень мой, расческа моя... Чуть притронешься – пойдет трескотня // Про меня одну, да все про меня...»* («Чтобы помнил не часочек, не годок...»), *«В лоб целовать – заботу стереть. // В лоб целую. // В глаза целовать – бессонницу снять. // В глаза целую...»* («В лоб целовать – заботу стереть...»);

2) **заклинание:** *«Заклинаю тебя от злата, // От полночной вдовы крылатой, // От болотного злого дыма, // От старухи, бредущей мимо...»* («Заклинаю тебя от злата...»).

Таким образом, лирическая героиня М. Цветаевой в сборнике «Версты» наделяется даром магии слова. Она выступает провидцем, демиургом: *«Я расскажу тебе – про великий обман: // Я расскажу тебе, как ниспадает туман... // Я расскажу тебе – про великую ложь...»* («Я расскажу тебе – про великий обман...»). Эпитеты «великий обман» и «великая ложь» используются для воплощения

идейного замысла – отразить величие слова поэта, его пророческой функции.

Примечательно, что М. Цветаевой в поэтический текст намеренно включаются предметы-символы русской культуры, область применения которых – свадебные обряды. Например, обращение к обрядовому предмету быта – гребню. Как считает исследователь И. З. Зубец, «существенная роль отводилась гребню в свадебном обряде, когда невесте, по традиции, расплетают косу на две... Также отмечается охранительная функция гребня...» [6, с. 371–372]. Исходя из представленных выше примеров, можно сделать вывод о том, что суггестивная функция данных поэтических текстов сборника «Версты» создается с помощью приема многократных повторов, обращений, парной рифмы.

Динамика развития образа лирической героини М. Цветаевой – интересный феномен. Он создается с помощью различных регулятивных средств и структур, относящихся к разным языковым уровням. Если в ранней лирике перед читателем героиня предстает в образе юной девушки, которая легко и трепетно относится к любви, то в сборнике более позднего периода творчества поэта – «Вёрсты», лирическая героиня Цветаевой – это женщина, перед которой нет никаких преград. Она владеет магией слова, мыслит уже не о счастливом детстве, а о высоких философских категориях: о любви, личностной свободе, красоте души, выборе жизненного пути.

Список источников

1. Тынянов, Ю. Н. Блок / Ю. Н. Тынянов. – Москва : Литературный факт, 1993. – С. 224–229.
2. Корман, Б. О. Целостность литературного произведения и экспериментальный словарь литературоведческих терминов / Б. О. Корман // Проблемы истории критики и поэтики реализма. – URL: <https://studfile.net/preview/460746/page:18/> (дата обращения: 1.02.2024).

3. Волошин, М. Женская поэзия / М. Волошин. – Москва, 1910. – URL: <https://www.tsvetayeva.com/voloshin-1> (дата обращения: 25.01.2024).
4. Тарасов, Е. Ф. Речевое воздействие как проблема речевого общения / Е. Ф. Тарасов. – Москва : Наука, 1990. – С. 5–18.
5. Стернин, И. А. Речевое воздействие как теоретическая и прикладная наука / И. А. Стернин. – Воронеж, 2008. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=41357001> (дата обращения: 03.02.2024).
6. Зубец, И. З. Символизм предметов в народной культуре / И. З. Зубец. – Ростов, 2008. – URL: <https://www.rostmuseum.ru/upload/iblock/b40/b4097ce15909b770752d182d4b90bcc5.pdf> (дата обращения: 03.02.2024).

УДК 811.161.1'42
ГРНТИ 16.21.33

**Сравнительный анализ некоторых средств выражения
подтекста в сборниках И. Анненского «Тихие песни»
и «Камень» О. Мандельштама**

**Comparative analysis of some means of expressing subtext
in I. Annensky's collections "Quiet songs"
and "Stone" by O. Mandelstam**

Максим Владимирович Бондарев^{1,2}

¹ Кузбасский гуманитарно-педагогический институт
Кемеровского государственного университета, Новокузнецк, Россия

² Томский государственный педагогический университет, Томск, Россия

Научный руководитель: д. ф. н., проф. кафедры русского языка А. В. Болотнов

Аннотация. Проведен сопоставительный анализ средств выражения имплицитной информации в сборниках «Тихие песни» (1904) И. Ф. Анненского и «Камень» (1913) О. Э. Мандельштама. Выявлено общее и различное в использовании литературных приёмов и средств репрезентации подтекста в лирике авторов.

Ключевые слова: И. Анненский, О. Мандельштам, символизм, акмеизм, подтекст, средства регулятивности, «Тихие песни» (1904), «Камень» (1913)

Key words: I. Annensky, O. Mandelstam, symbolism, acmeism, means of regulation, "Quiet Songs" (1904), "Stone" (1913)

Языковая репрезентация подтекстовой информации осуществляется с помощью конкретных лексико-грамматических средств, однако сам подтекст скрыт от прямого наблюдения и проявляется лишь в качестве неявных маркеров подтекста (регулятивов). Они способны вызвать у читателя разные логические и ассоциативные цепочки. Это связано с особенностью восприятия и интерпретацией окружающей действительности, ведь каждый объект реального мира имеет некое отражение в сознании человека, формируя языковую универсальную картину мира через лексико-семантическую систему.

Анализируя произведение, мы обращаемся к разным уровням текста. Понимание концептов и подтекста художественного произведения возможно через анализ средств выразительности (тропов и фигур) и регулятивов. Регулятивы – это единицы, «способные “управлять” познавательной деятельностью читателя», программировать восприятие; регулятивами могут выступать различные лингвистические (ритмико-интонационные, морфологические, словообразовательные, лексические, синтаксические) и экстралингвистические средства (композиционные, логические, графические) [1, с. 481].

Материалом анализа являются произведения из ранних сборников «Тихие песни» (1904) И. Ф. Анненского и «Камень» (1913) О. Э. Мандельштама. Выбор обусловлен тем, что произведения данных поэтов имеют глубокий смысл, являются образцами философской лирики. Учитывая специфику этой жанрово-тематической группы, можно говорить о глубоком подтексте произведений сборников «Тихие песни» и «Камень». «Подтекст – это способ организации текста, ведущий к резкому росту и углублению, а также изменению семантического и/или эмоционально-психологического содержания сообщения без увеличения длины последнего» [2, с. 181].

И. Ф. Анненского называют поэтом-экзистенциалистом и предтечей символизма, что однозначно подтверждает глубину подтекста и символичность образов его лирических произведений. О. Э. Мандельштам определил свой творческий метод, выбрав акмеизм в качестве литературного направления (главными принципами акмеизма являются вещественность и конкретность образов). Важно отметить, что на акмеизм оказал сильное влияние И. Ф. Анненский, с которым О. Э. Мандельштам был знаком лично.

Ранние сборники авторов «Тихие песни» (1904) и «Камень» (1913), во-первых, изданы с разницей всего лишь в девять лет и относятся к одному историческому периоду; во-вторых, являются первыми сборниками поэтов-филологов, открывая их творческий

путь; в-третьих, связаны идейно (см. «О современном лиризме» (1909) И. Ф. Анненского, «Утро акмеизма» (1912) О. Э. Мандельштама, «Наследие символизма и акмеизм» (1913) Н. С. Гумилёва); в-четвертых, отражают интерес поэтов к древнегреческой культуре; в-пятых, большинство произведений сборников относятся к философской лирике.

Сборники «Тихие песни» и «Камень» отличаются поэтикой реминисценций, поэтикой фрагментарности, акцентом на семантическом ореоле жанров и стихотворных размеров, включают освещение концептов *одиночество*, *память*, *гармония* и других, имеют общие темы: сущность поэзии в стихотворениях «Поэзия» и «Быть может я тебе не нужен...», муза/вдохновение в стихотворениях «Который?» и «Образ твой, мучительный и зыбкий...» и др.

Рассмотрим данные регулятивы имплицитного типа, актуализирующие подтекстовую информацию, подробнее.

1. Реминисценция (лат. *geminiscentia* – воспоминание) занимает огромное место в творчестве как И. Ф. Анненского, так и О. Э. Мандельштама. Поэт Серебряного века В. И. Иванов называл художественный метод И. Ф. Анненского «ассоциативным символизмом» [3, с. 169], творчество же поэта-акмеиста О. Э. Мандельштама отличается использованием автореминисценций. Повтор элементов «чужого» или собственного произведения можно обнаружить в обоих сборниках.

Важно отметить, что реминисценция как литературный приём может быть преднамеренной и непреднамеренной. Так, через обращение к теме поэзии оба автора реализуют поэтику реминисценций. Она представлена в ряде произведений рассматриваемых сборников. Например, второе стихотворение сборника «Камень» называется «*Silentium*», что отсылает читателя к творчеству Ф. И. Тютчева, предтече русского символизма и поэту-натурфилософу. Действительно, в обоих стихотворениях без особых трудов читается общая идея – «Мысль изреченная есть ложь» [4, с. 126]. Весьма схожая концепция отражена в переводе стихотворения

«Le Silence» французского поэта-символиста Мориса Роллины, которое И. Ф. Анненский включил в сборник «Тихие песни» (раздел «Парнасцы и проклятые»): «Безмолвие – это душа вещей, / Которым тайна их исконная священна, / Оно бежит от золота лучей...» [5, с. 72].

Идейная связь с Парнасской школой французских поэтов есть и в стихотворении «Silentium» у О. Э. Мандельштама, который в письме к В. И. Иванову писал [6, с. 275]: «Это стихотворение – хотело бы быть “romance sans paroles”...» (романсами без слов. – М. Б.). Образ «романсы без слов» идейно напоминает «Тихие песни» (лексема «тихий» ассоциативно связана с безмолвием, бессловесностью), что тоже может интерпретироваться как поэтика реминисценций.

2. Поэтика фрагментарности предполагает незавершенность мысли, переход от одной мысли к другой. В некотором виде такой приём напоминает поток сознания, который может реализовываться через дискретный синтаксис, что является языковым средством репрезентации подтекста (регулятивом).

Подобный приём находит отражение в произведениях писателей-экзистенциалистов, передавая свойственные данной философии глубокие эмоциональные переживания, ощущения сомнения и тревоги.

Фрагментарность как литературный приём часто реализуется с помощью многоточия.

Например, в стихотворении «У гроба» И. Ф. Анненского наблюдается использование коротких предложений и инверсия уже в первой строке: «В квартире прибрано. Белеют зеркала» [3], что задаёт определенную эмоциональную тональность, свойственную теме произведения. В финале стихотворения на две строки приходится три многоточия: «В недоумении открыл я мертвеца... / Сказать, что это я... весь этот ужас тела...» [3, с. 7]. Графические регулятивы (использование многоточий) усиливают ощущение неоднозначности, недоговоренности.

Поэтика фрагментарности характерна и для творческой манеры О. Э. Мандельштама. В стихотворении «Сегодня дурной день» также используются короткие предикативные части, усиливающие фрагментацию: «Сегодня дурной день: / Кузнечиков хор спит, / И сумрачных скал сень – / Мрачней гробовых плит» [7, с. 21]. Кроме того, стихотворение написано логэдом по схеме U_UU_ _ , благодаря двум ударным слога́м в конце строк происходит тяготение, которое как бы отсекает мысль, создаёт фрагментацию.

3. Семантический ореол жанров и стихотворных размеров занимает особое место в творчестве И. Ф. Анненского и О. Э. Мандельштама: оба поэта неоднократно использовали как некоторые жанры, так и разнообразные стихотворные размеры, связанные с фольклорными и античными традициями.

Поэт-символист И. Ф. Анненский не только использует различные лирические жанры, но и делает акцент на них в заглавиях, что даёт установку на интерпретацию текста, *регулируя психологические операции* в сознании читателя с помощью различных лексических средств, актуализируя подтекст. Например, в сборнике «Тихие песни» (1904) есть *двенадцатистишие* «У гроба» и *тринадцатистишие* «На пороге»; *итальянские сонеты* «Июль», «Ноябрь» и другие; *белый ямб* «Палимая огнём недвижимого светила...»; *стихотворение с системой нумерацией строк* как в Библии: «Перестал холодный дождь»; *фольклорные мотивы* «Ванька-ключник в тюрьме»; *кантата* «Рождение и смерть поэта» и вольные стихи с неурегулированным перепадом стопности.

Поэт-акмеист О. Э. Мандельштам также особое внимание уделяет жанровой природе произведений и стихотворным размерам. Например, в сборнике «Камень» (1913) встречаются *двустипшие* «Дыхание»; *трехстишие* «Нет, не луна, а светлый циферблат»; *итальянские сонеты* («Пешеход», «Казино»); *стихи с нумерацией строф* («Notre Dame»); *логэдические стихи* – «Сегодня дурной день». Семантический ореол жанров и стихотворных размеров представляет собой форму, определяющую содержание. Так, дума

и элегия своим жанровым подзаголовком настраивают читателей на размышления, ода и посвящение предполагают возвеличивание объекта изображения, памфлет и фельетон, наоборот, имеют обличительную природу. Таким образом, жанр или метр являются «установкой» для определенных *психологических операций* в сознании читателя.

4. Повторяемость как маркер средств лексической регулятивности способна воздействовать на читателя. Через повторяющееся слово автор вводит в текст какой-либо мотив, который может быть соотнесён с темой, идеей произведения. Повторяющееся слово способно актуализировать ключевой концепт в сознании читателя. Автор может неосознанно использовать повтор, обнажая собственные страхи и сомнения. Повторяющиеся языковые средства требуют особого внимания и семантического анализа. Например, в сонете «Конец осенней сказки» И. Ф. Анненский использует три словоформы со значением «чёрный», однако контекст и образы каждый раз актуализируют разные значения: «Сказка *чёрная* лилась... – радуг паутина *почернела* – из *чёрного* куста» [5]. Один и тот же колоратив актуализирует различные семы и создаёт эмоциональный подтекст благодаря репрезентации разных оттенков цвета, расширяя смысловую перспективу текста и актуализируя разные концепты.

В стихотворении «Дыхание» из сборника О. Э. Мандельштама «Камень» наблюдается частый повтор местоимений «я/мне», «мой/моим». Так лирическим «Я» актуализируется ценность собственной судьбы: «Дано *мне* тело – что *мне* делать с ним, / Таким единым и таким *моим*? <...> Я и садовник, я же и цветок, / В темнице мира я не одинок» [7, с. 1]. Таким образом, актуализируется подтекст: человек – микрокосм, ответственный как за себя, так и за природу.

5. Важное место в художественных произведениях двух авторов занимают **концепты** *одиночество, память, любовь, хаос* и другие, которые, с одной стороны, выявляют общее в сборниках

«Тихие песни» и «Камень», а с другой – актуализируют уникальные подтексты. Например, названия «Тихие песни» и «Камень» («Раковина») стимулируют в подтексте ассоциативно-смысловую связь с безмолвием, замкнутостью, негласностью, оцепенением, которые отражают муки творчества и эмоциональное состояние поэтов. Оба сборника пронизаны экзистенциальными мотивами.

Таким образом, читатели становятся активными соавторами писателей, создавая свой вариант художественного мира. В работе «Теория подтекста» Е. И. Лелис так описывает «рождение» подтекстовых смыслов: «Подтекст не восстанавливается, не декодируется, а формируется в сознании воспринимающего текст. <...> Читатель выступает в качестве равноправного соавтора текста, когда, в опоре на языковую материю, соотносит вербализованное и невербализованное, выстраивая собственную концепцию текста» [8, с. 24].

Анализ сборников «Тихие песни» и «Камень» выявляет схожие концепты поэтического мышления авторов, которые актуализируются уже в названии сборников. Кроме того, названия сборников, наравне с другими маркерами подтекста, отражают особенности формирования литературных методов символизма и акмеизма. Так, «Тихие песни» концептуально связаны с произведением «Le Silence» французского символиста М. Роллины, а «Камень» отражает идеи акмеизма, сформулированные О. Э. Мандельштамом в его статье «Утро акмеизма». Маркерами подтекста двух поэтов часто выступают лексические средства регулятивности (например, имена греческих героев и богов) и экстралингвистические (использование греческих стихотворных размеров) средства, актуализирующие подтекст, присущий литературе Древней Греции. Это обусловлено особенностями биографий авторов: И. Ф. Анненский переводил греческие тексты, учился на историко-филологическом факультете; О. Э. Мандельштам также занимался переводами и учился на факультете романской филологии.

Концептуально оба сборника тяготеют к внутреннему миру человека. Это обусловлено глубоким личным отношением авторов к сборникам. Произведения обоих авторов тематически и идейно связаны с творчеством Ф. И. Тютчева. Эти особенности определяют философский и эмоциональный подтексты.

Список источников

1. Болотнова, Н. С. Филологический анализ текста : учебное пособие / Н. С. Болотнова. – 2-е изд. – Томск : Изд-во ТГПУ, 2006. – 631 с.
2. Кухаренко В. А. Интерпретация текста / В. А. Кухаренко. – Москва : Просвещение, 1988. – 192 с.
3. Иванов, В. И. О поэзии Иннокентия Анненского / В. И. Иванов // Родное и вселенское. – Москва, 1994. – 170 с.
4. Тютчев, Ф. И. Полное собрание стихотворений / сост., подгот. текста и примеч. А. А. Николаева. – Ленинград : Советский писатель, 1987. – 434 с.
5. Анненский, И. Ф. Вторая книга стихов (посмертная) / И. Ф. Анненский. – Москва : Грифъ, 1910. Источник: Анненский, И. Ф. Избранные произведения / И. Ф. Анненский. – Ленинград : Художественная литература, 1988. – 236 с.
6. Гаспаров, М. Л. Избранные труды / Три поэтики Осипа Мандельштама / М. Л. Гаспаров. – Москва, 1995. – 295 с.
7. Мандельштам, О. Э. Камень. Стихи / О. Э. Мандельштам. – 1-е изд. – Санкт-Петербург : АКМЭ, 1913. – 37 с.
8. Лелис, Е. И. Теория подтекста : учебно-методическое пособие / Е. И. Лелис. – Ижевск : Удмуртский университет, 2011. – 31 с.

Раздел III. Дискурсивные практики языковой личности в коммуникативно-когнитивных аспектах

УДК 811.161.1'42
ГРНТИ 16.21.55

**К вопросу о содержании и средствах репрезентации концепта
«Разум» в лирике Н. А. Заболоцкого**

**Speaking about the content and instruments of representation
the concept “Mind” in the lyrics of N. A. Zabolotsky**

Ольга Викторовна Исаева

Томский государственный педагогический университет, Томск, Россия

Научный руководитель: д. ф. н., проф. кафедры русского языка
Н. С. Болотнова

Аннотация. На материале стихотворений Н. А. Заболоцкого разных лет рассматриваются содержание и способы вербализации концепта «разум» – одного из ключевых концептов лирики автора. Исследование позволило выявить изменение в содержании концепта в разные периоды творчества поэта. Работа выполнена в русле коммуникативной стилистики текста.

Ключевые слова: концепт, художественный концепт, ключевое слово, ассоциативно-смысловое поле

Key words: concept, art concept, language element, associative-semantic area

Исследование содержания и структуры, а также текстовых ассоциативно-смысловых полей ключевых концептов лирики Н. А. Заболоцкого представляется актуальным в связи с недостаточной изученностью вопроса. Среди ключевых концептов лирики Н. А. Заболоцкого по частоте представленности в поэтических текстах можно выделить концепт *разум*. Автор обращается к нему в разные периоды творчества. В одних стихотворениях содер-

жится прямой номинант концепта, в других автор с помощью разнообразных лексических средств вызывает у читателя ассоциации, прочно связанные с данным концептом, но прямо не называющие его. Целью статьи является изучение структуры и средств лексического выражения концепта *разум* в лирике Н. А. Заболоцкого разных лет.

Концепт, вслед за Н. С. Болотновой, мы рассматриваем как «единицу концептуальной картины мира человека и различных культурных сообществ» [1, с. 76]. Он отражает индивидуальную картину мира автора. Для чтения, понимания и анализа художественных произведений представляется важным изучение и интерпретация концептов, актуализированных творцом в тексте.

На основе картотеки способов репрезентации концепта в лирике Н. А. Заболоцкого разных лет нами было установлено, что номинант концепта *разум* встречается в сборниках «Смешанные столбцы» и «Стихотворения 1932–1958» более 20 раз. В «Городских столбцах» номинант концепта отсутствует. Это объясняется целью сборника: Заболоцкий стремился показать абсурд и безумие «нового мира» периода нэпа, и разуму в этом мире, по замыслу автора, нет места.

Обратимся к Малому академическому словарю, чтобы рассмотреть узусное значение лексемы «разум»: «1. Познавательная деятельность человека, способность логически и творчески мыслить. 2. Ум, интеллект; рассудок. 3. Устар. Смысл, значение чего-л.» [2, с. 633].

Согласно «Русскому ассоциативному словарю», наиболее частотными на слово-стимул «разум» реакциями являются: «человеческий» (8 реакций), «воля» (5), «человек», «человека» (4), «помутился», «светлый» (по 3 реакции), «высший», «голова», «иметь», «интеллект», «мышление» (по 2 реакции) и др. [3, с. 543].

По контрасту с этими данными в стихотворении «Меркнут знаки зодиака» (1929 г., сборник «Смешанные столбцы») автор

создает иной образ «разума» на фоне общей картины окружающего мира: перед читателем предстаёт картина загадочной ночи, открывающей карнавальное шествие фантастических существ: русалок, ведьм, лешачих, покойника, колдунов и других. Приземлённое описание персонажей создаёт комический эффект: *«Толстозадые русалки / Улетают прямо в небо, / Руки крепкие, как палки, / Груды круглые, как репа»* [4, с. 86]. Просторечный эпитет «толстозадые» и неожиданные сравнения «как палки», «как репа» подчёркивают не красоту мифических сирен, а создают ассоциации с крепкими и здоровыми деревенскими бабами. Нечистая сила, мертвецы развлекаются и танцуют, их шабаш разрастается, становится безумным балаганом, где все равны и всё перемешано: *«Всё смешалось в общем танце, / И летят во все концы / Гамадрилы и британцы, / Ведьмы, блохи, мертвецы»* [4, с. 87]. Но характер повествования неожиданно меняется, и лирический герой обращается к разуму, который называет «кандидатом былых столетий», «полководцем новых лет», «бедным воителем». Эпитеты и метафоры отражают идею слабости, несовершенства разума, ведь он не может бороться с бессмысленными фантазиями. Риторические обращения к разуму, вопросы и восклицания как бы разделяют лирического героя и его рассудок на время.

У читателя возникают ассоциации, далекие от отраженных в «Русском ассоциативном словаре» и обозначенных выше. Разум в стихотворении представлен не как «светлый» или «высший», не как «интеллект» или «мышление» (такие ассоциации предлагает «Русский ассоциативный словарь») [3, с. 543]. Автор подбирает для него эпитет «бедный», что является нетипичным. По данным словаря, слово-стимул «бедный» в результате эксперимента породило только одну реакцию «разум», наиболее частотными для него являются реакции «богатый» (21 реакция), «человек» (6), «несчастный», «старик» (по 4 реакции) [3, с. 47]. Разум, «бедный воитель», пытается справиться с фантастическим балаганом, но даётся это ему трудно. Лирический герой обращается к разуму с

утешением, убеждая его в том, что карнавальное шествие нечисти – только выдумка, используя для усиления эффекта анафору: *«Разум мой! Уродцы эти – / Только вымысел и бред. / Только вымысел, мечтанье, / Сонной мысли колыханье, / Безутешное страданье, – / То, чего на свете нет»* [4, с. 87].

Исследователь творчества Н. А. Заболоцкого С. В. Кекова подчёркивает, что в «Столбцах» поэт ставит следующий «диагноз» миру: «...мир бессмыслен, абсурден, безумен, подвержен тлению и распаду, в нём нет святых, мир “лежит во зле”. Божественная благодать в этом мире отсутствует <...>. Совершенно естественно, что в таком мире ни жить, ни творить невозможно, и поэт ставит перед собой задачу найти способ изменения данного миропорядка, что мы и можем наблюдать в творчестве Н. Заболоцкого тридцатых годов» [5].

Во многих стихотворениях и поэмах 1930-х гг. («Школа жуков», «Торжество земледелия», «Деревья») можно проследить развёртывание утопии пересоздания мира. Если в «Городских столбцах» человек оставался заложником мира бессмысленности и безумия, то в «Смешанных столбцах» и других произведениях 1930-х гг. ситуация меняется: человек освобождается от гнёта благодаря разуму и творчеству. В стихотворении «Школа жуков» (1931) люди добровольно отдают свой мозг, делясь разумом с животными: *«Сто наблюдателей жизни животных / Согласились отдать свой мозг / И переложить его / В черепные коробки ослов, / Чтобы сияло / Животных разумное царство. / Вот добровольная / Расплата человечества / Со своими рабами! / Лучшая жертва, / Которую видели звезды!»* [4, с. 111]. Концепт «разум» репрезентируется в этих строчках с помощью эпитета «разумное царство».

Автор, используя приём олицетворения, изображает мир, отличный от мира ранних «Городских столбцов», где разуму не было места даже среди людей. В более поздних же стихотворениях разум преобразует природу и мир в целом. С помощью ряда олицетворений и развёрнутых метафор автор вводит мотив обретения

разума природой благодаря человеческой жертве: *«Мы нарисуем / Историю новых растений. / Дети простых садоводов, / Стали они словно бомбы. / Первое их пробуждение / Мы не забудем – / Час, когда в ножке листа / Обозначился мускул, / В теле картошки / Зачаток мозгов появился / И кукурузы глазок / Открылся на кончике стебля»* [4, с. 110].

Номинант концепта «разум» в «Школе жуков» можно встретить дважды в сильных позициях текста – в начале и в конце. Первая часть стихотворения, реплика женщин, содержит описание женских функций в мире: *«Мы, женщины, повелительницы котлов, / Изобретательницы каши, / Толкачихи мира вперед, – <...> / Рождаем миру толстых красных младенцев»* [4, с. 109]. Женщины обращаются к плотникам, каменщикам и живописцам с просьбой «открыть младенцам глаза» и «толкнуть неопытный разум на первые подвиги». Эпитет «неопытный» является логичным для описания разума младенцев. Но в конце стихотворения в реплике каменщиков концепт «разум» расширяет своё содержание: *«Жуки с неподвижными крыльями, / Зародыши славных Сократов, / Катают хлебные шарики, / Чтобы сделаться умными. / Кузнечики – это часы насекомых, / Считают течение времени, / Сколько кому осталось / Свой ум развивать / И когда передать его детям. / Так, путешествуя / Из одного тела в другое, / Вырастает таинственный разум»* [4, с. 111–112].

В приведённых строках разум наделяется эпитетом «таинственный» (сравним с употреблённым в начале стихотворения эпитетом «неопытный»). «Таинственный» разум является уже намного более глубоким и сложным, он, переходя из тела в тело, наполняется и расширяется. Это происходит благодаря жертвам, принесённым людьми во имя развития природы и расширения возможностей разума.

В более позднем сборнике «Стихотворения 1932–1958» содержание и средства вербализации концепта «разум» изменяются. Так, в стихотворении «Засуха» (1936) поэт создаёт картину уставшей, измученной жарой природы, активно используя олицетворения: *«бедная река чуть шевелит засохшими устами», «заплакав*

жалобно, придут в сознание травы», «вздохнут дубы, подняв остатки рук» [4, с. 177].

Используя приём психологического параллелизма, Н. А. Заболоцкий во второй части текста вводит образ собственного уставшего разума. Сравним описание как бы живой, мыслящей природы в начале стихотворения с описанием «болеющего» разума и души лирического героя во второй части: *«в смертельном обмороке бедная река» – «и в обмороке смутная душа», «украсив дно большими бороздами, / ползут улитки» – «и, как улитки, движутся сомнителья», «как страшен ты, костлявый мир цветов, <...> / обезображенных, обугленных головок» – «и на песках, колеблясь и дрожа, / встают как уголь, чёрные растенья» [4, с. 117–118].*

Разум лирического героя автор характеризует с помощью эпитета «бедный», как в стихотворении «Меркнут знаки зодиака», где разум представлен практически самостоятельно функционирующим вне зависимости от хозяина – человека: «болеет разум одинокий». Медлительность уставшей от засухи природы, описанная в первой части стихотворения, передаётся в третьей строфе «болеющему» разуму. Характер четвёртой и пятой строф меняется: чтобы разум исцелился, ему, как и природе, требуются сильные впечатления, потрясения, катаклизмы, которые смогут разрушить оковы засухи, медлительности, болезни: *«И чтобы снова исцелился разум, / И дождь и вихрь пускай ударят разом!» [4, с. 178].*

Последняя строфа отражает идею стихотворения и является риторическим обращением к читателям: *«Не бойтесь бурь! Пускай ударит в грудь / Природы очистительная сила!» [4, с. 178].* В этих строках звучит сквозная мысль сборника «Стихотворения 1932–1958» о единстве природы и человека, природы и разума, о необходимости изменений. Природа, по мнению Н. А. Заболоцкого, сама по себе не может полноценно существовать без рационального вмешательства человека, который облагородит и украсит её своим разумом и своей работой. Человеческий разум же, описанный во второй части стихотворения, также зависим от окружающей его природы.

Таким образом, анализ стихотворений Н. А. Заболоцкого разных лет показал эволюцию концепта «разум» в разные периоды творчества поэта. Отсутствуя в «Городских столбцах», концепт появляется в стихотворениях автора конца 1920-х гг. в сборнике «Смешанные столбцы», представляя собой нечто слабое и одинокое в окружающем безумном мире: разуму трудно справиться с потоком мыслей, карнавальным шествием нечисти. Лирический герой утешает его (сравним стихотворение «Меркнут знаки зодиака»).

В начале 1930-х гг. концепт «разум» в творчестве поэта начинает трансформироваться: появляется, а позднее и закрепляется связь данного концепта с концептом «природа». Исследование показало, что средствами репрезентации концепта «разум» у Н. А. Заболоцкого являются такие приемы, как олицетворения, эпитеты, развёрнутые метафоры. Благодаря им происходит художественно-образная конкретизация разума, порой неподвластного человеку, живущего своей жизнью и переживающего широкий спектр эмоций и проблем.

Список источников

1. Болотнова, Н. С. Коммуникативная стилистика текста: словарь-тезаурус / Н. С. Болотнова. – Москва : Флинта, 2012. – 384 с. – ISBN 978–5–9765–0789–0.
2. Словарь русского языка : в 4 т. / Академия наук СССР, Институт русского языка ; под ред. А. П. Евгеньевой. – Москва : Русский язык, 1988. – Т. 3. – 752 с.
3. Русский ассоциативный словарь. – Т. 1: От стимула к реакции : около 7 000 стимулов / Ю. Н. Караулов [и др.]. – Москва : АСТ : Астрель, 2002. – 781 с. – ISBN 5-17-015421-6.
4. Заболоцкий, Н. А. Столбцы и поэмы 1926–1933. Стихотворения 1932–1958. Стихотворения разных лет. Проза // Собрание сочинений : в 3 т. – Москва : Художественная литература, 1983. – Т. 1. – 655 с.
5. Кекова, С. В. От «битвы слов» к «живой основе смысла»: творчество Н. Заболоцкого / С. В. Кекова, Р. Р. Измайлов // Судьбы русской духовной традиции в отечественной литературе и искусстве XX – начала XXI века / сост. А. Л. Казин. – Санкт-Петербург : Петрополис, 2017. – Т. 2. – URL: https://ruskline.ru/analitika/2019/03/16/ot_bitvy_slov_k_zhivoj_osnove_smysla_t_vorchestvon_zabolockogo (дата обращения: 02.02.2024).

УДК 811.161.1'42
ГРНТИ 16.21.55

Вербализация концепта «Любовь» в творчестве Ю. Д. Левитанского

Verbalization of the concept of “Love” in the work of Yu. D. Levitansky

Зарринахон Мукимджоновна Дусматова

Томский государственный педагогический университет, Томск, Россия

Научный руководитель: д. ф. н., проф. кафедры русского языка
Н. С. Болотнова

Аннотация. Представлен анализ стихотворений о любви в творчестве Юрия Левитанского. Рассмотрено использование языковых средств и различных стилистических приемов для выражения глубоких чувств и переживаний лирического героя. Выявлены стилевые особенности, которые делают поэзию автора уникальной.

Ключевые слова: концепт «любовь», языковая картина мира, индивидуальный стиль, вербализация, Юрий Левитанский

Key words: concept of “love”, linguistic picture of the world, individual style, verbalization, Yuri Levitansky

В связи с когнитивным бумом современные лингвисты проявляют повышенный интерес к концептуальной структуре текста, которая отражает взаимосвязь закодированных в нем вербально концептов [1, с. 34].

Концепт рассматривают как единицу концептуальной картины мира отдельного человека и различных культурных сообществ [2, с. 79].

Цель исследования в рамках данной статьи – анализ стихотворений Ю. Д. Левитанского и выявление лингвистических средств и приёмов, которыми он оперирует для вербализации концепта «любовь». Исследование также ориентировано на анализ индивидуального стиля автора в использовании языковых средств для передачи любовных переживаний лирического героя Юрия Левитанского.

В лингвистике концепт «любовь» рассматривается как ментально-языковое явление, отражающее культурные, социальные и эмоциональные аспекты состояния человека. Язык формирует и передает представления о любви через лексику, фразеологию и различные изобразительно-выразительные средства, включая метафоры, отражая тем самым культурные оттенки и взаимоотношения между людьми. Язык выступает как средство передачи не только самого понятия любви, но и связанных с ним ценностей, обычаев и норм поведения, что делает исследование этого концепта важным для русской лингвокультуры.

Любовь, согласно толковому словарю, представляет собой «глубокое эмоциональное влечение и сильное сердечное чувство», проявляющееся в «чувстве глубокого расположения и самоотверженной искренней привязанности». Это не только «постоянная, сильная склонность», но и «предмет любви», а также «пристрастие и вкус к чему-либо» [3, с. 421]. Таким образом, любовь охватывает широкий спектр чувств, отражая душевные переживания человека.

Любовь – это уникальная эмоция, пронизывающая сердце своими неведомыми источниками. Она является эмоциональным путеводителем, который вдохновляет, наполняет жизнь смыслом и придаёт ей гармонию.

В словаре эпитетов представлено множество оттенков чувства любви, которые подчеркивают его многообразие и глубину. Многообразии продолжительности и устойчивости чувства выражено 47 эпитетами, включающими такие слова, как *«бесконечная, быстротечная, вечная, давняя, крепкая, неизжитая, неиссякаемая...»*. А о силе и глубине любви словарь предлагает целых 192 эпитета, включая такие выразительные слова, как *«безбрежная, безграничная, безмолвная, безрассудная, безумная, бескорыстная...»* [4, с. 96–97]. Этот обширный выбор эпитетов свидетельствует о том, что любовь – неоднозначное и многогранное чувство, способное проявляться в различных формах и выражениях, отражая глубокие струны человеческой души.

В поэзии Ю. Д. Левитанского любовь предстает как многогранный эмоциональный опыт, пронизывающий его творчество, придавая особый характер его стихам. Автор воплощает любовь не только как чувство к человеку, но и как связь с природой, миром и самим собой. Поэт часто использует образы природы для выражения своего чувства любви: *«Моя любовь к тебе – как горная вершина / или волна солоноватая морская ... / ... Она раскинется тайгой, где нету просек, / а то прикинется рекой, где нету брода»* («Моя любовь к тебе – как горная вершина...», Стороны света, 1959) [5]. Сравнения *«как горная вершина»* и *«волна солоноватая морская»* создают образы, где первое подчеркивает возвышенность и устойчивость чувства, в второе, через эпитеты *«горная»* и *«солоноватая»*, добавляет образу ощущение мощи, свежести и естественности. Персонификация *«она раскинется тайгой»* или *«прикинется рекой»* усиливает образы любви, представляя ее как живое существо, способное менять свои проявления.

Отражение иронии или сарказма можно увидеть в строке: *«Зачем ты веришь в эту ложь, не понимаю»* («Моя любовь к тебе – как горная вершина...», Стороны света, 1959), что добавляет сложности в восприятие чувства.

Таким образом, язык в данном случае служит не только средством передачи самого концепта *любовь*, но и выражает связанные с ним ценности и ассоциации, подчеркивая связь с культурой отношений.

В стихотворении *«Разлюбили. Забыли...»* (Земное небо, 1963) [5] любовь выражается через тему утраты, ностальгии и меланхолии. Автор использует образы, символы и стилистические приёмы для передачи сложных эмоциональных переживаний после окончания отношений: *«В заколоченном доме моем не светает. / Только слышу, как с крыши сосулька слетает»*. Образ *«заколоченного дома»* несет в себе эмоциональные ассоциации, относящиеся к прошлым моментам любви, которой уже нет. Автор выражает

свою любовь через акцент на прежних событиях и образах, подчеркивая утрату. Это создаёт особую тональность, наполненную тоской: «*Кто-то мимо проходит. Кого-то зовут. / В заколоченном доме моём только звуки живут*». В строках «*Через тысячу стен этих слышу, / ...как вы дышите, как закрываются ваши глаза, / как становится тихо потом, потом погода... / Белый звук снегопада. Зеленые звуки дождя*» – образная ассоциативная связь снегопада и дождя с характером отношений вносит контраст и выражает сложность эмоционального опыта. Использование синестезии (*холодный свет, звуки снегопада, зеленые звуки дождя*) и звукопись создают особую атмосферу, наполняя стихотворение не только визуальными образами, но и звуковыми ощущениями.

Сочетание всех этих элементов позволяет автору выразить свою любовь как сложное эмоциональное состояние, связанное с воспоминаниями, утратой и тяжелым осознанием изменений в отношениях.

В стихотворении «*То ты в слезы, то в хохот...*» (Земное небо, 1963) [5] Ю. Д. Левитанский выражает любовь через эмоциональные колебания и контрасты в переживаниях лирического героя. Эти контрасты служат способом передачи сложности чувств и переживаний в любовных отношениях. Узуальные антонимы в строке «*То ты в слезы, то в хохот*» подчеркивают перепады эмоций между глубокой грустью и радостным смехом, что может отражать нестабильность и эмоциональную напряженность в отношениях.

Образы, такие как *снегопад, хрупкость на снегу, прыгающие белки*, создают визуальные и звуковые образы, семантически обогащая текст и делая его более наглядным: «*Убежала на холод. / Хоть бы шубу надела! / Ты под снежную крупкою / стала хрупкою-хрупкою*». Повторение фразы «*по снегу, по снегу*» и использование слов «*по вечернему, позднему*» в строках «*Всё ты по снегу, по снегу, / по вечернему позднему, / в этих тужельках бежевых, / в этом свитере тоненьком*» придают стихотворению экспрессивность и подчеркивают повторяющиеся всплески эмоций.

В целом автор описывает любовь как чувство, полное контрастов и колебаний, в котором переживания варьируются от глубокой грусти до веселого смеха.

Анализируя другое стихотворение «Трава» (Земное небо, 1963) [5], мы снова наблюдаем, как автор использует образы природы и метафоры, чтобы выразить свои чувства и отношения к адресату. Речь лирического героя Ю. Левитанского пронизана легкостью и нежностью, а природные образы служат аллегорией для описания чувств и переживаний. Использование образов травы, листьев, снега создает картину, где описание природы служит развёрнутой метафорой для выражения чувств и отношений. Фразы *«не замечая, как она густа»* и *«тоже как травинка»* содержат элементы гиперболы и сравнения, подчеркивая невидимость и легкость адресата в стихах поэта: *«Всему свой срок. Сейчас пора травы. / Она легко пробилась между строк, / и, маленькая, ты по ней идешь, / не замечая, как она густа. / Ты тоже между строк в моих стихах. / Ты тоже как травинка...»*. Присутствие прямой речи и использование второго лица («Ты тоже...») создают ощущение близости и обращенности, делая стихотворение более личным.

Белый снег, белые листы, белые кусты, белая строчка белого стиха представляют собой цветочные метафоры, возможно, отражая чистоту, нежность или некий светлый образ отношений: *«Вот это твой лужок. А дальше снег. / А дальше поле. Белые листы. / И белые кусты. И слабый след / неровной строчки белого стиха»*.

Речь лирического героя в этом стихотворении выражает не только чувства, но и стремление к пониманию, близости и поддержки в отношениях с адресатом.

В стихотворении «Тропа» (Стороны света, 1959) [5] присутствуют разнообразные стилистические приёмы, которые обогащают текст и создают выразительную художественную картину:

*Не там, где сходятся,
где встреча
и на ромашках ворожат,
где, губ не пряча,*

*не переча,
уже собой не дорожат, –
совсем не там,
а много позже
есть час, не знаемый тобой,
где две судьбы,
еще не схожих,
одной становятся судьбой.*

Противопоставление «не там» и «много позже» создает антитестическую конструкцию, подчеркивающую различия между местами и временем. Образ «на ромашках ворожат» метафорически описывает ситуацию встречи. Фраза «губ не пряча, не переча» может нести в себе элемент оценки, отмечая особенности взаимоотношений.

Использование ритмичных и звучных оборотов, таких как «секут дожди и почву месяц», придает стихотворению мелодичность и эмоциональную насыщенность. Снег, перевал, тропа и другие образы служат символами, представляя этапы жизни, сложности отношений и перемен. Повторение фразы «который год, который месяц» создает параллелизм, подчеркивая продолжительность времени и постоянство движения. Инверсия во фразе «И снова пропасть под ногами» придает выразительность и неожиданность конструкции:

*Секут дожди, почву месяц,
грозя обвалами камней.
...Который год,
который месяц
иду к тебе,
а ты ко мне.
... И я смеюсь над буревалом,
где страх меня одолевал,
где я грустил,
за перевалом
увидев новый перевал.
Ломая кромку ледяную,
опять бежит моя тропа
туда, где сходятся вплотную
с твоей судьбой
моя судьба.*

Все эти стилистические приемы гармонично взаимодействуют, создавая богатое по содержанию и эмоционально насыщенное стихотворение.

Таким образом, в стихотворениях Ю. Д. Левитанского вербализация концепта «любовь» часто происходит на основе наименований различных природных образов, метафор и символов благодаря приему психологического параллелизма. Автор стремится выразить сложность чувств, нюансы отношений и эмоциональные переживания, связывая их с яркими образами природы. Этот прием делает его поэзию богатой и выразительной. Часто в поэзии Ю. Д. Левитанского любовь представлена как нечто светлое и красочное, как символ чистоты и красоты, но в то же время встречается идея временных и изменчивых нюансов отношений.

Что касается стиля автора, то Ю. Д. Левитанский отличается неповторимой индивидуальностью, используя сложные метафоры, образы и структуры стиха. Его поэзия часто носит рефлексивный характер, где автор глубоко анализирует свои чувства, переживания и взаимоотношения. Обилие образов природы и умение выразить тончайшие смысловые нюансы и сложные эмоции делают поэзию Ю. Д. Левитанского уникальной и запоминающейся.

Список источников

1. Художественный текст: Слово. Концепт. Смысл : материалы VIII Всероссийского научного семинара (28 апреля 2006 г.) / под ред. проф. Н. С. Болотновой. – Томск : Из-во ЦНТИ, 2006. – 210 с.
2. Болотнова, Н. С. Коммуникативная стилистика текста : словарь-тезаурус / Н. С. Болотнова. – Томск : Издательство ТГПУ, 2008. – 384 с.
3. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / отв. ред. Н. Ю. Шведова. – Москва : Издательский центр «Азбуковник», 2011. – 1175 с.
4. Горбачевич, К. С. Словарь эпитетов русского литературного языка / К. С. Горбачевич / отв. ред. С. А. Кузнецов. – Санкт-Петербург : Норинт, 2002. – 224 с.
5. Официальный сайт поэта Юрия Левитанского. – 2011–2024. – URL: <https://levitansky.ru/> (дата обращения: 09.01.2024).

УДК 811.161.1'27 (047.53)
ГРНТИ 16.21.55

О некоторых особенностях речевого поведения писателя Анны Матвеевой в жанре интервью

About some features of speech behavior the writer Anna Matveeva in the genre of interviews

Юлия Борисовна Извекова

Томский государственный педагогический университет, Томск, Россия

Научный руководитель: д. ф. н., проф. кафедры русского языка
Н. С. Болотнова

Аннотация. На основе анализа интервью с Анной Матвеевой описано речевое поведение писателя. Рассмотрены характерные для автора языковые средства как отражение культурно-речевого, коммуникативного и когнитивного стилей личности.

Ключевые слова: интервью, виды интервью, речевое воздействие, медиадискурс, языковая личность

Key words: interviews, types of interviews, speech impact, media discourse, linguistic personality

Цель данной статьи – раскрыть некоторые речевые особенности ЯЛ писателя в медиакommunikации. В качестве материала для анализа избрана интервью с Анной Матвеевой, которая открыта для читателей: регулярно дает интервью (как в текстовом, так и видеοформатах), активно ведет блог в социальной сети «ВКонтакте», проводит литературные вечера со своими читателями. Все это вызывает неподдельный интерес ее поклонников, потому что ее выступления связаны не только с ее творчеством и личной жизнью, но и с проблемами общего характера (социальными, политическими, творческими).

Жанр интервью исследуется в разных научных областях и рассматривается как один из наиболее популярных в журналистике способов получения информации. Собеседники в интервью при-

нимают участие «в информационном обмене для информационного насыщения главного, хотя и незримого, третьего участника коммуникации – аудитории», чьим потребностям они должны соответствовать [1, с. 62].

В научной литературе есть несколько классификаций интервью, характеризующих их на различных основаниях. Например, в зависимости от цели интервью можно разделить на «информативное», «интервью-расследование», «интервью-знакомство» или «персональное интервью» [1, с. 64]. Согласно классификации А. В. Колесниченко, интервью «в зависимости от темы» может быть трех видов – «предметное», «личностное» и «предметно-личностное» [2, с. 52]. У предметного интервью есть большое преимущество: слушатель или читатель знакомится с интересной информацией и деталями событий, которые знает только очевидец. Главная задача интервьюера – «поместить аудиторию в “пространство события”, дать возможность пережить еще раз с участниками» [3, с. 213]. В этом жанре используется диалогичность. Безусловным украшением интервью «является разнообразие вопросно-ответных форм. Важно, чтобы интересным событием стал диалог» [3, с. 213]. Для построения диалога особую роль играет связка между вопросом и ответной репликой. Методы связки различны: «...в частности, может использоваться прием расчленения целого на части, включающий смысловую конкретизацию частей» [3, с. 214]. Главное в диалоге – сохранить живую разговорную интонацию, чтобы почувствовать движение в тексте и сделать его уникальным и эксклюзивным.

В персональном портретном интервью главное – личность интервьюируемого. Журналист строит беседу с героем о нем самом, его хобби, его отношении к окружающим, его творчестве. «По сути, портретное интервью приближается к исповеди – фактическому, нацеленному на сближение внутренних миров людей» [3, с. 217].

В статье будут затронуты как предметно-личностные портретные интервью, так и информативные.

Чтобы полнее раскрыть личность участника интервью, рассмотрим понятие «речевое поведение», которое позволяет судить о ней. В словаре Э. Г. Азимова дается следующее определение: «Речевое поведение – форма взаимодействия человека с окружающей средой, выраженная в речи. Обусловлена ситуацией, задачей, условиями общения, коммуникативными потребностями, национально-культурной спецификой поведения участников общения» [4, с. 254]. Речевое поведение – это не случайный набор привычек или действий, оно вырабатывается в течение всей жизни и связано с воспитанием, образованием, полом, возрастом, «со средой, в которой он привычно общается, со свойственными ему как личности и как представителю социальной группы, а также и национальной общности особенностями» [5, с. 28]. Человек, чья профессия связана с публичными выступлениями, «свободно чувствует себя в общении, его речевое поведение выдает в нем человека, владеющего речью, жестом, могущего контролировать внимание слушателя» [5, с. 29]. По мнению Е. А. Земской, «люди не говорят в пространство, в пустоту, но говорят, применяясь к личности адресата, желая быть ему понятными, близкими или, наоборот, желая показать свое отличие от него, превосходство, образованность, начитанность» [6, с. 18].

Таким образом, речевое поведение – это уникальная возможность передать свой речевой опыт отправителю с использованием индивидуальных речевых привычек и с автоматическим извлечением языковых средств для выражения собственных мыслей и намерений. Индивидуальный речевой опыт адресанта способствует неосознанному выбору как грамматических форм, так и словоформ, существующих в русском языке.

В данной статье будут рассмотрены интервью информационно-медийной языковой личности писателя. Для таких людей творчество является главным критерием работы. Творчество часто зависит от личных этических и эстетических предпочтений. Писатели и поэты создают индивидуальный формат общения с

аудиторией, имеют свои стилистические особенности, «отличаются высоким уровнем культуры и широтой информационного тезауруса» [7, с. 57].

Обратимся к анализу медиадискурса Анны Матвеевой для оценки модели её речевого поведения в коммуникативной деятельности в рамках сетевого общения. Анна Матвеева – молодая писательница, которая открыта своим читателям не только на страницах художественных произведений, но и в медийном пространстве. Своим творчеством она привлекает внимание как людей зрелого возраста, так молодежь. По словам А. В. Болотнова, «информационно-медийную личность отличает реализация в новой сфере коммуникации – в сетевом общении; активное деятельное начало, связанное с передачей и распространением информации, бесконечно транслируемой в сети, создающей эффект информационного эха; публичность и узнаваемость благодаря частоте представленности в СМИ, на порталах, в чатах, блогах и т.д.» [7, с. 52].

В нашем материале формируется положительный образ Анны Матвеевой при помощи заголовков. Так, например, в интервью, которое состоялось накануне выхода книги «Каждые сто лет», заголовок звучал провокационно. «Я не верю в позицию счастья». Далее в интервью Анна Матвеева прокомментировала свою позицию.

Журналист: *Вы сказали, что не верите в концепцию женского счастья, речь шла о романе «Каждые сто лет». Что это значит?*

Анна Матвеева: Мне, наверное, задали такой вопрос. Потому что это не очень похоже на мои слова. Я в целом и в концепцию счастья не верю. Но я верю в то, что человек может обрести внутреннее спокойствие, найти в себе силы восстановить мир внутри. Как он будет искать, с помощью чего – у всех свои способности. Кто-то это делает с помощью религии, кто-то с помощью вредных привычек, кто-то – через постоянные романы, кто-то

растворяется в семье. Всё равно можно как-то достичь этого спокойствия, равновесия. Вот в это я верю.

Ещё я верю, что счастье человека в труде. Очень советский такой лозунг. Моя работа помогала мне всегда, из самых тяжёлых ситуаций меня вытаскивала. Я ей предана всецело [8].

Эта позиция отражает четкое понимание счастья для каждого человека. Действительно, книга «Каждые сто лет» раскрывает чувства и переживания главных героинь и показывает, что счастье для каждого свое.

Еще одно интервью с сильной авторской позицией называлось «Общий уровень журналистики падает. Эта профессия, как и многие другие, умирает» [9]. Это название задает также провокационный тон и настраивает читателя на дискуссию в этом вопросе. Поводом для интервью стала Всероссийская литературная премия имени Бажова за лучшую в номинации «Проза» книгу Анны Матвеевой «Горожане». И хотя в этом интервью затрагиваются и другие темы, например, как создавать свои произведения, почему важно заниматься любимым делом и в чем сложности перевода книг на другие языки, заглавие сыграло ключевую функцию для интриги, привлечения внимания читателя.

Почти в самом конце интервью автор затрагивает этот вопрос и дает оценку журналистике и ее роли в своей жизни, высказывает свою версию того, почему журналистика «умирает».

*Журналист: **Вы также занимаетесь и журналистикой...***

Анна Матвеева: Сейчас я пишу мало, и только на те темы, которые мне интересны. Есть несколько уважаемых мной изданий, с которыми я работаю – два швейцарских журнала и два российских. ...я всегда любила журналистику, хотя ничего общего с писательством она не имеет. Мне нравится в ней максимально быстрая отдача. Написал текст – и его сразу же опубликовали! Журналистика прекрасна своей скоротечностью. К тому же, это хорошая школа, особенно для молодого человека. Он встречается с самыми разными, далеко не всегда приятными,

людьми, учиться задавать вопросы, проявлять себя. Журналистика многому меня научила и познакомила с интересными людьми: с некоторыми я поддерживаю отношения до сих пор. Хотя, конечно, журналистское образование оставляет желать лучшего. Да и в целом общий уровень падает – эта профессия, как и многие другие, умирает [9].

В этом высказывании Анна Матвеева выражает свое отношение к профессии журналиста. Ее искренние, порой дискуссионные высказывания помогают нам понять ее картину мира и особенности восприятия действительности.

В другом интервью Анна Матвеева более резко отозвалась о журналистской профессии и причинах проблем в области журналистики. Важно и ее суждение о литературе, которой она профессионально занимается:

Журналист: Как-то вы сказали, что журналистика умирает. А нет ли опасения, что недалек закат литературы?

Анна Матвеева: Мое высказывание было вызвано катастрофическим уровнем подготовки действующих журналистов – сталкиваюсь с этим регулярно и как редактор, и как писатель. Сплошь и рядом корреспонденты приходят брать интервью неподготовленными – типа «не читал, но обсуждаю», а потом присылают «на согласование» голую расшифровку. По-моему, нынешним журналистам в массе своей (исключения, разумеется, встречаются) не хватает широты знаний и общей эрудиции. Этому как будто перестали учиться, точнее, этого перестали ожидать. О закате литературы рассуждать не буду. Литература – не ремесло, а искусство, здесь работают другие правила, главное из которых состоит в том, что правил – нет [10]. Это высказывание говорит нам о доверительных отношениях писателя с ее аудиторией. Анна Матвеева дает личную оценку, что позволяет нам увидеть в ней человека, который анализирует ситуацию с позиции критика.

Рассмотрим подробнее отражение особенностей речевого поведения языковой личности писателя в интервью с Анной Матвеевой. В её речи можно выделить различные регулятивные средства и структуры, влияющие на массового адресата: разговорную лексику, инверсию, синтаксический параллелизм, оригинальные метафоры, риторические вопросительные и восклицательные предложения, что характеризует ее как творческую личность.

Анализируя современную ситуацию, связанную с писательским трудом, Анна Матвеева использует оригинальные метафоры: *Но, если честно, я не верю в то, что человека можно **сделать** писателем. Можно как-то **отшлифовать навыки**, поделиться секретами, хотя их не так много. Важны первоначальные способности, даже талант – это уже следующий уровень. Если у человека есть способности, с ним можно работать. Сейчас наша писательская **профессия утратила сакральность, избранность**, она стала такой... ну, как у курьеров [8].*

Анализируя свое произведение, автор также использует ряд метафорических конструкций в описании прообраза лирической героини: *«...это история ее жизни. Жизни, без которой не было бы меня, моих детей, моих книг, в конце концов. Но опубликовать в чистом виде эти записи я все-таки не захотела: мне показалось, что у **ретросюжета должно быть современное эхо**, а потом это **эхо принялось отвоевывать себе все большие места** [10].*

Размышляя о будущем, автор использует развернутые метафоры, которые отражают ее отношение к жизни в целом: *Я об этом не думаю. Да, я люблю все планировать, **но не хочу смешить Бога**, и так далеко **не загадываю**. Сейчас я, что называется, **стою на паузе**. В этом году – надеюсь! – все мое время будет посвящено работе над романом. Приятно, конечно, быть нужной, но главная моя задача – **не «светить лицом»**, а писать книги. В прошлом году я восстанавливалась после написания двух книг, а теперь чувствую, что у меня **накопились силы** для новой работы, которой нужно **отдать себя целиком** [9].*

В речи автора присутствуют оценочная лексика и средства художественной выразительности в виде эпитетов, риторических восклицаний, парцелированных конструкций. Использование этих средств говорит об Анне Матвееве не только как о человеке с высоким уровнем культуры, но и с богатым тезаурусом. Оценивая правдоподобность литературы, Анна Матвеева использует восклицательные предложения. Она убеждена, что сюжет ее произведений должен отличаться от реальных жизненных историй: ***Глупости. Если описывать всё, как в жизни происходит, вообще никто не поверит! В моей жизни встречались невероятные люди, случались потрясающие совпадения... Вновь повторяю: жизнь сложнее литературы*** [8].

При помощи восклицательных конструкций Анна Матвеева создает свой свободный стиль общения, который основан на доверительных отношениях с публикой. Автор открыто показывает, что у нее есть писатели, которыми она гордится, но чувство зависти не испытывает: ***Конечно!** «Мадам Бовари», например. У меня высокие стандарты! Зависть вызывают обычно такие тексты – а не люди – которые я не могу сделать сама. Если я вижу, что книжка написана классно, но я тоже так могу, мне это неинтересно. Ну, то есть я могу, конечно, её по достоинству оценить, сказать, что это отличная работа, но я тоже так умею – в чем тогда смысл зависти? Зависть – это когда тебя крючит от того, что ты не можешь сделать так* [8]!

Ну, я, например, не могу писать, как Александр Иличевский. Это сложный писатель, философ, очень точный в деталях. И вот некоторые его рассказы я читаю и думаю: «Вау!» Но он мой автор, я его редактор, я, можно сказать, эти книги выносила вместе с ним. Невозможно завидовать человеку, с которым ты вместе делаешь такое классное дело. Я просто им горжусь [8]!

В интервью Анны Матвеевой выражается её принципиальность по отношению к социальным вопросам. Так, например, автор критично оценивает ситуацию, связанную с писательским трудом:

«Я не могу сказать, что разбогатела писательскими трудами. Эта ситуация типична не только для России, точно так же обстоят дела во всем мире, если, конечно, речь не идет о суперпопулярном авторе с миллионными тиражами. Практически все писатели, которых я знаю, работают кем-то еще: редактируют чужие книги, пишут статьи и критику, преподают. И я тоже так делаю. Хотелось бы зарабатывать только литературой, я даже делала попытки в этом направлении, но быстро поняла, что для этого еще не пришло время. Тем не менее представить, что я оставлю эту работу и займусь чем-то другим, пусть даже это принесет большие деньги, не могу. Например, я могла бы писать сценарии для сериалов, это хорошо оплачивается» [9].

Для медийных текстов ЯЛ писателей характерны яркая индивидуальность и ярко выраженное личностное начало. Это свойственно и Анне Матвеевой: *Как я уже сказала, я не верю в концепцию счастья, хэппи-энд к этому тоже относится. Если он логичен в книге, если я вижу, что к этому автор вёл, и если это убедительно – то хорошо. Но если это просто читателю надо для чего-то, то... мы пишем не для того, чтобы угодить читателю. Мне не важно, будет ли читателю комфортно после прочтения моей книги – я пишу так, как есть. Если это совпало с читателем – хорошо, если нет – идём дальше [8].*

Местоимения 1-го лица и притяжательные формы, которые часто используются автором, демонстрируют личностное начало и акцентируют неповторимость и индивидуальность Анны Матвеевой. Об этом можно судить по личным признаниям автора в интервью: *Я вообще человек достаточно щепетильный. Если я рассказываю свою личную историю, то могу взять любую планку откровенности. Я неоднократно получала за это, особенно по юности, когда начинала писать, и люди себя узнавали или им казалось, что они себя узнают в моих персонажах. Ведь часто люди видят то, чего нет. Дескать, я беру своё добро везде, где нахожусь, всё, что*

вижу, – всё моё. Но мне хотелось ещё и отношения с близкими мне людьми сохранять. Если я вижу, что это их действительно ранит, пытаюсь договориться [8].

Таким образом, если рассматривать ЯЛ писателя в публичном пространстве, можно прийти к следующим выводам. Для такого вида общения характерны свойственные писателю метафоричность мышления, высокий уровень культуры, умение прямо или косвенно отражать свои личные качества и творческие способности. В своих интервью Анна Матвеева раскрывается с разных сторон. Во-первых, её речь позволяет судить о ней как о человеке интеллигентном и образованном, имеющем твердые убеждения относительно личных и социальных вопросов. Во-вторых, в диалогах чувствуется явно выраженное индивидуальное начало, что помогает нам увидеть в ней человека с сильным характером.

Список источников

1. Кузьмина, Н. А. Современный медиатекст / Н. А. Кузьмина. – Москва : Флинта, 2019. – 412 с.
2. Колесниченко, А. В. Прикладная журналистика : учебное пособие / А. В. Колесниченко. – Москва : Изд-во Московского университета, 2008. – С. 53–55.
3. Медиалингвистика в терминах и понятиях: словарь-справочник / под ред. Л. Р. Дускаевой ; редколл.: В. В. Васильева, Ю. М. Коняева, А. А. Малышев, Т. Ю. Редькина. – 2-е изд., стер. – Москва : Флинта, 2020. – 440 с.
4. Азимов, Э. Г. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам) / Э. Г. Азимов, А. Н. Щукин. – Москва : ИКАР, 2009. – 448 с.
5. Формановская, Н. И. Речевой этикет и культура общения / Н. И. Формановская. – Москва : Высшая школа, 1989. – 159 с.
6. Земская, Е. А. Московская школа функциональной лингвистики. Итоги и перспективы исследования / Е. А. Земская – Москва : Русские словари, 1998. – 30 с.
7. Болотнов, А. В. Текстовая деятельность как отражение коммуникативного и когнитивного стилей информационно-медийной языковой личности : монография / А. В. Болотнов. – Томск : Изд-во Томского ЦНТИ, 2015. – 274 с.
8. Писатель Анна Матвеева: «Я не верю в концепцию счастья». Интервью с Е. Борисовой. 24.03.2023. – URL <https://dzen.ru/a/ZB1-zy-zT2hMFQXp> (дата обращения 10.10.2023).

9. Писатель Анна Матвеева: «Общий уровень журналистики падает. Эта профессия, как и многие другие, умирает». Интервью с Д. Понкратовой. 13.02.2017. – URL https://www.justmedia.ru/analitika/culture/pisatelnicza_anna_matveeva_obshhij_uroven_zhurnalistiki_padaet_eta_professiya_kak_i_mnogie_drugie_umiraet (дата обращения: 01.10.2023).
10. Бестселлер из бабушкиного дневника: интервью с известной писательницей Анной Матвеевой. Интервью с Л. Соколовской. 02.10.2023. – URL <https://ampravda.ru/2023/10/02/124688> (дата обращения 01.10.2023).

Раздел IV. Актуальные проблемы медиакоммуникации

УДК 81'42
ГРНТИ 16.21.33

Ключевые концепты русской языковой картины мира в региональной публицистике

Key concepts of the Russian language picture of the world in regional journalism

Елена Васильевна Лукашевич¹, Ксения Андреевна Баданина²
^{1,2} Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

Аннотация. Анализируется концептосфера «алтайская деревня» на материале региональной публицистики начала XXI в. известного журналиста и писателя Алтайского края А. В. Кирилина. Когнитивно-дискурсивный анализ позволил выявить значимые для автора ключевые концепты русской языковой картины мира. На примере концептов «работа», «семья» представлены фрагменты языковой картины мира публициста, ее концептуальные особенности и ценностно-культурные установки. Концептуальный анализ текстов проведен с учетом субъект-объектных ориентаций непосредственных участников реальных социальных событий, что нашло отражение в модели базовых характеристик концептов и характеристике индивидуальной картины мира А. В. Кирилина.

Ключевые слова: концепт, концептуальная структура, русская языковая картина мира, региональная публицистика, образ автора, моделирование

Key words: concept, conceptual structure, Russian language picture of the world, regional journalism, image of the author, modelling

Рассуждая о возможности реконструкции языковой способности человека на основе анализа его ассоциативно-вербальной сети, Ю. Н. Караулов подчеркивал, что ядерная часть национального самосознания «предназначена для того, чтобы идентифицировать “своего”, опознать личность, принадлежащую

к той же самой, к “моей” речевой общности» [1, с. 762]. На наш взгляд, это в значительной степени обуславливает растущий интерес исследователей к моделированию языковой картины мира на основе речевой деятельности носителя языка.

Отметим несколько важных для нас выводов и наблюдений, сделанных Н. Н. Болдыревым в результате исследования когнитивных схем языковой интерпретации: 1) человек с помощью языка не отражает, а конструирует мир в своем сознании; 2) если объектом языковой интерпретации являются вербализованные знания о мире, то реализуются частные функции интерпретации: селекции, классификации и оценки; 3) важно учитывать, что в структуре и содержании концепта в той или иной мере представлена коллективная или индивидуальная картина мира [2, с. 10–13].

Целью нашего исследования является лингвистическое моделирование ключевых концептов на основе текстов одного из наиболее известных публицистов Алтайского края А. В. Кирилина, а также анализ языковой картины мира автора, ее концептуальных особенностей.

Обязательными характеристиками публицистического произведения должны быть социальная актуальность и проблематичность, полемичность, экспрессивность, ярко выраженная авторская позиция и контакт с аудиторией, а публицистическая картина мира характеризуется мозаичностью и фрагментарностью, объединением стилистического и прагматического аспектов. Публицистика призвана формировать общественное мнение и быть полезной данному обществу [3–5]. Объект публицистики – социальный человек, взгляд которого на реальные социальные отношения и (или) события значим для всего социума или отдельных групп внутри него [5, с. 57].

Материалом для исследования послужил цикл публикаций А. В. Кирилина «Убывающая деревня», представленный в разделе «Публицистика» литературного журнала «Сибирские огни» [6]. Все

очерки были напечатаны в различных периодических изданиях в конце первого десятилетия XXI в. Задуманная автором книга так и не была издана (есть в рукописи), хотя А. В. Кирилин в 2012 г. получил за цикл «Убывающая деревня» премию «Имперская культура». Награда присуждается за серьезный вклад в возрождение русской культуры.

Методы исследования: концептуальный анализ, когнитивно-дискурсивный анализ, методы интерпретации ценностно-маркированных контекстов и моделирования.

Концептуальный анализ цикла публикаций «Убывающая деревня» позволяет говорить о том, что все публикации объединяет концептосфера «алтайская деревня», которая включает группу концептов, объединенных общими смыслами и культурно-ценностным содержанием. А. В. Кирилин основной посыл произведения формулирует так: *«картина сегодняшней жизни в деревне – честно сказать, не очень благодатная почва для оптимизма»* [6], помещая алтайскую деревню в контекст социально-политических и экономических преобразований в России начала XXI в. Подобный ракурс дает возможность публицисту выразить свою мировоззренческую, ценностно ориентированную позицию; представить срез/модель современных для него событий сквозь призму времени, идеологии, личности; дать национально-культурную и социальную оценку людей, событий, фактов.

Одним из наиболее значимых, ключевых для понимания публицистического текста А. В. Кирилина является концепт «работа», который представлен лексемами *работа, работник, работать, труд, трудиться*.

Мы выделили две концептуальные сферы реализации этого концепта в тексте.

1. Концептуальная сфера **«Работа как занятие, труд, деятельность»**: *«Как бы там ни было, Ольге ее работа нравится»*; *«Работать пошла с восемнадцати лет, сначала пояркой, потом дояркой...»*; *«Вечером – ужинать и спать, невыспавшаяся – не работник»* [6].

При анализе контекстов нами не выявлены смысловые признаки работы как разворачивающегося во времени процесса, не актуален объект и результат работы, не зафиксированы контексты, где труд рассматривается как творческая деятельность.

Важной для данной концептуальной сферы является характеристика условий работы: *«несмотря на выходной, работа шла полным ходом»*; *«нет выгоды идти работать на хозяина»*; *«условия труда – как были, так и остаются до сих пор – тяжелые»*; *«праздники выпадают редко, гости – тоже»* [6].

Контексты, отражающие положительное отношение к работе, как правило, связаны с характеристикой героев очерков как работников: *«лучшая доярка»*; *«передовик из передовиков»*; *«сертификат на отдых в Белокуриху, который достался ей в награду за производственные успехи»*; *«на прошлогодний слет доярок-пятитысячниц от хозяйства ездили в Барнаул шестеро, нынче – четырнадцать передовиков производства»*; *«слаженная работа животноводов»*; *«Подбираю работника только по человеческим качествам и начинаю учить. Я для него и училище, и техникум, и учебный участок»* [6]. В большинстве ситуаций положительная оценка работника дается на основе общественного признания и получения награды/звания на профессиональных конкурсах, соревнованиях и др.

Контексты с отрицательной оценкой связаны с оценкой работы и жизни в селе в целом: *«Учись, сынок, а то пойдешь на ферму коровам хвосты крутить»*; *«Такой неуверенности в завтрашнем дне, как сегодня, не помню»*; *«Некому в деревне работать! Представьте, появился старик Хоттабыч и говорит нашим людям: вот ночь думайте, а утром – кто пожелает – жильем в Барнауле будет обеспечен. Наутро “Раздольного” не было бы»*; *«Разваливается производство – уходят специалисты, превращаются в подсобную, неквалифицированную рабочую силу на посторонних промыслах»*; *«Нынче я не рискну новый комплекс строить»* [6].

Приведенные примеры отражают экономическую нестабильность, проблемы в развитии сельского производства, отсутствие мотивации к работе в селе, стремление к жизни в городе. Преобладают оценки работы в деревне как требующей значительных усилий, напряжения, времени (так как это преимущественно физическая работа); неквалифицированной, плохо оплачиваемой, непрестижной в обществе, не слишком востребованной у молодого поколения: *«Не захотят новые поколения выживать с помощью собственной буренки, носить, не снимая по восемь месяцев в году, резиновые галоши и радоваться жизни через спутниковую антенну. Смешно и нелепо было бы настаивать на сохранении такой жизни в такой деревне»* [6].

А. В. Кирилин открыто пишет о трудностях в работе крестьян, фермеров, в бизнесе, аргументируя свою точку зрения, активно используя цифры, факты. Отметим, что говорит об этом не только сам автор, но и его герои (при этом журналист согласен с ними), которые дают советы власти по исправлению ситуации: *«Необходимо создать условия, чтобы на земле было выгодно работать. Тогда и люди сюда пойдут, и инвестиции рекой потекут»* [6].

Автор текста, сам отличающийся активной жизненной позицией, выбирает стратегию показа своих героев как субъектов деятельности в самом широком плане, рассматривает истории их жизни в связи с историей их родного села, края, страны в целом, беспокоится о *«маленьком человеке, которого можно не разглядеть за всем величием наших планов»* [6]. Желание и умение изменить себя, окружающую действительность – это для публициста и есть основной результат работы как деятельности: *«Если б не видел своими глазами, из каких руин подняли Антипины (между прочим, наши земляки, крестьяне с Алтая) скотные дворы, фермы, как, благодаря их вмешательству, ожили села, стала плодоносить заброшенная земля, люди получили работу»; «Сельчане убеждены: школа закрылась – село умрет. <...> тем*

самым делается первый шаг, удаляющий юного человека от семьи, отчего дома, родного села» [6].

2. Концептуальная сфера **«Работа/труд как источник заработка»**: *«Молодежь тянется в город, там возможностей заработать больше»; «Уже думаю, как накопить денег на дальнейшую учебу сына. Я сама не получила образование, так хочу, чтобы мой ребенок учился»; «Даже в лихие 90-е больше было определенности: нельзя работать перечислением – тащи деньги в мешках...» [6].*

Контексты, в которых трудовая деятельность в качестве источника заработка оценивается положительно, связаны с советским прошлым села, современный период с точки зрения материального достатка оценивается и автором, и его героями отрицательно: *«В прежние времена, <...> скорее всего, смогли бы осилить собственный домик. Сейчас это – мечта из несбыточных <...> Зато теперь есть машина, которую самим бы тоже ни за что не купить. Новенькую “Ладу-семерку” подарили Ольге за среднегодовые надои от коровы свыше семи тысяч килограммов молока»; «Но скажите, зачем за 5–6 тысяч идти работать, когда полторы дадут за просто так, и их хватит, чтобы заплатить за свет и газ. Так что никто по-настоящему работу здесь и не ищет»; «Да, не могу пока достойную зарплату платить, но к осени будем серьезно пересматривать возможности оплаты» [6].*

Авторы «Нового объяснительного словаря синонимов русского языка» разграничивают употребление синонимов *работа – труд* по характеру деятельности; масштабу задач и затраченным усилиям; смысловым акцентам и оценке [7, с. 308–309]. В анализируемом публицистическом тексте лексема *труд* встречается довольно редко. Контексты ее употребления связаны: 1) с характеристикой работы в советский период: *«Про высокие мечты и поэзию труда на ферме доярки говорили в те самые времена, когда “Раздольное” называлось совхозом»; 2) с выводами, заключением А. В. Кирилина о современной алтайской деревне: «Условия*

труда – как были, так и остаются до сих пор – тяжелые»; «Не виноват крестьянин, <...> что его труд не был востребован должным образом, оценен по достоинству» [6].

В последнем примере, по нашему мнению, труд «сопряжен с положительной этической оценкой, он рассматривается как внутренняя благородная потребность человека...» [7, с. 310]. Концептуальный анализ текста позволил подтвердить и мнение лингвистов об утилитарности оценки работы, этическом аспекте оценки труда. А. В. Кирилин намеренно подчеркивает, что это *труд крестьянина*, акцентируя внимание на субъекте и его значимости для общества.

В разговоре с А. В. Кирилиным старшее поколение в лице родителей, на себе испытав все сложности работы в деревне, чаще подчеркивают, что не желают своим детям подобного будущего. Если учесть мнение исследователей о том, что семья – это один из наиболее важных социальных институтов, который «способствует межпоколенной трансляции культурного опыта, чье содержание зависит от отношения к транслируемым ценностям и меняется в различных исторических и социокультурных условиях» [8, с. 58], то очевидна ключевая роль концепта «семья» в анализируемой концептосфере.

В данной статье мы обозначим только три концептуальные сферы, которые актуальны в контексте работы/труда сельского жителя: во-первых, это «родители, дети, родственники»; во-вторых, «обычаи, традиции»; в-третьих, «дом, родина». Рукопись книги А. В. Кирилин заканчивает замечательной развернутой метафорой, которая начинается строчкой из стихотворения Николая Рубцова, а далее следует размышление публициста, обращенное к кругу потенциальных читателей: «*“Мать России целой – деревушка” ... Больно за нее, как и должно быть больно за мать страдающую. Есть мать, значит, есть и отец, мы, грешные, рождены двоими. Отец – отчий кров – Отечество. Это помнится,*

это важно. И еще есть государство – уполномоченный Отчеством инструмент для несения службы на благо чад его, Отечества. Всех. Без различия» [6].

Эта метафора – напоминание автора об отсылке в тексте к Столыпину с его идеей о том, что крестьяне – хранители и носители культуры на селе; о национальных корнях, самобытности; российском своеобразии и особом пути (*«вот только определиться бы нам поконкретнее и поскорее в направлении»*); низкой социальной активности россиян. Эта метафора – напоминание и о том, что *«последствия пренебрежения национальными корнями, традициями и приоритетами сказываются не сразу, через некоторое время. Но бьют жестоко»* [6].

Таким образом, мы считаем, что анализ ключевых концептов публицистического текста является одним из актуальных способов языковой реконструкции и интерпретации смысловой специфики текста. Корреляция между концептами, входящими в одну концептосферу, позволяет моделировать индивидуальную языковую и концептуальную картины мира автора текста.

Список источников

1. Караулов, Ю. Н. Русский ассоциативный словарь как новый лингвистический источник и инструмент анализа языковой способности / Ю. Н. Караулов // Русский ассоциативный словарь. – Т. 1: От стимула к реакции. – Москва : Астрель, 2002. – С. 749–782.
2. Болдырев, Н. Н. Когнитивные схемы языковой интерпретации / Н. Н. Болдырев // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2016. – № 4. – С. 10–20.
3. Каминский, П. П. Принципы исследования публицистики на современном этапе / П. П. Каминский // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2007. – № 1. – С. 100–118.
4. Машарипова, Т. Ж. Публицистика и литература: общее и отличительные особенности / Т. Ж. Машарипова // Вестник Московского университета. – Сер. 10. Журналистика. – 2014. – № 2. – С. 130–148.
5. Полонский, А. В. Публицистика как особый вид творческой деятельности / А. В. Полонский // Научные ведомости Белгородского государственного университета. – 2008. – № 1. – С. 56–61.

6. Кирилин, А. В. Убывающая деревня / А. В. Кирилин // Сибирские огни. – 2009. – № 11. – URL : <https://www.sibogni.ru/content/ubyvayushchaya-derevnya> (дата обращения: 10.01.2024).
7. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / под общ. рук. акад. Ю. Д. Апресяна. – Вып. 1. – Москва : Школа «Языки русской культуры», 1999. – 552 с.
8. Глазкова, Т. В. Семья в концептосфере русской культуры / Т. В. Глазкова // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. – 2015. – № 4 (44). – С. 56–60.

УДК 81.44
ГРНТИ 16.01.11

Лингвистическая специфика телевизионных анонсов как рекламных медиатекстов

Linguistic specificity of television announcements as advertising media texts

Артем Алексеевич Шмаков

Алтайский филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
Барнаул, Россия

Аннотация. Рассмотрен процесс жанровой трансформации телевизионного анонса, которая происходит в настоящее время: от информационного к рекламному жанру. Сделан вывод о том, что в настоящее время анонс реализует функцию привлечения и удержания внимания потенциального зрителя, создание позитивного впечатления о рекламируемом продукте за счет использования речевых образных средств, а также уместного сочетания вербальных, невербальных и паравербальных каналов передачи информации и речекоммуникативного воздействия.

Ключевые слова: телеанонс, телевизионный анонс, язык рекламы, рекламные жанры, медиатекст

Key words: television announcement, advertising language, advertising genres, media text

Современный рынок средств массовой информации является высококонкурентным и динамично развивающимся. Несмотря на активное развитие Интернета и социальных сетей, телевидение до сих пор занимает значительное место в структуре медиапотребления россиян в начале 20-х гг. XXI в., поэтому реклама на телевидении по-прежнему выступает в качестве эффективного канала продвижения товаров и услуг. Главной ее особенностью является высокая эмоциональность и убедительность, поскольку ТВ-реклама задействует весь спектр аудиовизуальных средств воздействия на адресата.

Телевизионный анонс (ТВ-анонс, телеанонс) является специфичным жанром телевизионной рекламы, поскольку его цель – сообщение информации о ближайших ТВ-программах, которые будут продемонстрированы на том или ином канале – совмещает в себе информационную и воздействующую функции.

Анонс в настоящее время достаточно популярен во всех информационных сферах: как на телевидении и радио, так и в сети Интернет, социальных сетях. Анонс активно используется информационными агентствами, распространен в индустрии кино и сериалов.

При этом в отечественной традиции наблюдается определенный теоретический вакуум в аспекте осмысления места анонса в ряду журналистских жанров. Так, М. Н. Кожина в «Стилистическом энциклопедическом словаре русского языка» рассматривает его как «разновидность хроники» [1, с. 41], а З. С. Смелкова в издании «Риторические основы журналистики» – как «особый тип информационной заметки» [2, с. 141–150].

Представляется, что в связи с развитием жанровой системы СМИ и СМК в целом, а также телевидения в частности необходимо пересмотреть особенности анонса и проанализировать его не как информационный, а как рекламный жанр. Это обусловлено несколькими причинами. Отметим их.

1. Необходимость рекламы телевизионных продуктов как таковых в связи с изменением структуры медиапотребления и ухода телезрителей в онлайн. Эта тенденция является глобальной, поэтому телевидение в целом вынуждено отвечать на данный глобальный вызов.

2. Общая тенденция на повышение уровня речевого воздействия медиатекстов на аудиторию из-за роста количества информации. Теперь, чтобы информация была доставлена адресату и он был способен ее воспринять, недостаточно использовать средства, нацеленные на простое сообщение информации, важно также включать в текст языковые маркеры привлечения внимания адресата.

3. Внутренняя жанровая динамика медиатекстов, вызванная изменением среды бытования и технологическими изменениями.

Так, рекламный ТВ-дискурс сегодня обладает уникальными экстра- и интралингвистическими характеристиками. Современный исследователь Е. В. Алтабаева отмечает: «Рассмотрение телевизионного рекламного дискурса как знаковой системы смешанного типа, сочетающей в себе вербальные и аудиовизуальные коды, продолжает привлекать внимание исследователей современной медиаречи и ее основного продукта – медиадискурса» [3, с. 34].

В рамках данной статьи нами будет рассмотрена специфика использования языковых средств, типичных для телевизионных анонсов, для оказания речевого воздействия на адресата и повышения аттрактивности медиатекста. Необходимо определить, какие языковые средства позволяют относить телевизионный анонс к рекламным текстам, а не к информационным жанрам.

В качестве материала для исследования были взяты 50 телевизионных анонсов, вышедших в эфире самого популярного российского общенационального телеканала «Первый канал» в декабре 2023 – январе 2024 г.

С точки зрения своего юридического статуса, ТВ-анонс не является телевизионной рекламой, однако для повышения суггестивного потенциала текста журналисты и копирайтеры используют те же языковые средства и речевые приемы, что и рекламные тексты. Для современных телеанонсов характерно личностное, индивидуально-авторское начало, когда компания демонстрирует свой ТВ-продукт как уникальный феномен медиaprостранства.

Анонимность авторства ТВ-анонса роднит его с телерекламой. Отметим, что на официальном сайте Первого канала телеанонсы называются «промовидео». Это говорит о том, что сами создатели рекламных анонсов воспринимают их как жанр именно рекламный, который направлен именно на продвижение – promotion по-английски. Отметим также, что в журналистском сленге появился термин «эфирный промоушн», который как раз обозначает эфирные проморолики, нацеленные на анонсирование собственных медиaproдуктов и программ телеканала внутри иных программ и в межпрограммное время. Отсюда

возникает еще одна черта, которая объединяет телеанонсы и рекламные сообщения: повторяемость. Телеанонсы в эфире воспроизводятся неоднократно, чтобы обеспечить максимальный информационный охват. Иногда это может быть чересчур навязчивым и вызывать раздражение у зрителей, поэтому для авторов телеанонсов важно сделать их максимально интересными и высокохудожественными, чтобы зрителю было интересно их смотреть, и он не переключал канал.

Рассмотрим специфику языковых и речевых средств, используемых в телеанонсах «Первого канала», вышедших в эфир в декабре 2023 – январе 2024 г.

1. Использование развернутых метафорических образов.

Рождественский выпуск проекта «Играем свадьбу» – это своего рода праздничный «огонек» в Министерстве Сказочного Наследия, главное событие которого – сватовство Снегурочки. Выбор сказочных женихов доверят главной свахе страны Розе Сябитовой. За сердце внучки Деда Мороза сразятся Мухомор, Леший, Медведь и Гусь (Рождественский выпуск. Играем свадьбу!).

В рассматриваемом примере анонса рождественского выпуска программы «Играем свадьбу!» используется метафора «огонек» для обозначения торжества, посвященного «сватовству Снегурочки», что является, во-первых, развернутой метафорой, которая поддерживается образами «Министерства Сказочного Наследия», а также именами претендентов на «сердце внучки Деда Мороза»: «Мухомор», «Леший», «Медведь» и «Гусь», во-вторых, аллюзией на популярный формат новогодних ТВ-шоу, восходящий к «Голубому огоньку», когда звезды телевидения, актеры, певцы, шоумены собираются вместе и отмечают наступление Нового года.

2. Использование сленга и просторечной лексики для выделения определенной целевой аудитории. Так, анонс выпуска «У нас очень хорошо поучается» шоу «Лучше всех» следующее речевое оформление: *Если ваш ребенок проявляет экстраординарные способности в творчестве, спорте или науке, если он лучше всех поет, танцует, показывает фокусы или чеканит мяч*

и, кроме того, не боится сцены и не лезет за словом в карман, значит, вам сюда! («У нас очень хорошо поучается». Лучше всех!).

Выражения «чеканить мяч» и «не лезть за словом в карман» вытекают из общей стилистики анонса и являются маркерами, которые нацеливают текст на молодежную и детскую аудиторию: возраст участников заявлен от трех до двенадцати лет.

3. Использование сравнений в ТВ-анонсах позволяет провести аналогии, подчеркнуть пользу для конкретного зрителя и создать аргументативную структуру текста, что в конечном итоге повышает его уровень воздействия на адресата. Так, анонс выпуска тревел-шоу «Поехали!», посвященного Суздалью, звучит так: *Увлекательное тревел-шоу на Первом канале можно использовать как инструкцию к путешествию по России: ведущие честно расскажут, где дешевле поселиться, а где вкуснее поужинать.*

Формат тревел-шоу в указанном примере сравнивается с жанром инструкции, который всегда содержит достоверную информацию по использованию того или иного объекта. Аргументативная структура текста поддерживается наречиями «честно», «дешевле», «вкуснее», которые апеллируют к прагматическому уровню восприятия информации, что должно привлечь потенциальных путешественников.

4. Использование стилизации текста телеанонса под стиль, в котором создана телепередача (научно-популярный, публицистический, художественный). Данный прием широко распространен, например, среди ТВ-шоу, которые имеют научно-популярный характер. Так, программа «Наше все», которая посвящена рассмотрению российских технологических достижений, имеет следующий анонс: *Научно-познавательное развлекательное реалити-шоу расскажет телезрителям, почему у россиян так много причин гордиться своей страной. Прямо сейчас в России создаются все необходимые бытовые предметы и произведения искусства, совершенствуются технологии и индустрия моды. Ведущая проекта встретится с российскими специалистами в самых разных*

сферах, расскажет, как они работают и что производят, покажет, тестируя на себе, наше все.

Данный текст не является характерным для рекламного дискурса из-за его наукообразности: используются ряды однородных членов (...*создаются все необходимые бытовые предметы и произведения искусства*), деепричастные обороты (...*покажет, тестируя на себе, наше все...*), сложные предложения (...*расскажет, как они работают и что производят...*), используются глаголы совершенного вида будущего времени (*встретится, расскажет, покажет* и т.д.). Таким образом, именно наукообразность речи является маркером, который привлекает зрителя и заставляет дослушать данный анонс до конца. Отметим, что здесь важен и паравербальный компонент: напряженная интонация и энергичная артикуляция закадрового мужского голоса, который озвучивает данный анонс.

5. Использование противопоставлений также является частотным приемом, который позволяет привлекать внимание аудитории к ТВ-анонсу. Рассмотрим механизм работы данного приема. Так, он использован для анонсирования программы «АнтиФейк»: *Видео, вызывающие шквал эмоций, на деле могут оказаться бездушно и цинично изготовленным фейком. Как отличить ложь от правды? Разбираются эксперты программы «АнтиФейк».*

В данном примере прием противопоставления представлен на трех языковых уровнях сразу: словообразовательном (используется приставка «анти-», имеющая значение «против»), лексическом (использованы антонимы «ложь» и «правда»), синтаксическом (*Видео, вызывающие шквал эмоций, на деле могут оказаться бездушно и цинично изготовленным фейком*). Актуальное членение первого предложения анонса содержит в себе противопоставление темы (*Видео, вызывающие шквал эмоций...* – т.е. искренние, задевающие за живое) и ремы высказывания (...*на деле могут оказаться бездушно и цинично изготовленным фейком*, т.е. ложью, вымыслом), что существенно повышает аттрактивность текста в целом.

6. Использование оксюморона является одним из приемов, который позволяет создать определенную интригу в сознании зрителя, как, например, в анонсе телепередачи «Фантастика. Лучшее»: *Первый канал приглашает зрителей в новую телевизионную реальность – метавселенную, где стирается грань между виртуальным и настоящим. Герои «Фантастики» не чувствуют себя связанными физическими законами, им все по плечу, а сцена «Фантастики» – волшебный мир без рамок и горизонтов.*

В приведенном примере в понятие «метавселенная» объединены два противопоставленных друг другу понятия: «виртуальное» и «настоящее». В тексте заявлено, что именно в метавселенной «стирается» грань между этими антонимичными понятиями, поскольку это «волшебный мир без рамок и горизонтов». Таким образом, авторы текста привлекают внимание потенциального зрителя, «заманивая» его модным в настоящее время словом «метавселенная», а также объясняя сущность данного понятия через сочетание противоречащих друг другу с точки зрения формальной логики понятий, что и создает упомянутый оксюморон.

7. Использование риторического вопроса также представляет собой средство привлечения и удержания внимания потенциального зрителя телеанонса, как, например, в анонсе программы «Сегодня вечером»: *Чего ждать от 2024 года? Прогнозы и предсказания. В студии программы «Сегодня вечером» астрологи расскажут, что готовит наступивший 2024-й год, на какие моменты стоит обратить особое внимание и какие даты в новом году станут ключевыми для каждого из нас.*

В данном анонсе использованы ключевые слова «ждать», «прогноз», «предсказание», «астрологи», ряд которых дает понять, что речь пойдет не о социально-экономических прогнозах, а о сфере астрологии. Анонс завершает фраза «для каждого из нас», это подчеркивает нацеленность на каждого конкретного телезрителя, что не может не импонировать адресату коммуникативного сообщения.

Проведенный анализ медиатекстов телеанонсов показал, что данный жанр ТВ-дискурса, сохранив информативную функцию, претерпел трансформацию в рекламный жанр, поскольку в настоящее время анонс реализует функцию привлечения и удержания внимания потенциального зрителя, создание позитивного впечатления о рекламируемом продукте за счет использования речевых образных средств, а также уместного сочетания вербальных, невербальных и паравербальных каналов передачи информации и речекоммуникативного воздействия.

Специфика использования речевых средств зависит от нескольких факторов:

1) жанр анонсируемой передачи: в зависимости от жанра анонсы могут быть более научнообразными или иметь более выраженное авторское начало и авторский взгляд;

2) автор анонсируемой передачи: если автором телепередачи является известное лицо, то его личный бренд используется для привлечения внимания телеаудитории;

3) уникальность контента анонсируемой передачи: различаются телеанонсы регулярно выходящих передач и передач единичных, посвященных тому или иному событию;

4) целевая аудитория анонсируемой телепрограммы: используются различные стилистические средства (например, сленг и жаргон) для привлечения внимания конкретных аудиторий или более широкой категории телезрителей (стилистически нейтральная лексика).

Список источников

1. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. – Москва, 2003. – 694 с.
2. Смелкова, З. С. Риторические основы журналистики / З. С. Смелкова, Л. В. Ассуирова, М. Р. Савова, О. А. Сальникова. – Москва, 2007. – 320 с.
3. Алтабаева, Е. В. Прагматический потенциал рекламного дискурса / Е.В. Алтабаева // Экология языка и речи: материалы VIII Международной научной конференции. – Тамбов, 2019. – С. 34–38.

Манипулятивный потенциал современных медиатекстов

The manipulative potential of modern media texts

Елена Андреевна Бородай

Томский государственный педагогический университет, Томск, Россия

Научный руководитель: д. ф. н., проф. кафедры русского языка
Н. С. Болотнова

Аннотация. В современную информационную эпоху, когда медиатексты играют основную роль в формировании общественного мнения, это явление становится все более значимым. В статье исследован манипулятивный потенциал современных медиатекстов. Анализировались следующие аспекты манипуляции: распространение «фейков», эмоциональная и визуальная манипуляции, ссылка на авторитетные источники. Рассмотрены различные приемы, оказывающие значительное влияние на мнение и поведение аудитории. Критический анализ и осознанное восприятие медиатекстов являются важными навыками для защиты от манипуляции в информационную эпоху. Понимание этих механизмов поможет развить медиаграмотность и справиться с манипулятивным воздействием.

Ключевые слова: медиатекст, фейк, реклама, авторитетное мнение, эмоциональная манипуляция, визуальная манипуляция

Key words: media text, fake, advertisement, an authoritative opinion, emotional manipulation, visual manipulation

Медиа среда в настоящее время характеризуется огромным потоком информации, доступной через медиатексты в различных форматах – печатных изданиях, телевидении, радио, Интернете и социальных сетях. Отличительной чертой современных медиатекстов является потенциал их воздействия на аудиторию, который используется для формирования определенных убеждений, представлений и стереотипов. Таким образом, медиатексты выполняют важную роль в формировании общественного мнения.

Информация, представленная в медиатексте, не всегда достоверна. Средства массовой информации имеют возможность целе-

направленно распространять ложные сведения, которые в современном медиапространстве получили название «фейковые» (fake news). Целью «фейковой» новости является манипуляция общественным мнением. Исследователи отмечают, что «фейк» – это «фактически это обман аудитории с целью произвести впечатление, вызвать ажиотаж» [1, с. 52].

Примером новостей данной категории является информация, которая появилась в социальных сетях и новостных сайтах 22 декабря 2023 г.: «Умерла участница 7 сезона проекта “Пацанки” – Диана Янголенко» [2]. В дальнейшем было установлено, что представленная новость является дезинформацией. Главной целью распространения данной информации было продемонстрировать последствия применения запрещенных веществ в жизни человека.

Дезинформация, использование ложной информации, «фейков», в новостях является одним из основных инструментов манипуляции и введения людей в заблуждение.

Второй инструмент манипулирования в медиатекстах – это эмоциональная манипуляция, целью которой является вызвать определенные эмоциональные реакции у аудитории, используя специально подобранные слова, изображения, звуки и т.д.

Медиатекст может содержать эмоционально окрашенные лексические единицы, которые делятся на положительно окрашенные («любовь», «семья», «счастье» и др.) и отрицательно окрашенные («безднадежность», «катастрофа», «загрязнение» и др.). Включение положительно окрашенной лексики определенной тематики может вызывать позитивные ассоциации и эмоции, что способствует формированию благоприятного восприятия представленной информации. Например, в медиатексте, который опубликован 01.08.2023 г.: «Денис Кукояка впервые о скором пополнении в семье, осознанном отцовстве, секрете долгих лет брака и первом оффлайн-бизнесе» [3], присутствуют эмоционально окрашенные положительные слова, такие как «впервые», «скором пополнении», «осознанном отцовстве», «секрете долгих лет брака» и «первом

оффлайн-бизнесе». Эти слова создают положительное настроение и вызывают интерес у читателей. Упоминание о «скором пополнении» может вызывать радость и восторг у тех, кто знаком с Денисом Кукоякой и его семьей. Упоминание об «осознанном отцовстве», «секрете долгих лет брака» и «первом оффлайн-бизнесе» может вызвать интерес и одобрение, так как эти фразы намекают на положительные и успешные аспекты жизни Дениса Кукояки.

Использование лексики с отрицательной коннотацией способно вызывать негативные ассоциации и эмоции, что может усилить воздействие на аудиторию. Новость от 26.01.2024 г.: ««Спи спокойно, ангелочек». Жителей Кубани потрясло жестокое убийство молодой женщины и ее двухлетней дочки» [4] является примером медиатекста, в котором присутствует эмоционально окрашенная отрицательная лексика: «потрясло» и «жестокое убийство». Такие слова могут вызвать возмущение, гнев и сожаление у аудитории. Подобная лексика направлена на вызов сильной реакции у читателей и привлечение их внимания к новости. Они могут также вызывать сострадание и печаль у аудитории, так как упоминается в качестве жертвы молодая женщина и ее двухлетняя дочка.

Стоит отметить, что для усиления манипулятивного потенциала медиатекста могут быть использованы риторические вопросы (вопросы, которые не требуют четкого ответа, но направлены на то, чтобы усилить убеждение в их предполагаемом ответе и вызвать эмоциональное реагирование у аудитории), метафоры (для выражения идей, которые не могут быть открыто обсуждаемыми на основе использования различных слов и образов), гиперболы (преувеличение некоторых характеристик или событий с целью создания эмоционального эффекта или усиления воздействия на аудиторию), юмор (предполагает присутствие нестандартной ситуации, исключительности или неожиданности) и другие риторические приемы.

Иллюстрацией использования одного из приемов является новость 23 января 2024 г.: ««Ситуация похожа на Россию в 1990-е».

Аргентина страдает от сильнейшего кризиса. Спасет ли страну ее новый президент?» [5]. Название статьи содержит риторический вопрос, цель которого в данном контексте состоит в том, чтобы привлечь внимание читателей и вызвать их интерес и любопытство. Вопрос создает впечатление, что данная статья содержит ответ на него, и подразумевает возможность, что новый президент может предложить решение проблем и кризиса, с которыми сталкивается Аргентина.

Как отдельный инструмент манипуляции в современных медиатекстах можно выделить манипуляцию визуальными образами и символами. В рекламном медиатексте важную роль занимает визуальная составляющая, которая создается при помощи определенной цветовой гаммы. Цвет может оказывать сильное влияние на эмоциональное состояние и восприятие людей. Например, яркие и насыщенные цвета могут вызывать прилив энергии и веселья, тогда как пастельные или приглушенные – создавать впечатление спокойствия и надежности. Российская компания «МТС», предоставляющая услуги мобильной связи, использует в своих рекламах, логотипе красный цвет. Данный цвет может настраивать покупателя на решительные действия, обратить на что-то особое внимание. Исследователи отмечают, что «красный цвет символизирует активность, властность, агрессию, плотские желания и сиюминутные действия» [6, с. 5]. Вопрос о том, успешно ли «МТС» использует красный цвет, требует анализа и оценки маркетинговых стратегий этой компании. Учитывая, что данный оператор работает с 1993 г. по настоящее время, можно сделать вывод о том, что услуги мобильной связи «МТС» пользуются спросом.

Разновидностью визуальной манипуляции в медиатекстах является «якорение» (ассоциативное связывание). И. М. Дзялошинский и М. И. Дзялошинская под термином «якорение» понимают «использование устоявшихся в массовом сознании ассоциативных образов (звуковых, визуальных или текстовых), вызывающих вполне определенные чувства: разнообразные лозунги, девизы,

слоганы; люди, внушающие симпатию и уважение» [7, с. 11]. Этот прием может использоваться с целью установления положительного восприятия у аудитории, формирования желаемых ассоциаций с конкретными продуктами или идеями, а также может быть эффективным в установлении связей с определенными ценностями и убеждениями.

В современных видеороликах все чаще присутствует реклама, в которой слоганы используются, чтобы создать ассоциации с определенными товарами. В качестве примера можно привести слоган бренда «Gillette»: «Gillette – лучше для мужчины нет». При выборе подарка для представителей мужского пола можно принять во внимание данный слоган, исходя из которого можно предположить, что товары этого бренда будут считаться наилучшим подарком для мужчин. Практика использования эффективных слоганов в рекламных кампаниях шоколадных батончиков «Snickers» («Не тормози – СНИКЕРСНИ!») и «Bounty» («Bounty – райское наслаждение») достойна особого внимания и изучения. Языковой и стилистический анализ данных слоганов позволяет выявить их простоту и запоминаемость, а также то, что они используют эмоциональные факторы для укрепления связи между брендом и потребителем. Данные слоганы обладают яркостью и узнаваемостью, что способствует формированию ассоциаций и их закреплению в памяти аудитории.

Ссылка на авторитетное лицо или мнение представляет собой еще один из манипулятивных приемов, применяемых в некоторых современных медиатекстах. Основной целью данного приема является стремление вызвать у аудитории чувство доверия к новости. Например, новость «Томичам рассказали о пользе брокколи» [8], опубликованная 26 января 2024 г., содержит ссылку на эксперта по доставке фермерских продуктов Дарью Уткину. В медиатексте она информировала читателей о полезных свойствах брокколи. Учитывая квалификацию Дарьи Уткиной в области здорового питания, ожидается, что слова эксперта вызовут доверие у аудитории.

Подведем итоги. В результате проведенного исследования манипулятивного потенциала современных медиатекстов были рассмотрены различные приемы манипуляции, используемые в медиакоммуникации. Исследование показало, что распространение «фейков», эмоциональная манипуляция, риторические приемы, манипуляция визуальными образами и ссылка на авторитетное лицо имеют значительное влияние на аудиторию, воздействуя на ее мнение и поведение.

Необходимо развивать медиаграмотность у общества, чтобы каждый имел представление о манипулятивных приемах и был способен анализировать источники информации. Это позволит справляться с влиянием манипулятивных медиатекстов и принимать осознанные решения на основе достоверной информации.

Список источников

1. Горина, Е. В. Коммуникативные технологии манипуляции в СМИ и вопросы информационной безопасности : учебно-методическое пособие / Е. В. Горина. – Екатеринбург : Изд-во Уральского федерального университета, 2016. – 67 с.
2. Умерла участница шоу «Пацанки» Диана Янголенко // Известия : сайт. – URL: <https://iz.ru/1624799/2023-12-22/umerla-uchastnitca-shou-patcanki-diana-iangolenko> (дата обращения: 23.01.2024).
3. Денис Кукояка впервые о скором пополнении в семье, осознанном отцовстве, секрете долгих лет брака и первом офлайн-бизнесе // Яндекс. Дзен : сайт. – URL: <https://dzen.ru/a/ZMjmlTWg4Xg0rgm0?sid=7969793711508129> (дата обращения: 29.01.2024).
4. «Спи спокойно, ангелочек». Жителей Кубани потрясло жестокое убийство молодой женщины и ее двухлетней дочки // Комсомольская правда : сайт. – URL: <https://www.kuban.kp.ru/daily/27558/4883258/> (дата обращения: 29.01.2024).
5. Ситуация похожа на Россию в 1990-е // Lenta.ru : сайт. – URL: <https://lenta.ru/articles/2024/01/23/argentina/> (дата обращения: 24.01.2024).
6. Старикова, Н. Ю. Воздействие на зрителя цветовыми приемами в рекламе / Н. Ю. Старикова // StudNet : электронный журнал. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vozdeystvie-na-zritelya-tsvetovymi-priyomami-v-reklame> (дата обращения: 27.01.2024).

7. Дзялошинский, И. М. Российские медиа в период пандемии. Статья вторая: медиаманипуляции как ресурс воздействия на сознание и поведение людей / И. М. Дзялошинский, М. И. Дзялошинская // Вопросы журналистики. – 2022. – № 12. – С. 5–45.
8. Томичам рассказали о пользе брокколи // Яндекс. Дзен : сайт. – URL: https://dzen.ru/news/story/Tomicham_rasskazali_opolze_brokkoli--9ed8cd79b879e8c8d08b7b3ed1c6d85c?lang=ru&rubric=Tomsk&fan=1&stid=hIt6xXzMgpWzwlJU&t=1706323872&persistent_id=2769471535&story=6f0aa0e4-58c2-5a5d-9d75-e1189037611f&issue_tld=ru (дата обращения: 27.01.2024).

УДК 808.51
ГРНТИ 16.21.55

Рекламный видеоролик к онлайн-курсам как речевой жанр рекламно-образовательного дискурса

Promotional videos for online courses as a speech genre of advertising-educational discourse

Лайцзына Ашан

Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия

Научный руководитель: д. ф. н., проф. кафедры русского языка
Т. А. Демешкина

Аннотация. Поднимаются вопросы исследования современного жанра рекламного видеоролика к онлайн-курсам. Выявляется видовое и структурное своеобразие рекламного видеоролика. Материалом для исследования выступают 135 рекламных роликов, размещенные на открытой для всех платформе «Универсариум». **Ключевые слова:** жанр, рекламно-образовательный жанр, рекламный видеоролик, креолизованный текст, рекламный текст, коммуникативная стратегия
Key words: genre, advertising-educational genre, promotional video, creolized text, advertising text, communication strategy

Во времена стремительного развития цифровых технологий онлайн-курсы стали основным направлением дистанционного обучения. Широкий выбор онлайн-курсов предоставляет учащимся различные возможности. Рекламные видеоролики (РВ) к онлайн-курсам помогают потенциальным слушателям понять содержание курса и области, которые он охватывает.

На платформе «Универсариум» размещены курсы 45 университетов, которые представляют собой формализованную систему получения знаний. Обучающиеся, записавшиеся на курс и сдавшие выпускной экзамен, получают сертификаты.

Рекламные видеоролики к онлайн-курсам в сфере образования представляют собой соединение образовательного и рекламного

дискурсов. Образовательный дискурс противопоставляется социальному институту образования, который, в свою очередь, характеризуется наличием иерархизированных профессионально статусных уровней и представляет собой формализованную систему освоения знаний, успешное освоение которых завершается выдачей какого-либо документа государственного образца [1]. Так, системы и сертификаты (документы) являются одной из характеристик образовательного дискурса.

Рекламный дискурс, в котором функционируют речевые жанры рекламы, невозможно отделить от медиа. Рекламные ролики передаются посредством электронного носителя информации, поэтому автор ролика и его адресат разделены во времени и пространстве. Это играет важную роль в описании речевого жанра РВ. Таким образом, рекламное дискурсивное сообщение является заранее подготовленным и однонаправленным. Несмотря на это, тексты рекламных роликов все же диалогичны, поскольку всегда подразумевают наличие потенциальной аудитории.

Субъектом речи в тексте РВ является преподаватель курса. Как специалист, он обладает определенным статусом, который использует в качестве аргумента для убеждения аудитории. *«Здравствуйте. Меня зовут Юрий Викторович Доманский. Я доктор филологических наук, профессор Российского государственного гуманитарного университета»* [2]. Автор всегда авторитетен перед аудиторией, его образ, личность и количество создателей курса и лекторов играют решающую роль и могут повлиять на аудиторию в выборе того или иного курса.

Поскольку адресант и адресат рекламного текста общаются дистанционно, адресант может только предполагать, кто будет просматривать рекламу курса, ориентируясь на цели, темы и его характеристики. Автор может ориентироваться только на РВ, который обычно описывает объект курса: *«На молодых людей в возрасте от 18 до 30 лет»; «Тем, кто начал зарабатывать свои денежные средства»* [2].

Субъектом речи в исследуемом тексте является преподаватель, а **объектом** – обучающийся, что соответствует определению адресант – адресат в образовательном дискурсе. К универсальной градации участников образовательного дискурса, идентичной с участниками педагогического дискурса, относятся отношения «учитель/преподаватель – ученик/студент» [3, с. 195].

Текст РВ можно рассматривать как «креолизованный текст», т.е. имеющий как вербальные (устная и письменная речь), так и невербальные компоненты (изображение, логотип и т.д.). Мы согласны с Э. А. Лазаревой в том, что в рекламе используются позитивные композиции между визуальными, вербальными и другими компонентами, чтобы отразить ценность и многозначность рекламы [4, с. 87]. Цель исследуемых текстов РВ – привлечь потенциальных обучающихся и побудить аудиторию к необходимым действиям (записаться на курсы). Таким образом, коммуникативная цель подобных текстов (привлечение потенциальных слушателей и побуждение аудитории к необходимым действиям) и их особенности (креолизованный текст) позволяют отнести их скорее к текстам рекламного дискурса, чем образовательного.

Рекламные видеоролики как речевой жанр призваны привлечь больше людей к просмотру курса, помочь им сделать выбор в пользу представленного курса. Для достижения этой коммуникативной цели в рекламном тексте используются коммуникативные стратегии. Среди коммуникативных стратегий для текстов данного типа наиболее распространенными являются следующие:

1. Стратегии, позволяющие возбудить любопытство адресата. *«В первом году он был убит, и одним из оснований его убийства было как раз то, что...»* [2]. В рекламе принято использовать незаконченные предложения, чтобы держать аудиторию в напряжении и пробудить ее любопытство. Однако такой подход может оказаться не самым удачным в рекламе, используемой в образовательной сфере, поскольку аудитория может не понять содержание курса.

2. Стратегии, позволяющие создать доверие у адресатов. Использование цитат, статистики или конкретных цифр может стать весомым аргументом [5, с. 167; 6, с. 11]: *«Считается, что в среднем за всю нашу жизнь мы видим 24 миллиона разных образов. Это удивительно много! Говорят, что именно благодаря зрению в наш мозг поступает от 70 до 90 процентов информации»* [2]. *«Например, при сан-францисском землетрясении 1906 года образование более чем двухсоткилометровой трещины продолжалось около минуты»* [2].

3. Стратегия юмора. Юмор помогает сделать речь запоминающейся и может быть представлен различными способами. Цель юмора также состоит в том, чтобы расположить к себе слушателей. Однако использование юмора – рискованный подход, и он может быть успешным только в том случае, если соответствует теме. Кроме того, при использовании юмора необходимо учитывать специфику межкультурного взаимодействия: *«Помните, как у Мюнхгаузена было: в восемь утра подъём, в девять утра разгон облаков, в 10:00 объявить войну Англии»* [2].

Подобные примеры способствуют тому, чтобы сделать курс более интересным и увлекательным для аудитории. Вместе с тем эти примеры не всегда могут быть поняты слушателями: так, например, представители иностранной аудитории могут не знать определенные культурные реалии, будь то музыкальные композиции или художественные произведения, кинофильмы и их персонажи. По этой причине следует относиться к использованию названного приема с некоторой долей осторожности, прежде всего ориентируясь на особенности целевой аудитории, а не на желание произвести эффект.

4. Стратегии речевого воплощения.

а) Стратегии сближения адресатов. Рекламные видеоролики обладают определенной структурой, каждая часть которой имеет конкретную цель и свою стратегию. В случае равного статуса участников образовательного процесса можно говорить о ценности равенства между партнерами, независимо от предмета информации [7, с. 133]. Эта стратегия используется в начале и в конце рекламного текста.

«Здравствуйте друзья!», «Привет!» [2]. «Это замечательно, это радость, хочу раньше этим с вами **поделиться**». Оратор называет слушателей «друзья», использует слово «поделиться», а не более формальное «научить». Сближение сторон, при котором участники имеют возможность с самого начала слушать и понимать друг друга, можно рассматривать как главное условие эффективности процесса обучения [7, с. 133].

б) Стратегии в использовании языковых средств. Чтобы наделить рекламный текст яркой эмоционально-экспрессивной окраской, оратор использует, например, метафоры: «съесть слона по кускам», «метод кнута и пряника» [2], эпитеты, сравнения: «В русских шахматах, словно капли воды, отразились многие фундаментальные черты русского народа, русского характера, русской, как нынче модно говорить, ментальности». Большое значение в языковом выражении имеют риторические приемы воздействия на аудиторию. Например, риторический вопрос: «А у вас есть кризис?» [2]. Неожиданное начало: «Эй, Борода, как проехать к Плюшкину?» – что это: метафора, метонимия, синекдоха?» [2].

Функция РВ к онлайн-курсам заключается в использовании эффективных коммуникативных стратегий для передачи информации, сближения с адресатом, завоевания его доверия, а в итоге – привлечения «потенциальных обучающихся» и их записи на курс.

Таким образом, цель, специфичность текста, способ распространения и коммуникативная стратегия определяют, что РВ к онлайн-курсам представляют собой сложные дискурсы. Синтез рекламного и образовательного дискурсов в РВ к онлайн-курсам оправдывает использование сочетания «рекламно-образовательный дискурс».

Список источников

1. Ушакова, О. П. Образовательный дискурс в межкультурном диалоге / О. П. Ушакова // Наука и современность. – 2010. – Вып. 5–3. – С. 68–73.

2. Платформа «Универсариум». – URL: <https://universarium.org/> (дата обращения: 01.02.2024).
3. Яковлева, В. В. Дискурс в образовательной деятельности (терминологический аспект) / В. В. Яковлева // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. – 2021. – Вып. 11 (853). – С. 191–203.
4. Лазарева, Э. А. Рекламный дискурс: стратегии и тактики / Э. А. Лазарева // Лингвистика. Бюллетень уральского лингвистического общества. – 2003. – Т. 9. – С. 82–121.
5. Терских, М. В. Типология стратегий коммуникативного воздействия в дискурсе социальной рекламы / М. В. Терских // Научный диалог. – 2020. – № 4. – С. 164–175.
6. Денисова, Н. В. Рекламные жанры научно-образовательного дискурса : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук / Наталья Владимировна Денисова. – Томск, 2008. – 26 с.
7. Чапля, Т. В. Коммуникативные стратегии в образовании / Т. В. Чапля // Сибирский педагогический журнал. – 2013. – № 1. – С. 132–137.

Раздел V. Русская языковая картина мира и её отражение в текстовой деятельности

УДК 811.161.1'42
ГРНТИ 16.21.55

Особенности представления концепта «Славянство» в поэтическом творчестве Ф. И. Тютчева

Features of the presentation of concepts “Slavs” in the poetic work of F. I. Tyutchev

Елена Владимировна Сергеева

Российский государственный педагогический университет
имени А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. Рассмотрены содержание и специфика репрезентации концепта «славянство» в поэзии Ф.И. Тютчева. Выделены вербализаторы концепта и определены его основные содержательные составляющие. Сделан вывод, что художественный, поэтический текст может основываться на нехудожественном концепте.

Ключевые слова: концепт, лингвоментальный конструкт, художественный концепт, идеологический концепт, художественная картина мира, ассоциативно-семантическое поле

Key words: concept, linguistic construct, artistic concept, ideological concept, artistic picture of the world, associative semantic field

Концептуальные исследования, сначала ставшие «модным» направлением в науке, а позже иногда вызывавшие некоторое раздражение вследствие неумеренного употребления и упрощенного толкования, в настоящее время стали неотъемлемой частью изучения языковых феноменов. К началу третьего десятилетия XXI в. концепт стал не только одним из основных понятий в когнитивной

лингвистике, но и «инструментом» анализа текста, в том числе художественного, способным представить специфику художественной картины мира (ХКМ) автора [1–3].

Концепт, с точки зрения автора статьи, может быть дефинирован как универсальное для данного языка вербализованное ментальное образование, языковой личностью осознаваемое как инвариантное значение ассоциативно-семантического поля (АСП) [4]. Художественный концепт (ХК) – также имеющий имя лингвоментальный конструкт, воплощающийся в составляющих ассоциативно-семантического поля, включающего прежде всего экспрессивные, семантически трансформированные и образные наименования (ПРОЗРАЧНОСТЬ в поэзии Вяч. Иванова, ПЕНИЕ в произведениях Д. Рубиной, ПРОШЕДШЕЕ в текстах И. Бунина). О различии художественного и «нехудожественного» концепта автор статьи писала ранее [4]. Оно состоит прежде всего в том, что вербализаторы этих разновидностей и их содержательные элементы либо обладают дополнительными эстетическими значениями, либо не имеют их.

Художественный концепт эксплицирован прежде всего экспрессивными единицами, имеющими сами по себе или приобретающими в поэтическом тексте образность и эмоциональность. В качестве центра образности поэтического текста эта разновидность концепта наиболее важна для передачи эстетических смыслов. Представляется, что, наряду с экспрессивной, этот термин можно считать также важнейшим инструментом выявления эстетических смыслов в художественном тексте (ХТ). Однако в ХТ могут репрезентироваться не только ХК. Не исключена возможность попытки автора воплотить в этом тексте также концепт идейно-художественный или просто нехудожественный – в том виде, как он существует в языковой картине мира или вербализуется самим автором. Идейно-художественный концепт – феномен сложный и неоднозначный, его содержание, экспрессивность и особенности

функционирования (а следовательно, и «степень художественности») зависят от языковой и художественной картины мира автора, а также от конкретного контекста, в котором подобный концепт репрезентирован. В последнем же случае концепт остается идейным и тематическим центром текста, но перестает быть его образной основой и художественным центром.

Примером художественного концепта в поэзии Ф. И. Тютчева может служить концепт ПРИРОДА. Примером концепта идейно-художественного – концепт БОГ.

Одним из интереснейших примеров представления идеологического, минимально ориентированного на эстетическое содержание концепта в поэтическом тексте, можно считать концепт СЛАВЯНСТВО в произведениях Ф. И. Тютчева. Имя концепта было определено поэтом в программном стихотворении «Славянам» (1867), само название которого чрезвычайно показательное, причем сама лексическая единица – имя концепта была употреблена в контексте в значении «качество славянина, принадлежность к славянству» (*И не считается Славянство за тяжкий первородный грех!*), а другой экспликант, Славянщина – в значении «совокупность славянских народов и стран» (*Привет вам задушевный, братья, Со всех Славянины концов*). Оба связанных с этими значениями содержательных элемента, «пространство существования славян» и «принадлежность к славянским народам», сразу заданы как важные для воплощения концепта.

Как совокупность этих смысловых составляющих концепт СЛАВЯНСТВО включает содержание, связанное с осмыслением понятий *братство, племя, народ*. Перечисленные лексемы употребляются в упомянутом программном стихотворении и могут быть определены как ядерные для АСП концепта. Показательны здесь также определения: *братья – родные, народ – единый, пир – семейный:*

*Привет вам задушевный, братья,
Со всех Славянины концов,
Привет наш всем вам, без изъятья!
Для всех семейный пир готов!*

К ядерной зоне концепта относятся лексемы *Славяница*, *славяне*, словосочетания *славянское самосознание*, *славянская семья*, *родная среда*, *опально-мировое племя*, употребленные в том же тексте и связанные со значением осознанной общности, родства:

*Славянское самосознание,
Как божья кара, их страшит!*

Весьма показательно то, что в АСП концепта почти не входит ни одной образной номинации или одного тропа. Одна из немногих образных номинаций – в первом тексте, в котором поэт обратился к собственным представлениям о славянстве как об определенной политической идее и о совокупности славянских народов, раннем стихотворении «Олегов щит», в котором само словосочетание, давшее название тексту, становится экспликантом концепта СЛАВЯНСТВО:

*Вдруг... из-за туч луна блеснула
– И над воротами Стамбула
Олегов озарила щит.*

Олегов щит, который поэт даже во тьме видит на воротах Стамбула (Цареграда), с одной стороны, нечто фантастическое, легендарное, сказочное, а с другой – символ силы и воинской доблести тех, кто якобы оставил этот щит на воротах побежденного города. *Олегов щит* – противопоставление христианского славянства исламу и иудаизму, ответ другим религиям и в то же время символ непобежденного славянского духа, тем не менее, оказывается аллегорическим, но не собственно образным языковым средством.

Ядерными для экспликации концепта становятся употребленные в еще одном программном тексте, стихотворении о польском восстании «Как дочь родную на закланье...», словосочетания *славян родные поколения* и *высшее сознание*, вводящие в структуру поля концепта эмоционально-экспрессивную содержательную составляющую. Слово *одноплеменный* и словосочетание «*братской стрелой*», актуализирующие содержательный компонент «брат-

ство, родство», тем не менее, не являются полноценной художественной метафорой. Еще один содержательный элемент, «*общая свобода*», несомненно, важный идеологический, но не эстетический компонент концепта, а фрагмент «*единомысленных, как рать*», включающий нехудожественное сравнение, содержит явное указание не только на сходство, но и на потенциальную готовность сражаться за славянское братство:

*Славян родные поколенья
Под знамя русское собрать
И весть на подвиг просвещенья
Единомысленных, как рать.*

Необходимо упомянуть все же, что в стихотворении «Чехам от московских славян» содержательный элемент «братство, родство» репрезентируется не только прилагательным *единокровный*, но и метафорическим словосочетанием *единения венец*.

Названный содержательный компонент репрезентирован также еще одним вербализатором с прилагательным *братский* – *наречий братских звуки* в программном тексте – «К Ганке», где содержательный элемент «братство, кровное родство» воплощается также номинацией *кровным* и словосочетанием *родная грудь*. В этом же произведении употреблено еще одно принципиально значимое для понимания содержания концепта СЛАВЯНСТВО словосочетание «*Славянская земля*», сходное по содержанию со словом Славянщина, пространственная семантика которого чрезвычайно важна для содержания концепта: Тютчев считает, что все территории, где живут *кровные*, пространство существования славян – это одно территориальное образование:

*Горы, степи и поморья
День чудесный облистал, –
От Невы до Черногорья,
От Карпатов за Урал...
Рассветает над Варшавой,
Киев очи отворил,
И с Москвой Золотоглавой
Вышеград заговорил...*

Наконец, в стихотворении «Два единства» вновь повторяется словосочетание, относящееся к ядерной зоне концепта и включающее базовое определение – *славянский: славянский мир*. Чрезвычайно значимо то, что славянский мир и есть одно из единств, на которые указывает название произведения. Не менее важным репрезентантом концепта можно считать лексику *любовь*, относящуюся к микрополю «братство», которое здесь представлено также экспликантом *братья*:

*Единство, – возвестил оракул наших дней, –
 Быть может спаяно железом лишь и кровью...»
 Но мы попробуем спаять его любовью, –
 А там увидим, что прочней...*

Для ЯКМ Ф. И. Тютчева чрезвычайно показательным употреблением лексики *любовь* в качестве вербализатора анализируемого концепта. Однако этот концепт, таким образом приобретающий экспрессивно-эмоциональное содержание, эстетического содержания от этого не получает.

Философско-идеологический концепт-универсалия СЛАВЯНСТВО репрезентируется также в таких стихах Тютчева, как «Великий день Кирилловой кончины...», «На юбилей князя Горчакова», «Они кричат, они грозятся», «Ужасный сон отяготел над нами», «Пророчество» (вербализаторы *славяне, правда божья, русский дух, всеславянский* и др.).

В целом особенно показательными можно считать употребление в качестве экспликантов концепта СЛАВЯНСТВО лексики и словосочетания, содержащие сему «кровное родство».

Таким образом, даже краткое рассмотрение лексического представления концепта СЛАВЯНСТВО позволяет утверждать, что:

- 1) его ядерные содержательные составляющие – «родство, братство» и «внешнее и внутреннее единство»;
- 2) наиболее важные вербализаторы концепта, помимо его имени, – *братство, братья, братский, семья, любовь, славяне, единения венец*;

3) подобный концепт может быть охарактеризован содержательно и формально как идеологический, политический, риторический, но не собственно художественный, поскольку он не включает в свою структуру эстетических смыслов;

4) анализ содержания концепта позволяет прийти к выводу, что художественный, поэтический текст может строиться на нехудожественном концепте;

5) стремление художника слова отразить в поэтическом тексте только идеологический смысл приводит отчасти к потере главного качества художественной речи – эстетичности языкового воплощения содержания.

Список источников

1. Бабушкин, А. П. Когнитивная лингвистика и семасиология / А. П. Бабушкин, И. А. Стернин. – Воронеж : Ритм, 2018. – 229 с.
2. Ревзина, О. Г. Размышления о когнитивной поэтике // Критика и семиотика. – 2019. – № 2. – URL: <https://www.philology.nsc.ru/journals/kis/content.php?vol=37> (дата обращения: 10.12.2023).
3. Бабенко, Л. Г. Когнитивные технологии в филологии: концептуальный анализ художественного текста / Л. Г. Бабенко, В. Г. Бабенко // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2019. – Вып. 4. – С. 135–140.
4. Сергеева, Е. В. Художественный концепт «прошедшее» в зарубежной прозе И. А. Бунина / Е. В. Сергеева // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. – 2022. – № 3. – С. 72–78.

УДК 811.161.1
ГРНТИ 16.21.33

Реализация модуса воспоминания в перцептивных высказываниях (на материале мемуаров И. Одоевцевой «На берегах Невы»)

The realization of the memory modus in perceptive statements (based on I. Odoevtseva's memoirs "On the banks of the Neve")

Се Шуан

Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия

Научный руководитель: д. ф. н., проф. кафедры русского языка
Т. А. Демешкина

Аннотация. На анализе материала мемуаров «На берегах Невы» Ирины Одоевцевой, содержащем 37 предложений с семантикой зрительного, слухового восприятия, а также воспоминания, рассматривается описание взаимосвязи между восприятием и воспоминанием. Проводится анализ реализации модусов восприятия и воспоминания в автобиографической прозе. Особое внимание уделяется глаголам зрительного, слухового восприятия и воспоминания.

Ключевые слова: воспоминание, слуховое восприятие, зрительное восприятие, автобиографическая проза, модус

Key words: memory, auditory perception, visual perception, autobiographical prose, modus

Основной чертой автобиографической прозы является воспроизведение и удержание в памяти уже пережитых событий. В «Словаре русского языка» термин «воспоминание» определяется как «то, что сохранилось в памяти, мысленное воспроизведение этого, возобновление представлений о ком, чем-л.» [1, с. 215]. Н. П. Перфильева подняла вопрос о возможности новой модусной категории «воспоминание». По ее мнению, содержание модуса воспоминания заключается в следующем: «...говорящий возвращает к прошлым событиям и маркирует внимание адресата на степени погрешности в точности воспроизведения информации, в ее адекватности происходившим в прошлом событиям, что связано со свойством памяти» [2, с. 25].

В автобиографической прозе через воспоминание автором воспроизводятся события давно прошедших лет, воспринимаемые посредством слуха, зрения, осязания и т.д. Можно сказать, что воспоминание осуществляется через обращение к перцептивному восприятию. З. А. Шаховская отмечает связь процессов памяти и восприятия: «...память восстанавливает кажущуюся реальность событий и лиц. Память нечто очень личное, субъективное. Она питается зрением и слухом того, кто видит и слышит не только слово, произнесенное другим, но и звучание этого слова» [3, с. 5].

Зрение и слух – важные инструменты восприятия окружающего мира человеком. В произведении «На берегах Невы» встречается большое количество слов, обозначающих слуховое и зрительное восприятие. Автор активно использует лексику восприятия для воссоздания литературной, музыкальной и художественной жизни страшного Петрограда. В современной лингвистике изучению восприятия и памяти уделяется все больше внимания. Однако исследований взаимодействия «воспоминания» и «восприятия» мало. Актуальность данной работы заключается в анализе специфики средств выражения модальных категорий «память» и «восприятие» и их участия в формировании текста.

Цель статьи – описание взаимосвязи между зрительным и слуховым восприятием и воспоминанием. Источником материала явилось произведение Ирины Одоевцевой «На берегах Невы», содержащее 37 высказываний с семантикой слухового и зрительного восприятия, которые включают лексические единицы, относящиеся к семантическому полю *память*.

Исследование проводится в несколько этапов:

- 1) выявление предложений с перцептивными значениями и теми, которые возникают в памяти;
- 2) их классификация в соответствии с взаимодействием (перцептивное либо возникающее в памяти);
- 3) анализ их взаимосвязи и модуса воспоминания.

В перцептивных высказываниях, извлечённых приемом сплошной выборки из произведения «На берегах Невы», модус воспоминания часто выражается с помощью глаголов «*помнить*», «*вспомнить*», «*запомнить*», «*забыть*». Рассмотрим контексты, которые наглядно показывают взаимосвязь между восприятием и воспоминанием.

1. Восприятие активизирует воспоминание: *«Я подышал на стекло и стал **смотреть** в оттаявшую дырку на серое небо, на белый снег и черные деревья. Как, **помните**, у Андерсена Кай в сказке “Снежная королева”»* [4, с. 215]. Наблюдается активация воспоминания при перцептивной стимуляции зимних пейзажей.

Автор в описываемом моменте связывает восприятие с предметами из воспоминания: *«Я **смотрю** на Белого. Кого он мне **напоминает**? И вдруг **вспоминаю** – профессора Тинтэ из сказки Гофмана “Золотой горшок”»* [4, с. 87]. Зрительное восприятие вызывает в сознании автора воспоминание о другом персонаже произведения.

*«Я **смотрю** в лицо Ахматовой и вдруг **вспоминаю**, что Гумилёв иногда, в минуты нежности, называл ее “маленький зуб” – один из ее верхних зубов неправильно посажен и короче других, и это трогало и умиляло его, по его словам, “почти до слез”. Мне хочется **увидеть** этот маленький зуб»* [4, с. 312]. Это предложение описывает, как зрительное восприятие портрета Ахматовой вызывает воспоминания о ее отношениях с Гумилёвым, а также вводит описание портрета через воспоминание, показывая глубоко личные отношения Ахматовой и Гумилёва со стороны. Кроме того, оно обозначило интерес автора к уникальным физическим особенностям Ахматовой.

*«**Взглянув** на часы, я вдруг **вспомнила**, что он уже давно ждет и, не отвечая на вопрос Гумилёва, торопливо попрощалась с ним»* [4, с. 281]. Акт зрительного восприятия часов является ключом к активации воспоминания. Это также показывает, что результат воспоминания влияет на поведение людей.

Звук пробуждает воспоминания: *«Белый говорит, говорит, говорит, затопляя все вокруг всплесками звуков и слов. Сколько слов в секунду – и ни одно слово не пропадает даром. Я слушаю. Я вспоминаю его недавно слышанную мною лекцию о мифологии звуков»* [4, с. 224]. Звук вызывает воспоминание о другом речевом событии, автором которого был тот же человек.

Сочетание слухового и зрительного восприятия стимулирует воспоминания: *«Мне становится страшно. Слишком тихо, слишком темно здесь, в этой церкви. От одиноко мерцающих маленьких огоньков перед иконами все кажется таинственным и враждебным. Я почему-то вспоминаю Хому Брута из “Вия”»* [4, с. 107]. В этом предложении представлен целый комплекс высказываний. Следует отметить частотность ассоциаций со сказками. Подобные ассоциации, на наш взгляд, передают эмоциональное состояние автора.

2. Восприятие способствует формированию воспоминания: *«Я видел, что Саша смущен не меньше меня. Но он владел собой. Она же, совершенно спокойно и непринужденно смотрясь в зеркало, поправляла светлые волосы под большой шляпой со страусовыми перьями. Я запомнил ее палевые перчатки. Молодая светская дама, приехавшая с визитом»* [4, с. 226]. В данном случае автор использует детали одежды, вызывающие ассоциацию со светской дамой.

«Помню, как он произнес, великолепно скандируя, каждое слово падало звонко: Valmiki le poète immortel est très vieux...» [4, с. 38]. Уровень голоса влияет на то, как информация воспринимается, и воспоминание сохраняется.

Воспоминание является результатом слухового восприятия: *«Да, я умела слушать. Не только слушать, но и переживать вместе с ним его воспоминания. И запоминать их навсегда»* [4, с. 58]. Автор хочет не только слышать, но и чувствовать и запоминать. Подчеркивается, что автор ценит сохранение воспоминаний и переживание эмоций и чувств окружающих его людей, что является

побочным отражением авторского начала, перекликающимся с содержанием этой книги, основной целью написания которой было зафиксировать людей и события, происходившие вокруг него.

3. Неудачное пробуждение воспоминания через восприятие: *«Я, должно быть, **видела** ее в то солнечное августовское утро, но я **не запомнила** ее, как не запомнила почти никого из провожавших Блока на Смоленское кладбище»* [4, с. 306]. Воспоминание избирательно. Например, в этом предложении смерть Блока вызывает у автора чрезмерный стресс и горе, что нарушает процесс запоминания. В такие моменты не запоминаются люди, а только само событие.

4. Восприятие вызывает утрату того, что ранее сохранилось в воспоминании: *«Но по дороге, тут же рядом, на рынке бородастый мужик продавал шоколад Эйнем “Золотой ярлык”, любимый шоколад Мандельштама. **Увидев** шоколад, Мандельштам **забыл** про гоголь-моголь. Ему “до зареза” захотелось шоколаду»* [4, с. 131]. Этот пример иллюстрирует, как восприятие объекта вызывает эмоциональную реакцию («до зареза» захотеть), а также изменения в памяти (забыть гоголь-моголь) и желаний (шоколад).

*«Голос Мандельштама течет, как эта “золотистого меда струя”, и вот уже я, **забыв**, что я “навсегда опозорена”, вся превращаюсь в слух, и мое сердце вслед за орфической мелодией его стихов то взлетает ласточкой, то кубарем катится вниз»* [4, с.126]. Метафора «золотистого меда струя» указывает на необычный характер голоса. Метафоры «влетает ласточкой» и «кубарем» усиливают визуализацию события и описывают, как голос Мандельштама влияет на внутреннее состояние и эмоции автора. Подчеркивается факт необычного звучания голоса через обращение к метафорам.

5. Воспоминание влияет на восприятие: *«Как он любил **вспоминать** свое детство! У него теплел **голос**, и менялось выражение лица, когда он произносил: Я был болезненный, но до чего счастливый ребенок...»* [4, с. 53]. Приятные воспоминания могут изменить голос и эмоциональное состояние человека.

6. Воспоминание воспроизводит картинку восприятия: *«Разве это была я? И все-таки у меня и сейчас сжимается сердце, когда я вспоминаю, как в тот снежный вечер возвращалась домой. Я не **помню**, как вышла из класса, спустилась по лестнице, прошла через сад и очутилась на улице. Я **помню** только мрачные сумерки, снег и злое карканье ворон на углу Бассейной и Греческого»* [4, с. 26]. Этот пример передает сложную взаимосвязь между воспоминанием, восприятием и эмоциями. Воспоминание о возвращении домой эмоционально тревожит автора, который пытается воспроизвести его через перцептивные детали (мрачные сумерки, снег и карканье ворон), но терпит неудачу.

Кроме глаголов, для выражения модуса воспоминания в перцептивных предложениях используются и другие словосочетания: «по памяти», «звенеть в памяти», «представить себе»: *«Я вдруг слышу, явственно слышу свой собственный голос, произносящий нараспев эти звенящие в моей памяти строки. О, Господи! Как я могла так забыть? Что подумает Белый? Я в страхе оглядываюсь на него»* [4, с. 228]. *«Но стоит мне закрыть глаза и представить себе Гумилёва, Блока, Мандельштама, и я сейчас же вижу их лица, окруженные сияньем, как лики святых на иконах»* [4, с. 13]. Память не всегда является надежным источником информации: *«Я не могу утверждать, что это четверостишие действительно принадлежит Блоку. Мне нигде не приходилось его читать. Я слышала его только раз в тот осенний вечер и цитирую его по памяти»* [4, с. 183].

Ирина Одоевцева использует уникальное сочетание языковых средств, чтобы изобразить память и восприятие. Глаголы восприятия (смотреть, увидеть, взглянуть, мерцать, видеть, слушать, слышать, оглядываться) связаны с цветовыми прилагательными (палевый), существительными восприятия (голос, сумерки, карканье) и наречиями (тихо, темно, звонко). Все это сочетается с глаголами воспоминания (помнить, вспомнить, запомнить, забыть) и словосочетаниями (звенеть в памяти, представить себе, по памяти).

Подведем итоги:

1. Модус воспоминания позволяет нам ощутить то, что автор и другие герои видят и слышат. Воспоминание взаимодействует со зрительным и слуховым восприятием. Восприятие участвует в приобретении и формировании воспоминания, а воспоминание выступает в качестве катализатора для активации восприятия. Кроме того, воспоминание также тесно связано с психологическим, эмоциональным состоянием, влияющим на воспоминание.

2. Предикаты доминируют как модус воспоминания и являются центральным средством их выражения. Они связывают воспоминание и восприятие главных героев. Использование перцептивных прилагательных и наречий играет ключевую роль в создании атмосферы, во включении перцептивных деталей и способствует более глубокому запоминанию.

3. Перцептивные процессы являются важной частью семантики предложения, передавая истинное содержание воспоминания, в то время как воспоминание имеет неточности. В автобиографической прозе сопоставление двух элементов «восприятие» и «воспоминание» и установление связи между ними раскрывают мысли и личность говорящего. Читатель узнает о событиях прошлого, а воспоминания становятся более яркими.

Список источников

1. Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. – Москва : Полиграфресурсы, 1999. – Т. 1: А–Й. – URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp> (дата обращения: 31.01.2024).
2. Перфильева, Н. П. Модус воспоминания : между истиной и ложью (на материале мемуарной литературы) / Н. П. Перфильева // Дискурс лжи и ложь как дискурс. – Новосибирск, 2013. – С. 24–33.
3. Шаховская, З. А. Отражения / З. А. Шаховская. – Париж : Ymca-press, 1975. – 278 с.
4. Одоевцева, И. В. На берегах Невы / И. В. Одоевцева. – Москва : Художественная литература, 1988. – 333 с.

Раздел VI. Проблемы обучения текстовой деятельности и русской речевой культуре

УДК 811.161.1'37
ГРНТИ 16.21.55

Идиостиль языковой личности как отражение её функциональной грамотности в текстовой деятельности

Idiostyle of a language personality as a reflection of its functional literacy in text activity

Нина Сергеевна Болотнова

Томский государственный педагогический университет, Томск, Россия

Аннотация. Рассматривается взаимосвязь понятий «идиостиль», «функциональная грамотность», «текстовая деятельность». Установлено, что при комплексном рассмотрении идиостиля языковой личности, проявляющей себя в текстовой деятельности, реализуется функциональная грамотность человека, включая его жизненный опыт, знания, умения и навыки в области текстообразования и интерпретации текста как формы коммуникации и единицы культуры. При этом реализуются коммуникативный, когнитивный и культурно-речевой стили языковой личности, отражающие её вербально-семантический, тезаурусный (когнитивный) и мотивационный уровни, выделенные Ю. Н. Карауловым.

Ключевые слова: идиостиль, языковая личность, функциональная грамотность, текстовая деятельность

Key words: idiostyle, linguistic personality, functional literacy, textual activity

В связи с антропоцентризмом современного гуманитарного знания и выдвиганием в центр исследовательского внимания языковой личности (см. концепции Ю. Н. Караулова [1], Е. В. Ивановой [2], В. И. Карасика [3] и др.) особого внимания требует разработка проблемы идиостиля личности, связанного с многообразием её проявлений в процессе жизнедеятельности. Французский ученый Жорж-Луи Леклерк де Бюффон выразил это известной

крылатой фразой: «Стиль – это сам человек», имея в виду не только речевую деятельность человека, но и его экстралингвистические проявления.

Понятие «идиостиль» языковой личности приобрело особую актуальность в связи с развитием лингвоперсонологии, теории речевой коммуникации, когнитивной лингвистики, коммуникативной стилистики текста и других актуальных областей знания в рамках антропоцентрического, текстоцентрического, психолингвистического, лингвокультурологического, когнитивного и других направлений современной русистики. Проблема идиостиля актуальна и для педагогики и методики обучения в связи с личностно ориентированным подходом в сфере языкового образования.

Наряду с традиционным рассмотрением понятия «идиостиль» в стилистике художественной литературы в работах В. В. Виноградова, Г. О. Винокура, Б. А. Ларина и других учёных, имеется опыт описания данного феномена в литературоведении. При этом рассматривалась специфика творческого метода автора, литературного направления, композиции текста, проблематики в трудах М. М. Бахтина, М. Л. Гаспарова, Д. Н. Лихачёва, Ю. М. Лотмана и многих других. В литературоведческой поэтике и литературоведческой стилистике (работы Ю. М. Лотмана, Т. И. Сильман, Б. Н. Успенского и др.) идиостиль отдельных авторов специально не рассматривался.

Очевидны разные акценты в анализе идиостиля с учетом специфики каждой области знания. В лингвистическом аспекте определенный вклад в изучение идиостиля авторов внесли ученые в рамках лингвистической поэтики (труды В. П. Григорьева, А. Д. Григорьевой, Н. А. Кожевниковой и др.) и стилистики художественной литературы. При этом в течение долгого времени идиостиль рассматривался только в аспекте употребления автором различных изобразительно-выразительных средств и приемов, особых способов повествования, характерных для писателя.

Новый импульс в изучении идиостиля в 1980–1990-е гг. связан с выделением *стилистики текста* как особого научного направления, включая *стилистику декодирования* (работы М. Риффатера, И. В. Арнольд и ее научной школы) и *структурную стилистику* с ее особым акцентом на композиционно-стилистических особенностях текста (труды В. В. Одинцова, Л. Г. Кайда). Особую роль сыграло и интенсивное развитие *функциональной стилистики* под руководством М. Н. Кожиной, начиная с 1960-х гг. и позже (труды Е. А. Баженовой, М. П. Котюровой, В. А. Салимовского, Л. Р. Дускаевой, Н. В. Данилевской и др.). Для функциональной стилистики было характерно особое внимание к узуальным стилистическим закономерностям текстовой организации и реализации различных текстовых категорий в разных сферах общения. В работах последних лет в рамках этого направления усилилось внимание к индивидуальному стилю ученых [4].

В *коммуникативной стилистике текста*, опирающейся на идеи функциональной стилистики, функциональной лексикологии, лингвистической прагматики, психолингвистики, филологической герменевтики, идиостиль языковой личности стал одним из ключевых объектов внимания, начиная с конца 1990-х гг. Появление данного направления было стимулировано поступательным развитием лингвистики и новой парадигмой лингвистического знания, называемой разными учеными *социальной, коммуникативной, функционально-прагматической, антропоцентрической*, а в последние годы *когнитивно-дискурсивной*. Так или иначе, очевидный антропоцентризм и текстоцентризм современной научной парадигмы стимулировали и внимание к идиостилю языковой личности. При этом идиостиль в коммуникативной стилистике рассматривается комплексно, во всей его сложности и многоаспектности, учитывая разные уровни модели языковой личности, проявляющей себя в коммуникации. Это нашло отражение в изучении не только структуры, семантики и прагматики текста и его единиц,

но и в том, как благодаря этому организуется диалог автора и адресата на основе текста.

Коммуникативно-деятельностный подход к тексту в рамках коммуникативной стилистики определил основные аспекты в изучении идиостиля автора, «стоящего» за текстом, на основе теорий регулятивности, текстовых ассоциаций и смыслового развертывания текста [5, 6]. Каждое из данных направлений, нацеленных на изучение закономерностей эффективной коммуникации автора и адресата, предполагает опору на имеющийся у них речевой и социальный опыт, способность к ассоциативной речемыслительной деятельности, наличие необходимых для жизни знаний о мире.

Создавая текст как культурный феномен и форму коммуникации с адресатом, автор в полной мере реализует себя как языковая личность, проявляя свой культурно-речевой, коммуникативный и когнитивный стили [7, 8], свою *функциональную грамотность* на уровне *текстовой деятельности*. Под текстовой деятельностью понимается «система действий на основе знаний, навыков и умений, позволяющих создавать тексты и воспринимать, интерпретировать их» [6, с. 237]. Идиостиль языковых личностей автора и адресата текста проявляется в их умении осуществлять первичную и вторичную текстовую деятельность, в идеале достигая понимания, гармонизации общения в разных сферах жизнедеятельности. Условием этого является наличие текстовой компетенции и связанной с этим функциональной грамотности у автора и адресата в их диалоге на основе текста.

Актуальное для гуманитарной области знания, особенно для педагогики и методики, понятие *функциональная грамотность* связывается учеными со способностью человека полноценно жить в обществе, эффективно функционировать в разных сферах общения и жизненных ситуациях, оперативно реагируя на меняющиеся условия в окружающем мире, с готовностью к самосовершенствованию и саморегуляции (см. достаточно полный обзор разных точек зрения о данном понятии в работе А. А. Ковцун и А. Н. Кохичко [9]).

Одной из форм выражения уровня сформированной функциональной грамотности у языковой личности является ее способность участвовать в коммуникации в силу социальной сущности человека, который не может жить, не общаясь, не участвуя в текстовой деятельности. Её успешность зависит от сформированности текстовой компетенции и представления языковой личности о *текстовой норме*.

Текстовая компетенция как вид коммуникативной компетенции и высшая форма её проявления имеет сложную структуру. Согласно нашей концепции, она включает: «1) знание языковых ресурсов, умение их отбирать и оценивать в процессе текстовой деятельности; 2) знание о сферах общения, ситуациях, условиях общения и умение учитывать это при текстообразовании и восприятии текста; 3) знание об адресате и умение учитывать фактор адресата в процессе текстовой деятельности; 4) знание действительности, умение отражать ее в слове при текстообразовании и понимать на основе интерпретационной деятельности; 5) умение проявлять свой взгляд на мир, свою творческую индивидуальность в выборе жизненного материала и его отражении в слове; осознание индивидуального авторского стиля» [6, с. 251–252].

В. И. Карасик определяет языковую личность широко: это «обобщенный образ носителя культурно-языковых и коммуникативно-деятельностных ценностей, знаний, установок и поведенческих реакций» [3, с. 89]. Такой подход отвечает представлению о её многообразных проявлениях. Функциональная грамотность языковой личности как культурный, социальный, коммуникативный феномен в силу многообразия видов и форм коммуникации, каналов связи, речевых ситуаций, наличия разных типов адресатов и других факторов предполагает развитие, совершенствование в течение всей жизни человека, чтобы быть адекватным меняющимся условиям в окружающем мире. При этом необходимо иметь четкое представление о коммуникативных и текстовых нор-

мах, но не терять свою творческую индивидуальность, так как каждый человек интересен своей неповторимостью, своим индивидуальным стилем, который отражает общую культуру личности, ее тезаурус, ценностную картину мира, тип мышления и мотивы.

Под *текстовой нормой*, на которую важно ориентировать личность в сфере обучения и развития текстовой компетенции как компонента функциональной грамотности языковой личности, нами понимаются: «1) исторически сложившиеся, принятые в обществе относительно устойчивые правила текстовой деятельности, на основе которых создаются эталонные для определенной сферы общения тексты; 2) система коммуникативно-прагматических, жанрово-стилистических, композиционно-речевых и других норм, соответствующая определенному типу текста, отражающая его многоплановость, коммуникативную сущность, лингвистическую природу и экстралингвистическую ориентацию; 3) гармоничная организация всех элементов структуры текста в соответствии с авторским замыслом и ориентацией на адресата» [10, с. 699]. При этом очевидно, что для текстовой нормы характерны *относительная устойчивость*, создающая условия для взаимопонимания автора и адресата в разных условиях их коммуникации, и *вариативность*, позволяющая совершенствовать общение автора и адресата на основе текста. В этом и проявляется функциональная грамотность участников коммуникации. Текстовая норма, таким образом, имеет объективный и субъективный характер, так как для эффективной текстовой деятельности должна быть как ориентация на культуру общения, языковые нормы, законы стиля и жанра, так и творческую индивидуальность автора текста, его идиостиль.

Таким образом, *текстовая деятельность*, первичная и вторичная, отражает *идиостиль* языковой личности, включающий *культурно-речевой, коммуникативный и когнитивный стили*. Данные стили, характерные для человека, комплексно отражающие его культурную и социальную сущность, служат разными формами

проявления его *функциональной грамотности*. Уровень её сформированности в текстовой деятельности демонстрируют такие показатели, как: 1) общая и речевая культура личности, ее знания о мире, ценностные предпочтения, мотивы, а также 2) умение общаться в разных сферах коммуникации, речевых жанрах, в разных условиях коммуникации, с разными адресатами; 3) тип и способ мышления человека, его аналитические способности, ориентация в текстовой деятельности на предметно-практический опыт или теорию и логику, или образное восприятие мира – все то, что отражает уровень когнитивной деятельности личности в процессе ее жизнедеятельности.

Функциональная грамотность языковой личности, имеющая сложную структуру и междисциплинарный характер, является, таким образом, многоаспектным культурным, социальным, коммуникативным и когнитивным феноменом, который нельзя рассматривать вне его соотнесенности с *текстовой деятельностью человека* и его культурно-речевым, коммуникативным и когнитивным стилями. Последнее особенно важно в сфере языкового образования, требующего сформированности универсальных когнитивных качеств, включая способность к анализу, сравнению, синтезу и обобщению [11]. Обучение текстовой деятельности языковой личности и связанная с этим многоаспектная работа с текстом на начальной ступени должна быть ориентирована на формирование этих качеств как основы для последующего овладения обучающимися коммуникативными и текстовыми нормами и выражения себя, своего идиостиля. Опора на индивидуальность обучающихся и ориентация на их стартовые позиции в обучении текстовой деятельности являются необходимым условием успешности формирования их функциональной грамотности.

Подведем итоги. Под *функциональной грамотностью* в аспекте текстовой деятельности понимается актуальная для жизни индивида в социуме способность ЯЛ эффективно осуществлять комму-

никацию на основе имеющихся знаний, умений и навыков по текстообразованию и интерпретации текстов с учетом канала, условий и обстоятельств общения, сферы и фактора адресата. Функциональная грамотность имеет культурно, исторически и социально обусловленные индивидуально-авторские проявления, комплексно отражающие идиостиль языковой личности, включая ее коммуникативно-речевые особенности, когнитивные проявления, ценностную картину мира и сферу мотивации.

Жизненная необходимость иметь функциональную грамотность, чтобы успешно существовать в обществе, стимулирует языковую личность к формированию и развитию целого комплекса различных компетенций (коммуникативной, языковой, текстовой, культурологической и др.). Из них особенно важна *текстовая компетенция* в силу социальной природы человека и значимости коммуникации для него. В сфере обучения текстовой деятельности в связи с этим особенно важно понятие *текстовой нормы*, фокусирующей комплекс ключевых понятий, актуальных для организации разных видов работы с текстом.

Список источников

1. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность. – Москва : Наука, 1987. – 140 с.
2. Иванцова, Е. В. О термине «языковая личность»: истоки, проблемы, перспективы использования / Е. В. Иванцова // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2010. – № 4 (12). – С. 24–32.
3. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – Москва : Гнозис, 2004. – 389 с.
4. Котюрова, М. П. Идиостилика научной речи: Наши представления о речевой индивидуальности ученого : монография / М. П. Котюрова, Л. С. Тихомирова, Н. В. Соловьева. – Пермь, 2011. – 394 с.
5. Болотнова, Н. С. Коммуникативная стилистика художественного текста / Н. С. Болотнова // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. – Москва : Флинта, 2003. – С. 157–162.
6. Болотнова, Н. С. Коммуникативная стилистика текста. Словарь-гезаурус / Н. С. Болотнова. – Томск : Изд-во ТГПУ, 2008. – 384 с.

7. Болотнова, Н. С. Когнитивный стиль языковой личности в структуре модели идиостиля: к постановке проблемы / Н. С. Болотнова, А. В. Болотнов // Сибирский филологический журнал. – 2012. – № 4. – С. 187–193.
8. Болотнов, А. В. Текстовая деятельность как отражение коммуникативного и когнитивного стилей информационно-медийной языковой личности : монография / А. В. Болотнов. – Томск : Изд-во Томского ЦНТИ, 20015. – 274 с.
9. Ковцун, А. А. Научные подходы к понятию «функциональная грамотность» в педагогической теории и практике / А. А. Ковцун, А. Н. Кохичко // Наука и школа. – 2022. – № 6. – С. 99–109.
10. Болотнова, Н. С. Текстовая норма / Н. С. Болотнова // Эффективное речевое общение (базовые компетенции) : словарь-справочник / под ред. А. П. Сквородникова. – Красноярск : Изд-во Сибирского федерального университета, 2012. – С. 699–700.
11. Ходякова, Л. А. Методика овладения аналитико-синтетическими умениями в контексте культуры на уроках русского языка и во внеурочной деятельности / Л. А. Ходякова. – Москва : МПГУ, 2020. – 214 с.

Проблема понимания и интерпретации текста в аспекте функциональной грамотности обучающихся

The problem of understanding and interpreting the text in the aspect of functional literacy of students

Ольга Леонидовна Кабанина

Томский государственный педагогический университет, Томск, Россия

Аннотация. Рассматривается проблема понимания и интерпретации текста в аспекте функциональной грамотности обучающихся. Актуальность исследования обусловлена приоритетами развития современного образования, необходимостью повышения общей культуры личности, которая включает в себя культуру чтения. В качестве ключевых рассматриваются понятия «языковая личность» и «текст». Приводятся примеры препятствий, которые могут возникнуть у обучающихся в процессе понимания глубинного смысла текста, намечаются перспективы развития понятия функциональной читательской грамотности.

Ключевые слова: функциональная грамотность, читательская грамотность, текст, текстовая деятельность, языковая личность, понимание, интерпретация, смысл

Key words: functional literacy, reading literacy, text, textual activity, linguistic personality, understanding, interpretation, meaning

Источник финансирования: работа выполнена в рамках государственного задания Министерства просвещения Российской Федерации, номер проекта: QZOY-2024-0011, тема «Формирование интегративной и предметной функциональной грамотности в области филологии, истории, права».

Мое слово останется в продолжающемся диалоге,
где оно будет услышано, отвечено, переосмыслено.

М. М. Бахтин

Одним из приоритетных направлений в развитии современного образования является формирование функциональной грамотности обучающихся.

В качестве базового определения функциональной грамотности, согласно исследованию А. А. Ковцун и А. Н. Кохичко, большинство специалистов выделяют формулировки, предложенные

А. А. Леонтьевым и Н. Ф. Виноградовой. *Функционально грамотная личность*, с точки зрения А. А. Леонтьева, – это «личность, которая способна использовать все постоянно приобретаемые в течение жизни знания, умения и навыки для решения максимально широкого диапазона жизненных задач в различных сферах человеческой деятельности, общения и социальных отношений» [1, с. 99–104].

Внимание к понятию функциональной грамотности обусловлено условиями непрестанно изменяющегося мира, развитием новых технологий, появлением возможности множественной коммуникации, ежедневным взаимодействием человека с большим объемом информации, необходимостью повышения общей культуры личности, которая включает в себя культуру чтения. Е. В. Белина отмечает, что «чтение, как базовый компонент воспитания, образования и развития культуры человека и общества, является деятельностью, формирующей и развивающей личность. В современном обществе уровень культуры чтения может служить свидетельством сформированной не только коммуникативной и профессиональной компетенции любого специалиста, но и одним из важных показателей его личностного развития» [2, с. 61].

Читательская грамотность является одним из ключевых компонентов функциональной грамотности и определяется как «способность личности к чтению и пониманию письменных текстов и учебных материалов, направленная на формирование умения извлекать необходимую информацию из прочитанного, а также размышлять над предложенной тематикой» [3, с. 58].

Исследователи сходятся во мнении, что читательскую грамотность необходимо формировать на всех предметах в школе и дисциплинах в вузе. Но все же основная роль в формировании навыков работы с текстом, особенно художественным, отводится филологическим дисциплинам.

С точки зрения лингвистики ключевыми в рамках формирования и исследования функциональной читательской грамотности оказываются понятия *языковая личность* и *текст*.

В концепции Ю. Н. Караулова *языковая личность* определяется как «совокупность способностей и характеристик человека, обусловливающих создание и восприятие им речевых произведений (текстов), которые различаются степенью структурно-языковой сложности, глубиной и сложностью отражения действительности, определенной целевой направленностью» [4, с. 3].

Текст в аспекте коммуникативно-деятельностного подхода рассматривается как форма коммуникации, «как речевое произведение, имеющее концепт (идею); коммуникативную ориентацию на адресата в рамках определенной сферы общения; обладающее информативной и прагматической сущностью (способностью нести информацию и воздействовать на адресата)» [5, с. 20].

Следует отметить, что последние десятилетия особая роль в обучении русскому языку отводится текстоцентрическому принципу, предполагающему, что главной единицей обучения становится текст [6, с. 32]. Задачей в этом случае является обучение *текстовой деятельности*, «которая включает в себя действия по порождению и интерпретации текста, определяет структуру коммуникативно-познавательного процесса, а значит, и знакового общения как компонента механизма социального взаимодействия» [6, с. 32].

«Под *текстовой деятельностью* понимается система действий на основе знаний, навыков и умений, позволяющих создавать тексты и воспринимать, интерпретировать их» [7, с. 6–7]. На умении понимать и интерпретировать текст обучающимися функциональная читательская грамотность акцентирует особое внимание.

Интерпретацию текста «не следует понимать только как истолкование, раскрытие содержания речевого произведения, поскольку интерпретация есть способ взаимосогласования формы текста с его содержанием» [8, с. 213]. Взаимосогласование иначе можно обозначить как «установление и поддержание гармонии» [8, с. 211], гармонии не только между формой текста с его содержанием, но между содержанием и смыслом.

Опираясь на данное высказывание, предположим, что если за цель интерпретации взять достижение взаимосогласования формы с содержанием, гармонии содержания со смыслом текста, то отправная точка (текст) должна иметь в себе «рассогласованность» разной степени сложности, иначе говоря – препятствия, усложняющие поиск смысла текста и его интерпретацию.

Какие препятствия могут возникнуть перед читателем (интерпретатором) в процессе понимания текста (высказывания)? Приведем несколько примеров из опыта работы с художественным текстом.

Первым препятствием на пути к взаимосогласованию всех элементов в восприятии текста может стать незнание значений слов или недостаточность знаний о предмете: незнание культурного контекста эпохи, исторического, биографического контекста, отсутствие представлений о том или ином явлении из ряда наук, в том числе философии, незнание традиций той или иной страны, мифологии, символов, ключевых концептов, основ религии. Сюда же отнесем наличие в тексте устаревших слов, заимствований, что усложняет понимание смысла текста и его интерпретацию без глубокого погружения в анализ произведения.

Отсутствие знаний у обучающихся компенсируется навыком поиска информации, умением пользоваться словарями, находить информацию в книгах.

Например, в стихотворении О. Мандельштама «Декабрист» отмечается наличие важных для понимания и раскрытия идеи произведения параллелей: Россия (начала XIX, начала XX) – Германия – Античность [9, с. 45]. Каждая эпоха связана с характерными для нее образами, символами и историческими реалиями. Так, античная эпоха представлена в стихотворении лексемами «*квадрига*», «*Лета*». С Германией в стихотворении связан образ *Лорелеи* – рейнской феи из немецких сказаний; символ *германских дубов* раскрывается как историческая реалья (Императорский дуб), как культурный концепт мировоззрения народа, в котором дуб трактуется как «немецкое дерево», «олицетворение мощи и постоянства»

[9, с. 45]. В образах Леты, Лорелеи и России отражены размышления автора о скрещении судеб разных цивилизаций, о влиянии чужих идей, которые могут увлечь Россию за собой по губительному пути в реку забвения, и т.д. [9, с. 45].

Еще одним препятствием в процессе интерпретации может стать встреча читателя с индивидуально-авторскими особенностями моделирования смыслов. Например, лексические единицы в текстовых парадигмах могут находиться в отношениях опосредованных ассоциативных связей. Так, для понимания следующих строк: *«Вот и нет никакого арбуза. / Тихо с базара вернулось мое ухо»* (Л. Пирогов *«Вот и нет никакого арбуза»*) необходимо обратиться к значениям лексем *«базар»* и *«ухо»*, а затем к ассоциациям, связанным с данными понятиями. Слово-стимул *«базар»* вызывает следующие ассоциации: *рынок, большой, вокзал, народ, разговор* и пр. [10]. *«Ухо»* ассоциируется у информантов с понятиями *слух, нос, серьга, голова, ЛОР* и т.д. [11]. Опираясь на контекст стихотворения, выделим связанные друг с другом ассоциации: *«разговор»* (ассоциация на слово *«базар»*) и *«слух»* (ассоциация на слово *«ухо»*). Таким образом, выстраивается опосредованная ассоциативная связь между лексемами, что позволяет интерпретировать строки стихотворения так: *«Лирический герой ходил на базар, чтобы купить арбуз, но не купил. Причиной его возвращения домой без покупки стал разговор, который он услышал на базаре. Разговор его расстроил так сильно, что лирический герой вернулся домой, думая только об услышанном и забыв об арбузе»*.

Также препятствием к пониманию смысла текста может стать наличие в нем сложных структур. Например, в стихотворении Цветаевой *«Ох, грибок ты мой, грибочек...»* (1920): *«И справа и слева / Кровавые зевы, / И каждая рана: / – Мама! / ... Где свой, где чужой? / Белый был – красным стал: / Кровь обогрела. / Красным был – белый стал: / Смерть побелила. / ... И справа и слева / И сзади и прямо / И красный и белый: / – Мама!»* наблюдается

структура, состоящая из семи пар антонимических текстовых парадигм. К ним относятся парадигмы: «справа» – «слева», «свой» – «чужой», «белый» – «красный», «был» – «стал», «кровь» – «смерть», «обагрила» – «побелила», «сзади» – «прямо», из них некоторые повторяются несколько раз.

Интерпретация того или иного текста осложняется еще и тем, что «текст (как и высказывание) порождает неединственную (множественную интерпретацию)» [12, с. 63].

В качестве примера множественной интерпретации рассмотрим версии поклонников творчества группы «Кино» о смысле песни, написанной В. Цоем (1982 г.) под названием «Алюминиевые огурцы». Мнения собраны путем анализа страниц сети Интернет, посвященных творчеству Виктора Цоя и группы «Кино». Основные споры происходят вокруг значения ключевой фразы текста «алюминиевые огурцы». Так, одни интерпретаторы считают, что огурцы – это бомбы, и песня «Алюминиевые огурцы» посвящена теме Афганской войны. Другие придерживаются мнения о том, что в песне речь идет о рокерских заклепках на куртке музыканта: «кнопки, скрепки, клепки». Третьи считают, что В. Цой размышляет в песне о бессмысленности физического труда, что также находит подтверждение в тексте: «Три чукотских мудреца / Твердят, твердят мне без конца, / Металл не принесет плода. / Игра не стоит свеч, а результат труда». Согласно другим версиям, музыкант написал песню о сборе огурцов в колхозе; о творчестве; об экологии; о подготовке новогодних украшений для детского сада (вспомним елочные украшения в форме огурцов, популярных в советское время), с этим связано появление в песне обращения к девочкам и мальчикам: «Здравствуйте, девочки! Здравствуйте, мальчики!» и т.д. В поисках смысла «Алюминиевых огурцов» достигнуть взаимосогласования представляется невозможным, учитывая, что сам музыкант сказал в интервью 1987 г., что фраза «алюминиевые огурцы» совершенно не имеет смысла.

На наш взгляд, формирование навыков понимания и интерпретации текста у обучающихся должно осуществляться на материале разноплановых текстов, в том числе современных авторов. Работа со сложными для понимания текстами поможет обучающимся обогатить свои знания, научиться формулировать свою точку зрения на основе опыта работы с текстом. Задачами педагога в таком случае являются: 1) обучение школьников и студентов рефлексии; 2) демонстрация того, что процесс понимания и интерпретации текста – это процесс интересный и увлекательный; 3) помощь в понимании того, что умение интерпретировать текст «позволяет приобщаться к авторскому видению мира, дает возможность, знакомясь с текстами, путешествовать во времени и пространстве, обогащая духовно, развивает культуру речевого общения» [5, с. 8].

Перспективным в развитии методики обучения русскому языку нам видится приобщение к понятию функциональной читательской грамотности помимо способности личности к чтению и интерпретации текста, способности личности к текстообразованию. Понимание процесса создания текста приблизит обучающихся к осознанию, что в каждом тексте «находят свое отражение не только фрагменты действительности и языковая система, но и языковая личность автора» [13, с. 56], что текст коммуникативно ориентирован на адресата и является центральным звеном в построении диалога автора и читателя.

Список источников

1. Ковцун, А. А. Научные подходы к понятию «функциональная грамотность» в педагогической теории и практике / А. А. Ковцун, А. Н. Кохичко // Наука и школа. – 2022. – № 6. – С. 99–109.
2. Белина, Е. В. О развитии понятия «культура чтения» в русской культуре и науки / Е. В. Белина // Академический вестник Института педагогического образования и образования взрослых РАО. Человек и образование. – 2014. – № 3 (40). – С. 61–65.
3. Куропятник, И. В. Чтение как стратегически важная компетентность для молодых людей / И. В. Куропятник // Педагогическая мастерская. Все для учителя. – 2012. – № 6.

4. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – Москва : Наука, 1987. – 261 с.
5. Болотнова, Н. С. Филологический анализ текста : учебное пособие / Н. С. Болотнова. – Москва : Флинта : Наука, 2009. – 520 с.
6. Воителева, Т. М. Реализация текстоцентрического принципа как способ активации познавательной деятельности учащихся / Т. М. Воителева // Современные тенденции в развитии методики преподавания русского языка. Коллективная монография. – Москва : Спутник+, 2017. – С. 30–34.
7. Болотнова, Н. С. Текстовая деятельность на уроках русской словесности: методики лингвистического анализа художественного текста : методическое пособие / Н. С. Болотнова. – Томск, 2002. – 64 с.
8. Валуйская, О. Р. Интерпретативность как потенциальное свойство текста / О. Р. Валуйская // Вестник Волгоградского государственного университета. – Сер. 2. Языкознание. – 2012. – № 2 (16). – С. 210–215.
9. Васильченко, А. А. Лингвоэстетический анализ стихотворения О. Мандельштама «Декабрист» / А. А. Васильченко // Амурский научный вестник. – 2017. – № 3. – С. 44–48.
10. Словарь ассоциаций русского языка. – URL: <https://keywords.org.ru/4195> (дата обращения: 4.04.2024).
11. Словарь ассоциаций. – URL: <https://sociation.org/word/yxo/> (дата обращения: 4.04.2024).
12. Бабенко, Л. Г. Лингвистический анализ художественного текста / Л. Г. Бабенко, И. Е. Васильев, Ю. В. Казарин. – Екатеринбург, 2000. – 532 с.
13. Болотнова, Н. С. Коммуникативная стилистика текста: Словарь-гезаурус / Н. С. Болотнова. – Томск : Изд-во ТГПУ, 2009. – 384 с.

УДК 81.355
ГРНТИ 16.21.61

Комплексный подход к формированию орфоэпической культуры студентов-филологов (по данным эксперимента)

An integrated approach to the formation of orthoepic culture of philology student (according to the experiment)

Анастасия Сергеевна Савенко

Томский государственный педагогический университет, Томск, Россия

Аннотация. В качестве характеристик функционально грамотного человека рассматриваются умения и навыки, демонстрирующие степень его речевой культуры и образованности. Приводятся результаты эксперимента, проведенного со студентами, освоившими дисциплину «Русская орфоэпия» в разные периоды (с 2018 по 2023 г.), с целью определить уровень владения произносительными нормами русского языка с учётом остаточных знаний. Перечисляются критерии формирования функциональной грамотности, выявленные по результатам направленного лингвистического эксперимента: умение применять знания в условиях неподготовленной речевой ситуации, самоконтроль и аксиологически значимая ориентация на образец высокой речевой культуры в аспекте будущей профессии.

Ключевые слова: нормированное произношение, функционально грамотный человек, орфоэпическая культура, устная речь

Key words: standard pronunciation, functionally competent person, orthoepic culture, oral speech

Источник финансирования: работа выполнена в рамках государственного задания Министерства просвещения Российской Федерации, номер проекта: QZOY-2024-0011, тема «Формирование интегративной и предметной функциональной грамотности в области филологии, истории, права».

Взаимосвязь культуры речевого общения и правильного произношения с уровнем речевой культуры и профессиональной компетентности говорящего, в частности, учителя русского языка, очевидна в условиях современного общества и образовательной среды. Владение орфоэпическими нормами современного русского языка является неотъемлемой составляющей учителя-словесника, поскольку, во-первых, отражает и характеризует степень

его образованности, во-вторых, может быть эффективно использовано как в профессиональной деятельности, так и в обыденной жизни при разрешении разнообразных проблемных ситуаций. Это позволяет нам утверждать, что владеющий произносительными нормами русского языка учитель является функционально грамотным человеком.

Обращаясь к представленным в статьях определениям функциональной грамотности и характеристикам функционально грамотного человека, мы можем включить в перечень подобных способностей, кроме умения «критически мыслить, постоянно использовать все полученные знания, умения и навыки для решения различных жизненных задач», навыки, демонстрирующие степень его речевой культуры и образованности [1, с. 80–81].

Гипотеза нашего исследования состоит в том, что комплексный подход к формированию орфоэпической культуры студентов в рамках преподавания дисциплины «Русская орфоэпия», представленной в действующем учебном плане бакалавров филологической специальности Томского государственного педагогического университета (2018–2023 гг.), способствует не только «развитию и совершенствованию высокой культуры устной речи», но и формированию функционально грамотного будущего специалиста, который использует «средства языка и речи согласно современной норме в ситуациях педагогического общения» [2, с. 177].

С целью реализации комплексного подхода к формированию произносительной культуры студентов-филологов на занятиях по орфоэпии мы в своей практике используем разнообразные формы работы с речевым материалом, включая применение мультимедийных средств (например, данных мультимедийного Корпуса русской звучащей речи), звукозаписывающей аппаратуры (подробнее см.: [2, с. 175–181]). За годы проведения занятий по данной речеведческой дисциплине была отмечена тенденция «разрыва», вызванная частичной или даже полной утратой полученных на первом и втором курсах навыков орфоэпической культуры в

сравнении со знаниями студентов последнего года обучения в бакалавриате или продолжения их обучения уже в магистратуре. Попытки преодолеть эту тенденцию за счёт постоянной практики своих орфоэпических навыков во время обучения на последующих курсах при изучении других языковых дисциплин (например, «Активные процессы в современном русском языке», «Теория и практика речевой коммуникации» и др.) и при выступлении на научных конференциях, семинарах, форумах, риторических турнирах, проводимых кафедрой русского языка ТГПУ, продемонстрировали частичный положительный результат.

Для определения уровня сформированности орфоэпической культуры студентов-филологов, завершивших изучение дисциплины «Русская орфоэпия», и выявления степени владения производительными нормами в речевой практике мы провели серию направленных лингвистических экспериментов. В эксперименте приняли участие 52 студента-бакалавра и магистранта первого года обучения, изучавшие данную дисциплину в 2018, 2020, 2021, 2022 и 2023 гг. Эксперимент проходил в форме устного анкетирования, в форме онлайн-анкетирования с использованием Google Forms, в форме тестирования и в форме живого наблюдения за речью испытуемых в процессе педагогической деятельности.

Направленный лингвистический эксперимент проходил в три этапа. На первом этапе студентам, посещавшим курс в 2022 г. и в 2018 г., было предложено устно произнести 10 слов из акцентологического и орфоэпического минимума. Данный этап в рамках гипотезы представлялся наиболее простым и предполагал, что информанты справятся с заданием на 90–100% в связи с тем, что эти минимумы сдавались каждым студентом индивидуально и слова из них регулярно использовались в разного типа заданиях, в том числе и с привлечением аудиозаписи предложений с труднопроизносимыми словами, требующими запоминания (например, *а[ст]ма, ко[н]форка, па[т'э]нт, ко[ст]лявый, счастливо* (кр.при-

лаг.), *О[д'э]сса*). Для объективности получения результатов устного анкетирования нами было опрошено такое же количество студентов, не посещавших курс «Русская орфоэпия». По данным эксперимента, первая группа информантов (обучающаяся в 2022 г.) допустила 11% ошибок, вторая группа – 19% (2018 г.), третья группа (не осваивавшая дисциплину) – 48%.

Кроме того данный этап эксперимента включал аудиозапись на смартфон произношения студентом нескольких предложений, содержащих слова с гласными буквами **Е** и **Ё**, согласными буквами **ЧН**, твёрдыми и мягкими согласными перед гласным звуком [э], а также слова, вызывающие трудности при постановке ударения. Условием выполнения задания было быстрое произнесение предложений, чтобы информант, не задумываясь над выбором того или иного орфоэпического или акцентологического варианта, автоматически извлекал из памяти когда-то ему известный единственно верный ответ. Приведём пример таких предложений: 1) *После установки загадочным брюнетом модема наш компьютер имеет доступ в Интернет, что значительно облегчает партнерскую деятельность Ивана Михайловича с фирмой «Коммюнике» в рамках юриспруденции.* 2) *Селечница и перечница стояли в серванте у Андрея Ивановича почти что шестьсот лет и настолько стали скучны и безразличны старому коммивояжеру, что он, несмотря на сердечные уговоры Настасьи Ильиничны, продал весь этот скарб старьевщику за копеечную цену.*

В этом задании было допущено 26 и 34% ошибок студентами первой и второй групп, соответственно. Последующий опрос показал, что информанты испытывали волнение при чтении предложений на скорость, хотя при повторном прослушивании записи своего голоса отмечали, что знали верный вариант ответа, с лёгкостью сами же находили свои ошибки, объясняя их тем, что механическая память не всегда срабатывает в неподготовленной речевой ситуации.

На этом же этапе эксперимента нами были опрошены студенты, которые завершили изучение курса в 2021 г. В целом стоит отметить, что количество неверных ответов практически совпадает: 30 и 32% ошибочных вариантов соответственно.

Второй этап эксперимента включал ответы на вопросы анкеты, при этом некоторые вопросы были предложены в форме теста. В онлайн-анкетировании принимали участие информанты, которые изучали произносительные нормы русского языка два года (группа 1) и четыре года назад (группа 2). Приведём несколько вариантов вопросов из анкетирования: 1) В каком слове НЕ допущена произносительная ошибка? А) юристконсульт; Б) индивидуум; В) **подчерк**; 2) Впишите буквы **Е** и **Ё** в слова: *голол...дица, ш...рстка, ман...вры, побл...кнуть, аф...ра, кр...стный ход*; 3) Произношение какого предложения НЕ содержит языковую игру? А) *Передохнем после работы*; Б) *Принцесс, драконом заточенных, надежда есть ещё спасти, а вот заточенных драконом – прости*; В) *Следователь рассказал о совершенном преступлении*; Г) *Глаза у Сеньки были белесые*.

Анализ результатов онлайн-анкетирования показал, что первая группа студентов допустила меньшее количество ошибок – 24%, тогда как вторая группа – 37%. При этом первая группа не справилась с заданиями и вопросами, связанными с произношением имён собственных, содержащих не подвергающийся редукции безударный гласный звук [о] (*Шопен, Моне, Вольтер, Долорес*), вторая группа допустила ошибки при выборе твёрдого/мягкого согласного перед гласным звуком [э] и при выборе слов с неверно поставленным ударением (слова, предложенные для задания: *генезис, правы, пломбировать, премирование, предвосхитить, включена*).

В третьем этапе, тестировании, приняли участие все группы информантов (обучающиеся в рамках дисциплины в 2018, 2020, 2021, 2022 и 2023 гг.). Наибольшую сложность вызвали два вопроса теста: 1) В какой паре произношение гласных звуков [э] и

[о] различает разные слова? А) блеклый – блёклый; Б) решетчатый – решётчатый; В) истекший – истёкший; Г) белесый – белёсый; 2) Выберите вариант произношения слова, в котором допущена ошибка: А) время**пре**провождение; Б) отя[х]чить; В) дивиден[д]ы; Г) компо[с'т'и]ровать (билет). Показательна разница в количестве допущенных ошибок: студенты, обучающиеся в 2018 г. (*далее используется только год обучения студентов для краткости), – 28%, 2020 г. – 30%, 2021 г. – 21%, 2022 г. – 19,5%, 2023 г. – 4%.

Безусловно, можно говорить, учитывая результаты эксперимента, о наличии формальной орфоэпической грамотности у студентов-филологов, что проявляется в успешном выполнении диагностических заданий. Это было подтверждено при проведении эксперимента в форме тестирования. С подобным видом задания справились в среднем 79,5% студентов. Формальная грамотность понимается как «такой уровень владения речью, который реализуется в условиях специально организованной учебной деятельности, где доминирует внешний локус контроля (осуществляемый, как правило, педагогом)» [3, с. 8].

По словам Н. В. Максимовой, владение формальной грамотностью не обеспечивает наличие подлинной функциональной грамотности, хотя и «является одним из необходимых факторов становления последней» [3, с. 8]. В связи с этим мы использовали другие формы проведения эксперимента для определения сформированности функциональной орфоэпической грамотности студентов (устное анкетирование и наблюдение за живой речью). Анализ результатов этих двух разновидностей эксперимента показал следующее.

1. Студенты, завершившие изучение речеведческого курса год назад, допускают меньшее количество произносительных и акцентологических ошибок в спонтанной речи и в искусственно организованной ситуации речевой коммуникации (в форме диалога с преподавателем на заданную тему или друг с другом при выполнении задания, требующего составить диалог со словами, например, из

орфоэпического и акцентологического минимума) по сравнению со студентами, которые освоили эту дисциплину 5 лет назад.

2. Акцентологических ошибок в спонтанной речи в целом студенты, независимо от времени окончания курса, допускают одинаковое количество (от 14 до 21% от общего числа слов в высказывании). В большинстве случаев отмечаются ошибки в употреблении глаголов на **-ИТЬ** с неподвижным ударением (особенно глагола *включить* в разных грамматических формах) и в формах глаголов прошедшего времени среднего рода (*приплыло, поднялось, лило*).

3. Орфоэпические ошибки присутствуют в речи студентов, завершивших изучение дисциплины 3–5 лет назад, в достаточном количестве (в среднем 23%) в словах с буквами **ЧН** и **Ё**; подобных ошибок в речи студентов, изучавших орфоэпию 1–2 года назад, намного меньше (в среднем 12%). При этом следует отметить, что такого рода ошибки допускаются в словах малоупотребительных или устаревающих (*коммивояжёр, гренадер, ксёндз, многоженец, коленопреклонённый, согбённый, дебелый*), тогда как в словах из орфоэпического минимума, который студенты сдавали в устной форме индивидуально, подобных ошибок отмечено 4–5%. Кроме того в устойчивых выражениях, содержащих буквы **ЧН** и **Ё** (*калачный ряд – калачное производство, шапочное знакомство – шапочная подкладка, старая перечница ‘о склочной и сварливой женщине’ – старая перечница ‘сосуд для хранения перца’*), или словосочетаниях, в которых произношение таких слов зависит от лексической сочетаемости (*начинённый капустой пирог – начиненный карандаш, заторможенный человек – заторможённый водителем автомобиль, истекший срок – истёкший кровью, порядочный человек – порядочно места в аудитории, засолённый водоём – засоленный огурец*), ошибок не зафиксировано.

4. Значительное количество ошибок (около 32% в среднем) отмечается у всех групп студентов при произношении заимствованных слов с твёрдым и мягким согласным звуком перед гласным [э]. Наиболее частотными среди неверно произносимых являются

книжные слова (*экзекуция, аннексия*), узко специализированные слова (*маркшейдер, дебаркадер, сейнер*) и недавно вошедшие в русский язык заимствования (*глэмпинг, бестселлер, дезинтеграция*). Отсутствуют ошибки в произношении имён собственных, содержащих такие звуки (*Моне, Вольтер, Гейне, Роден, Родезия, Декарт*). Отдельно стоит отметить попавшие в число неверно произносимых слова из орфоэпического минимума: *кларнет, юриспруденция, брюнет*.

5. В произношении аббревиатур, в которых традиционно допускаются ошибки студентами, незнакомыми с орфоэпической нормой, например, *ФСБ, ФБР, ТСЖ, МХАТ* и другие, неверно произнесённых слов отмечено не было. Это объясняется, по словам студентов, резким контрастом между тем, как они произносили ранее такие аббревиатуры, и тем, как их следует произносить (например, [тээсжэ]).

6. Труднопроизносимые слова подтвердили свой статус в группах студентов, имеющих перерыв в 3–4 года между проведением эксперимента и освоением предмета «Русская орфоэпия». В большей степени ошибки были допущены при произношении слов *досочка* (не досточка!), *меблировать* (не мебелировать!), *светопредставление* (не светопредставление!), *заклеймённый* (не заклемлённый!).

В целом результаты эксперимента подтверждают гипотезу нашего исследования: комплексный подход при формировании функциональной орфоэпической грамотности будущего учителя русского языка эффективен. Значительного разрыва, обусловленного частичной утратой полученных на первом и втором курсах навыков орфоэпической культуры в сравнении со знаниями студентов последнего года обучения в бакалавриате или продолжения их обучения уже в магистратуре, мы не отметили. Так, максимальное количество допущенных орфоэпических ошибок составило 32% (при произношении заимствованной лексики), минимальное количество ошибок – 12% – допущено при произношении слов с

буквами **ЧН** и **Ё**. При этом уточним, что данные показатели неверных ответов мы указываем при определении сформированности *функциональной* орфоэпической грамотности студентов.

Таким образом, критериями формирования функциональной грамотности, по данным проведённого эксперимента, можно считать умение применять знания в нестандартных условиях (неподготовленной речевой ситуации), самоконтроль и аксиологически значимую ориентацию на образец высокой речевой культуры в аспекте будущей профессии.

Список источников

1. Гнатышина, Е. В. Технология развития критического мышления как средство формирования функциональной грамотности студентов педагогических вузов / Е. В. Гнатышина, Н. С. Касаткина, Н. С. Шкигина // Вестник Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета. – 2023. – № 6. – С. 73–93.
2. Савенко, А. С. Комплексный подход к формированию орфоэпической культуры студентов-филологов. Часть I / А. С. Савенко // Русская речевая культура и текст : материалы XII Международной научной конференции (20–21 мая 2022 г., Томск) ; под общ. ред. проф. Н. С. Болотновой. – Томск : Изд-во Томского ЦНТИ, 2022. – С. 175–181.
3. Максимова, Н. В. Функциональная грамотность и развитие речевой культуры студента : учебно-методическое пособие / Н. В. Максимова ; Министерство культуры Новосибирской области, Новосибирский государственный театральный институт. – Новосибирск : НГТИ, 2023. – 130 с.

Раздел VII. Русская речь в межкультурном общении

УДК 81-119; 81-13
ГРНТИ 16.01.11

Представление о русском языке в дискурсивной картине мира современных кенийцев (на материале экспериментальных данных)

The idea of the Russian language in the discursive picture of the world of modern Kenyans (based on experimental data)

Анна Владимировна Курьянович

Томский государственный педагогический университет, Томск, Россия

Аннотация. Исследование выполнено в русле концептуально-дискурсивного и лингвокультурологического подходов. Рассматриваются концептуальные смыслы, составляющие основу представления современных граждан Республики Кения о русском языке с точки зрения определения его места и роли в поликультурной коммуникации. Варианты интерпретации образа русского языка, полученные в результате осуществленного онлайн-опроса, формируют фрагмент дискурсивной картины мира кенийцев. Качественно-количественный состав лексем-номиналов концептуальных смыслов, установленный посредством цифрового контент-анализа, продемонстрировал наличие доминантного («русский язык как возможность социальной и личностной реализации в эпоху глобализации») и ряда факультативных вариантов интерпретации русского языка носителями кенийской лингвокультуры.

Ключевые слова: межкультурное взаимодействие, русский язык, продвижение русского языка как иностранного, русская культура, дискурсивная картина мира, Африка, Республика Кения, экспериментальные данные, социологический опрос, контент-анализ

Key words: intercultural interaction, Russian language, promotion of Russian as a foreign language, Russian culture, discursive picture of the world, Africa, Republic of Kenya, experimental data, sociological survey, content analysis

Источник финансирования: работа выполнена в рамках государственного задания Министерства просвещения Российской Федерации, номер проекта: QZOY-2024-0014, тема «Исследование потребностей и запросов на образование на русском языке и изучение русского языка и русской культуры в Республике Кения с целью их эффективного продвижения».

Русский язык – один из национальных языков, на протяжении долгого времени устойчиво сохраняющий статус межнационального средства коммуникации. В современном поликультурном мире русский язык используется в качестве инструмента для реализации коммуникативных потребностей населения не только внутри России, но и за ее пределами. К русскому языку проявляют интерес, в том числе, жители стран, территориально удаленных от России. Представители иных лингвокультур, кардинально разнящихся с русской лингвокультурой в ментальном и языковом отношении, имеют мотивацию для его изучения.

Сказанное определяет актуальность изучения фрагментов картины мира разных этносов, связанных с осмыслением русского языка как средства коммуникации в глобальном, постоянно меняющемся мире, а также роли русского языка в жизни носителей, для которых этот язык является иностранным. Данная проблематика характеризуется значимостью не только для фундаментальной лингвистики в рамках таких ее направлений, как лингвокультурология, меж- и кросскультурная коммуникация, но имеет также практическую ценность для лингводидактики и, в частности, методики обучения *русскому языку как иностранному* (РКИ): с учетом полученной информации вопросы продвижения русского языка в разных странах и его изучение носителями других мировых языков получают новые стимулы для разноаспектной аналитики и внедрения в практику.

В данном случае речь идет о фрагменте картины мира носителей языка, который можно определить в качестве *дискурсивной картины мира*, т.е. «динамической подвижной системы смыслов, формируемой в координируемых коммуникативных действиях адресантов и адресатов в соответствии с системой их ценностей и интересов и включенных в социальные практики» [1, с. 43]. Концептуализация представлений и рождаемых на их основе смыслов в аспекте дискурсивной обусловленности отличается, во-первых,

жесткой привязкой к социокультурному контексту смыслообразования; во-вторых, сопровождается реакцией со стороны субъектов, участвующих в смыслообразовании, продемонстрированной ими в отношении концептуально обрабатываемой информации. Дискурсивная картина мира формируется в пространстве пересечения дескриптивного, деятельностного и ценностного векторов когнитивного поведения субъектов дискурса [1, с. 54]. Изложенные тезисы о дискурсивной картине мира выступают в качестве теоретического обоснования настоящего исследования.

Сегодня наблюдается новый виток сближения интересов в государственной политике России и стран Африки, в связи с чем в научную повестку современной гуманитаристики включается целый комплекс проблем, связанных с изучением взаимодействия национальных культур и национальных языков. Исследовательский интерес автора сосредоточен на рассмотрении специфики содержательного наполнения образа русского языка, существующего в сознании граждан *Республики Кения*, одного из государств Восточной Африки. В рамках статьи, таким образом, анализируется фрагмент дискурсивной картины мира современных кенийцев, репрезентирующий их представления о русском языке.

Логика исследования определяет выбор применяемых методологических процедур. Для описания языкового и социокультурного контекста с учетом исторического опыта взаимодействия России и стран африканского континента используется метод *научной систематизации и обобщения данных*. Эмпирический материал, отражающий рецепцию кенийцев в отношении понимания ими русского языка и его роли в их жизни, собирается в результате проведения *анкетирования в форме онлайн-опроса* кенийских граждан. Концептуальные доминанты в дискурсивной картине мира кенийцев, маркирующие реперные точки в понимании ими функционального ресурса русского языка, устанавливаются на ос-

новании показателей частотности лексических единиц обозначения данных смысловых доминант, полученных в ходе осуществления *цифрового контент-анализа*.

В Кении русский язык никогда не входил в число востребованных иностранных языков. Социальный заказ на его изучение отсутствует. Языковую ситуацию в Кении определяет триглоссия: официальными языками признаны суахили и английский, однако коренное население, группирующееся по 42 племенам, активно использует для бытовой коммуникации 68 самобытных языков, порой сильно отличающихся друг от друга. Статус первого иностранного прочно занимает английский – язык бывшей метрополии. Именно на английском языке в основном осуществляется образовательный процесс в школах и вузах. Правительство активно поддерживает интерес представителей кенийских племен к исконным языкам. Подробнее о социокультурной и языковой ситуации в современной Кении см.: [2–4]. Все перечисленное относится к факторам, затрудняющим формирование положительного образа русского языка и не способствующим его продвижению на территории Кении. К сказанному добавим отсутствие языковой среды, позволяющей слышать русскую речь и общаться с исконными носителями русского языка. Российский диплом об образовании также не имеет сегодня официального признания в Кении. Об официальном статусе русского языка в Кении см.: [5].

Однако благоприятствует формированию у современных кенийцев положительного образа русского языка и в целом России как такой же многонациональной и поликультурной страны, как и Кения, исторический опыт взаимодействия времен существования СССР. Во второй половине XX в. советские специалисты активно выезжали в Кению для обмена профессиональным опытом, кенийская молодежь приезжала в СССР для получения высшего образования, вследствие чего русский язык в Кении был актуален (подробнее см.: [6]).

Для изучения современного среза данных об отношении к русскому языку кенийцев и выявления мотивационных установок для его изучения при содействии представителей Посольства РФ в Республике Кения и вуза-партнера – Кенийского института иностранных языков и профессионального образования (Kenya Institute of Foreign Languages and Professional Studies) – было проведено анкетирование в форме социологического онлайн-опроса. В эксперименте приняли участие 164 кенийца из числа потенциальных слушателей курсов РКИ, представляющие 17 этнических групп. Большинство информантов – мужчины (88,6%) в возрасте от 22 до 40 лет. Перечни вопросов анкеты и поступивших реакций информантов представлены в: [7]. Описание эксперимента и результатов, касающихся осмысления образа русского языка в сознании реципиентов, представлено в статье: [8].

Участникам опроса предлагалось ответить на несколько вопросов, касающихся русского языка. На вопрос *Знакомы или не знакомы вы с русским языком и русской культурой?* большинство респондентов ответили, что «не знакомы» (58,7%), а порядка 40% – что «скорее не знакомы, чем знакомы». При этом все информанты выразили желание изучать русский язык. Наиболее интересны для нашего исследования реакции, поступившие на вопрос: *Почему вы решили изучать русский язык? Пожалуйста, объясните.* Ответы опрашиваемых предполагали свободный формат изложения их мыслей. Полученные результаты позволили объединить ответы в группы на основании общности мотивационных установок. Информация об этом содержится в приводимой ниже таблице.

На следующем этапе анализа объектом изучения стал корпус высказываний – полученных вариантов ответов информантов, которые эксплицитировали понимание места и роли русского языка в социальной и их личной жизни. Лексический строй высказываний, относящихся к этому корпусу, проанализирован нами на предмет выявления наиболее частотных слов – номинатов смыслов, марки-

рующих в дискурсивной картине мира информантов концептуальные доминанты. Для этого использован цифровой инструмент для проведения контент-анализа, располагающийся на веб-платформе Voyant tools в свободном доступе для всех пользователей: [9].

**Результаты онлайн-опроса кенийских граждан
«Почему вы решили изучать русский язык?»**

№ п/п	Мотивационная установка	Количество информантов / чел. от общего количества	Количество информантов / % от общего количества	Примеры ответов информантов
1	«Хочу изучать русский язык, чтобы жить, учиться, работать в России, а также в целях личного и профессионального роста»	56	34	<i>«Россия всегда была моим любимым местом и страной мечты. Я люблю русскую культуру, которую немного изучал в Интернете. Я рассматривал русский язык, потому что в ближайшем будущем мне бы хотелось жить в России»¹</i>
2	«Хочу изучать русский язык как эффективное средство осуществления межкультурного диалога, в том числе между Россией и Кенией»	35	21	<i>«Чтобы напрямую понимать русских людей без необходимости перевода и для возможности работать с русскими», «Я решил выучить русский язык, чтобы иметь возможность хорошо общаться со своими русскими друзьями»</i>
3	«Хочу изучать русский язык ради знания самого языка»	25	15	<i>«Русский язык с его уникальным алфавитом и грамматической структурой стал для меня сложным, но полезным путешествием, в которое я с радостью отправился»</i>

¹ Ответы информантами даны на английском языке, перевод на русский язык осуществлен специалистами в области профессионального владения английским языком.

№ п/п	Мотивационная установка	Количество информантов / чел. от общего количества	Количество информантов / % от общего количества	Примеры ответов информантов
4	«Хочу изучать русский язык – проводник в мир великой культуры и нравственных ценностей русского народа»	23	14	<i>«Я всегда восхищался русской культурой с точки зрения норм, убеждений, моральной структуры и того, как русские люди относятся к другим. Изучение русского языка не только улучшит мое понимание русской культуры, но и даст мне необходимые знания»</i>
5	«Хочу изучать русский язык – язык великой сверхдержавы»	18	11	<i>«Россия – огромная страна с многочисленными культурами и сильным чувством национальной гордости и единства», «Я люблю российскую политику, социальные и культурные убеждения и их настойчивость в том, во что они верят, несмотря на многочисленную критику и упреки»</i>

В соответствии с полученными подсчетами, анализируемый корпус содержит 1 298 уникальных словоформ. Самые часто встречающиеся словоформы в корпусе: *язык* – 45 единиц, *России* – 38, *языка* – 32, *русский* – 30. Данные результаты объясняются тематической направленностью эмпирического материала: высказывания информантов содержат их размышления о русском языке в контексте общего представления о России. Количественный срез наиболее частотных слов, фигурирующих в обозначенном корпусе, сопровождается наглядным средством представления информации – инфографикой (см. рис. 1). Данная форма визуализации результатов контент-анализа также входит в перечень ресурсов, предлагаемых вниманию пользователей на указанной веб-платформе.

ному смыслу «русский язык как инструмент для реализации возможностей», судя по данным контент-анализа, являются слова и словосочетания *образование, личностный и профессиональный рост, межкультурная коммуникация, знание, владение языками, культура и ценности России как великой сверхдержавы*. Приведем примеры контекстов, подтверждающие сказанное: «Изучить русский язык – это возможность получить высшее образование»; «я действительно очарован устойчивостью и национализмом России. Я верю, что во время изучения русского языка я смогу получить больше культуры и знаний, которые помогут моему личному развитию и развитию моей страны»; «больше возможностей и шанс стать гражданином мира»; «я всегда мечтал работать и жить в России, поэтому изучение русского языка – это начало процесса воплощения моей мечты в реальность»; «Мне интересно научиться говорить и писать, чтобы иметь возможность общаться со своими друзьями в России»; «Я заинтересован в поступлении в российский университет, если позже у меня появится такая возможность»; «Я хочу исследовать мир, познакомиться с разными культурами и получить доступ к большому количеству возможностей».

Помимо доминантного (доминирующего на уровне количественных показателей присутствия в анализируемом корпусе слов-экспликаторов) концептуального смысла, отражающего специфику представлений кенийцев о русском языке («русский язык = возможности»), контент-анализ подтвердил наличие факкультативных концептуальных смыслов. Данные смыслы маркируют фрагмент дискурсивной картины мира иностранцев, связанный с интерпретацией ими места и роли русского языка в современном мире. Они репрезентируются словами, количественное присутствие которых в рассматриваемом корпусе отличается меньшими, чем в предыдущем случае, показателями. Из их числа выделим группы лексических единиц, коррелирующие с одноименным словом-номиналом доминантного смысла «русский

язык», на основании следующих ассоциативных переключек (в приводимых ниже контекстах данные единицы выделены жирным шрифтом):

– «русский язык – Россия»: *«Потому что это **страна-сверхдержава**, которая уважает международное право и любит африканцев»; «Россия всегда была моим **любимым местом и страной мечты**»; «Кажется, в будущем в России есть **много возможностей во всех аспектах жизни**»; «Будучи **дружественной страной по отношению к Африке и потенциальным инвесторам**, я хотел бы быть рядом с вами или работать вместе на благо всех нас»; «Россия всегда была **страной африканцев**. **Лучше помогает, чем Запад**»;*

– «русский язык – мечта, будущее мое и моей страны»: *«Поскольку язык – это **навык**, и я свободно владею только двумя языками, я хочу выучить еще один (русский), **расширить свой профессиональный кругозор и стремиться к развитию**»; «Знание языка помогло бы мне больше узнать о древней русской культуре/политике и, возможно, **стать учителем русского языка**»; «Возвышение России является моделью для африканских государств, и ее постоянное взаимодействие на уровне уважения и ценности человечества и общих интересов означает, что мы будем взаимодействовать с Россией в экономике, культуре и политике в течение длительного времени. Тогда имеет смысл хотеть **эффективно общаться как для деловых, так и для социальных целей**»;*

– «русский язык – преимущества в глобальном мире»: *«Мы движемся к многополярному миру. Мир, особенно Африка, преодолевает русофобию, пропагандируемую Западом на протяжении многих лет. Африка, наконец, переоценивает свои дружеские отношения, и я точно знаю, что в ближайшем будущем русский язык станет **популярным языком во всем мире** и в конечном итоге станет **предпочтительным языком торговли**. Я просто хочу, чтобы, когда это произойдет, я был готов»; «Изучение русского языка даст мне **дополнительные преимущества**, поскольку у*

меня будет более широкий рынок труда, на котором я смогу искать **возможности за рубежом**»; «Русский – это глобальный язык, и было бы хорошо лучше понимать этот язык, а также изучение языка может **способствовать карьерному росту**»;

– «русский язык – понимание истории»: «**Историческая ценность и значение России в Африке до и после обретения независимости – это то, что побуждает меня больше изучать русский язык**»;

– «русский язык – ценность изучения языков»: «**Повысить свой лингвистический уровень**»; «**Из пристрастия к языку и культуре**»; «**Просто чтобы разнообразить свою языковую базу и, возможно, в будущем работать с русскими**»; «**Я хочу быть лингвистом**»; «**Я считаю, что это дополнительный навык**»; «**Нужно быть многоязычным**»; «**Языковое разнообразие: изучение русского языка обеспечивает языковое разнообразие и открывает двери к пониманию уникальной языковой семьи**»;

– «русский язык – политика»: «**Я пророссийский и поддерживаю их повестку дня как мировой державы**»; «**Русский – один из языков ООН, работать с ООН было моей мечтой, а изучение этого языка – на шаг ближе**»;

– «русский язык – Путин»: «**Также мне хотелось бы пообщаться с Путиным на его местном диалекте**»; «**Россия – одна из последних великих наций с богатой культурой и ценностями, а Владимир Путин – сильный лидер**»; «**Я люблю президента России**».

Показательны также единичные реакции информантов. Среди них преобладают положительно коннотированные, например: «**Русский язык предполагает дисциплину во всех аспектах повседневной жизни**»; «**Я люблю изучать иностранные языки, это делает меня лучше, чем мои сверстники**»; «**Москва – город моей мечты, поэтому, когда я приезжаю туда и получаю возможность побывать там, мне приятно говорить на этом языке**». Отмечена одна нейтрально окрашенная реакция: «**Ничего**». Высказывания с негативными компонентами смысла отсутствуют.

О знании кенийцами российских реалий свидетельствует использование слов, обозначающих знаковые культурно маркированные вещи, географические объекты или называющие публичных людей. В анализируемом корпусе в числе таких единиц отмечены следующие: *Россия, Путин, Москва, Санкт-Петербург, Лев Толстой, водка*.

Отметим использование информантами для передачи своего понимания русского языка образных средств (перевод максимально полно передает содержание аутентичных высказываний). Приведем примеры (образные единицы выделены полужирным шрифтом): «*Изучение русского языка позволит расширить мою перспективу и кругозор в жизни, прибавить **стрелу в мой колчан***»; «*Я люблю **матушку Россию***»; «*Мне нравится **бросать себе вызов**, и здесь я увидел одну такую возможность, которую я хотел бы посвятить изучению чего-то нового и, надеюсь, созданию и улучшению*»; «*Это откроет мне **новый далекий мир***»; «*Чтобы иметь направление своего будущего и удовлетворить свой **дух приключений***»; «*Русский язык – **моя страсть***»; «*Изучение любого нового языка расширяет когнитивные способности и улучшает коммуникативные навыки. Русский язык с его уникальным алфавитом и грамматической структурой стал для меня **сложным, но полезным путешествием, в которое я с радостью отправился***» и пр. Лексическую единицу *русский язык* атрибутирует многообразный ряд эпитетов: *приятный, крепкий, богатый, трудный, полезный, интересный, глобальный, важный, великий, отличающийся от других, новый для меня*.

Таким образом, изучение образа русского языка, существующего в рамках фрагмента дискурсивной картины мира современных кенийцев, констатирует факт сохранения русским языком статуса средства поликультурной коммуникации, представляющего его пользователям разнообразные возможности для реализации образовательных целей, задач личностного развития, профессионального роста в современном глобальном мире, демонстрирует

актуальность имиджевой функции национального языка как способ продвижения положительного образа страны, народа, его языка в глазах мировой общественности.

Список источников

1. Резанова, З. И. Дискурсивные картины мира / З. И. Резанова, Л. И. Ермоленкина, Е. А. Костяшина // *Картины русского мира : современный медиадискурс*. – Томск : ИД СК-С, 2011. – С. 15–97.
2. Смокотин, В. М. Языковое и культурное разнообразие и проблемы сохранения этнокультурной идентичности в Африке южнее Сахары / В. М. Смокотин // *Язык и культура*. – 2010. – № 4 (12). – С. 57–65.
3. Адби, А. Языковая ситуация в Кении / А. Адби // *Язык. Общество. Медицина. Сборник материалов конференции*. – Гродно : Изд-во Гродненского государственного медицинского университета, 2021. – С. 19–20.
4. Калимуллина, В. Р. Современная лингвистическая ситуация в англоговорящей части Африки (на примерах Танзании, Кении и Уганды) / В. Р. Калимуллина, А. К. Ситдикова // *Иностранные языки в современном мире. Сборник материалов конференции*. – Казань : Изд-во Казанский (Приволжский) федеральный университет, 2021. – С. 42–47.
5. Курьянович, А. В. Обучение на русском языке в кенийской общеобразовательной школе: основные вопросы методического сопровождения / А. В. Курьянович // *Научно-педагогическое обозрение (Pedagogical Review)*. – 2023. – Вып. 5 (51). – С. 58–69. – doi: 10.23951/2307-6127-2023-5-58-69
6. Зинькина, Ю. В. Образ России в Восточной Африке на примере Кении и Танзании / Ю. В. Зинькина, Д. А. Халтурина, А. В. Коротаев, С. В. Кобзева, С. М. Тищенко // *Азия и Африка сегодня*. – 2010. – № 7 (636). – С. 9–12.
7. Зюбанов, В. Ю. Отчет о научно-исследовательской работе «Проектирование модели организационно-методического и кадрового обеспечения образовательной деятельности на русском языке в системе образования Кении», реализованной в рамках государственного задания № QZOY-2023-0006 от 15.02.2023 / В. Ю. Зюбанов и др. – Томск, 2024. – 250 с. (в печати).
8. Курьянович, А. В. Изучение русского языка в Республике Кения: мониторинг мотивационных установок кенийцев (на материале экспериментальных данных) / А. В. Курьянович // *Россия – Африка 2023 : Парадигма образования : материалы Международной научно-практической конференции / под науч. ред. И. Ю. Тархановой*. – Ярославль : РИО ЯГПУ, 2023. – С. 120–128.
9. Voyant tools. – URL : <https://voyant-tools.org/?lang=ru> (дата обращения : 17.01.2024).
10. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – Москва : Азбуковник, 1999. – 944 с.

Регулятивный потенциал ксенонимов-интерпретативов в сетевом диаспоральном дискурсе (на материале интернет-коммуникации русскоязычной диаспоры Китая)

Regulatory potential of xenonym-interpretatives in network diasporale discourse (based on internet communications of the russian-speaking diaspora in China)

Ольга Вячеславовна Орлова^{1, 2}

¹ Томский государственный архитектурно-строительный университет,
Томск, Россия

² Томский государственный педагогический университет, Томск, Россия

Аннотация. Доказывается, что ксенонимы-интерпретативы получают в сетевом диаспоральном дискурсе новый регулятивный функционал, а именно способность побуждать языковую личность к коммуникативно-рефлексивной активности как реакции на создаваемый ксенонимом вследствие его особой лингвокультурной значимости для диаспорального языкового коллектива регулятивный импульс. Выявляются дискурсивные и лингвокультурные факторы роста регулятивного потенциала ксенонима-интерпретатива в диаспоральном дискурсе.

Ключевые слова: сетевой диаспоральный дискурс, ксенонимы-интерпретативы, регулятивность

Key words: network diasporic discourse, xenonyms-interpretatives, regulativity

Теория регулятивности – разрабатываемое Н. С. Болотновой и ее коллегами одно из перспективных направлений современной коммуникативной стилистики, в котором регулятивность текста определяется как его способность управлять познавательной деятельностью адресата. Если первоначально регулятивность, по преимуществу, изучалась на материале художественных произведений, то постепенно жанрово-стилистическая и дискурсивная палитра анализируемых текстов значительно расширилась.

Если говорить о реализуемой в большом количестве сетевых дискурсов неформальной интернет-коммуникации, то такие ее существенные характеристики и системообразующие ценности, как

выделенные О. В. Лутовиновой порожденность, актуальность, автономность, интерактивность, погруженность, мозаичность, неограниченная доступность и скорость получения информации, анонимность, отсутствие пространственных границ, размывание расстояний и стирание роли временного фактора, демократичность общения, свобода самовыражения [1, с. 5–6], оказывают значительное трансформирующее воздействие на весь функционал текстопорождения и текстосприятия. Так, регулятивная функция текста, которая, по мысли Н. С. Болотновой [2, с. 25], «заключается в его способности благодаря особому отбору и организации текста в соответствии с авторской интенцией управлять читательским восприятием и интерпретационной деятельностью», обогащается способностью текста стимулировать не только рецептивную, но и лингвокреативную деятельность коммуникантов (см. об этом подробнее: [3]).

По отношению к сетевому диаспоральному дискурсу, реализуемому «в особой разновидности текстов сетевой коммуникации представителей диаспоральных сообществ, погруженных в ситуацию рецепции и интерпретации различных сторон иностранной реальности» [4, с. 11], это функциональное увеличение регулятивного потенциала стимулируют такие яркие маркеры лексического и лингвокультурного своеобразия диаспоральной речи, как ксенонимы.

Среди ксенонимов – заимствованных из языка страны проживания диаспоры лексических единиц – особой лингвокультурной значимостью наделяются ксенонимы-интерпретативы, которые, во-первых, имеют полноценные лексические соответствия в языке-реципиенте, во-вторых, не отмечены этнокультурной маркированностью в матричном языке и, наконец, служат восприятию, пониманию и интерпретации иностранной языковой и социокультурной действительности диаспоральным сообществом (см. об этом подробнее: [5]).

Каковы дискурсивные и лингвокультурные факторы, увеличивающие мощь регулятивного потенциала ксенонима-интер-

претатива в сетевом диаспоральном дискурсе? Попытаемся ответить на этот вопрос на примере анализа функционирования ксенонима-китаизма *чабудо* в интернет-коммуникации русскоязычной диаспоры Китая (использованы материалы открытой группы «Байки лаовая» (<https://vk.com/cnlaowai>) социальной сети «ВКонтакте», «Магазеты» – интернет-издания о современном Китае (<https://magazeta.com>), блогов на платформах Live Journal и «Восточное полушарие» (<https://china-cat.livejournal.com/13826.html>; <https://radion-gzchina.livejournal.com/543208.html>; <https://polusharie.com>), а также пользовательской переписки на форуме электронного Большого китайско-русского словаря (<https://bkrs.info>)).

Первое значение наречия *чабудо* (差不多, *chabuduo*), фиксируемое электронным Большим китайско-русским словарем 大 БКРС (<https://bkrs.info/>), – это *почти одинаковый, почти одно и то же*, на втором месте значение *почти, почти что; едва не*, на третьем – *ладно, сойдет*. Данное слово в различных вариантах его графической реализации (差不多, *chabuduo*, *чабудо*, *чхабудуо*, *чабудуо* и т.д.) демонстрирует в русскоязычном диаспоральном дискурсе чрезвычайную частотность (около 2 тыс. словоупотреблений), и, как показал анализ, на уровне гипертекста дискурса наделяется особым этноспецифичным значением, отражающим «типичную с точки зрения русского черту национального китайского бизнеса, быта и поведения и определенную стабильную характеристику китайского образа жизни в русском языковом сознании», а именно «безответственность, безалаберность, недисциплинированность, невнимательность, с которыми сталкиваются иностранцы в Китае» [5, с. 32].

Закономерно, что именно наделение заимствованного слова статусом маркера лингвокультурной рецепции иностранной действительности становится главным триггером регулятивной активности участников сетевого диаспорального сообщества: *китайское чабудо на лаовае не работает* (лаовай – иностранец); *вы постигли китайское чабудо в совершенстве; В пекинском баре*

«Мюнхен» имело место китайское чабудо?; это китайское чабудо от переводчицы; желательно брать нормальные фирмы, а не китайское чабудо; типичное китайское чабудо, или и так сойдет; это просто оправдание китайскому чабудо; это вам не какое-то китайское чабудо.

Частотность употребления ксенонима в сочетании с отэтнонимическим прилагательным постепенно приводит к расширению значения слова и закреплению этого расширенного значения в диаспоральном речеупотреблении. Сема *китайское*, относящаяся к *Китаю*, входит в семантическую структуру слова в качестве обязательного смыслового компонента, наряду с семантикой безответственности, недоброкачественности, несоответствия нормальному или истинному положению дел: *Раззвездяйство, панибратство, простодушная хитрость, вечное чабудо и тотальный пофигизм.*

Приведенные примеры наглядно демонстрируют еще один значимый фактор роста регулятивного потенциала ксенонима в диаспоральном дискурсе – включение слова в ходе его приспособления к специфике русского морфолого-синтаксического и лексико-семантического строя в цепочку деривационных трансформаций, каждая из которых знаменует факт регулятивной активности авторов диаспорального дискурса.

Так, исходно воспринимаемая и ощущаемая наречием (этому способствует случайное структурно-фонетическое совпадение звуковой оболочки китайского слова, заканчивающегося на -о, с многочисленными русскими наречиями подобной структуры с этим финальным суффиксом (*Чабудо – и сойдет!*)), слово субстантивируется, выступая теперь в роли несклоняемого существительного условного среднего рода, способного согласовываться с прилагательными: *очередное чабудо; неконструктивное чабудо; одно сплошное чабудо; полное чабудо; познание священного чабудо; коричневое чабудо; военное чабудо.*

Уже в роли существительного ксеноним *чабудо* начинает выступать в синтаксической роли приложения: *чабудо автостоперы; чабудо молоко; Китайская чабудо версия; чабудо лаванда – китайская разновидность глицинии* – и даже подлежащего: *Чабудо перекипело; Чабудо присутствует.*

Третьим фактором роста регулятивного потенциала ксенонима-интерпретатива в диаспоральном дискурсе является его внедрение в структуру квазипрецедентных высказываний и иных форм лингвокреативных и игровых практик сетевого диаспорального сообщества.

Свойственная неформальному сетевому общению повышенная степень речевой свободы и лингвокреативной активности способствует изобретению на базе исходного ксенонима массы словообразовательных окказионализмов различной структуры и частеречной принадлежности: *люди, связанные одним на всех чабудом; просто чабуда китайская; отчабудонилась от китайских коллег; чабудомерт зашкалил; чабудоню; чабудошка; чабудоизм; чабудошный* и др.

Ярким признаком реализации регулятивных возможностей ксенонима-интерпретатива в диаспоральном дискурсе является активное включение слова в состав квазипрецедентных высказываний, также являющихся незаурядными образцами лингвокреативного мастерства их авторов: *Что наша жизнь? Лишь чабудо; Чабудо головного мозга; Знал бы, где чабуда настигнет, страховку бы подстелил; 50 оттенков Чабудо; дык чабудо не вчера возник!; все в мире чабудо и тлен; отсель грозить мы будем немцам своей чабудой!; Вот так и живем, чабудо на чабуде; в Китае жить, по-китайски чабудить.*

Таким образом, ксенонимы-интерпретативы получают в сетевом диаспоральном дискурсе новый регулятивный функционал, а именно способность побуждать языковую личность к коммуникативно-рефлексивной активности как реакции на создаваемый ксенонимом вследствие его особой лингвокультурной значимости для диаспорального языкового коллектива регулятивный импульс.

Среди факторов, стимулирующих рост регулятивного потенциала ксенонима в сетевом диаспоральном дискурсе, выделяются:

– фактор наделения лексической единицы специфической лингвокультурной маркированностью как знака рецепции диаспоральным комьюнити определенного паттерна воспринимаемой инокультурной реальности;

– фактор активного включения иноязычного слова в принимающем дискурсе в ряд словообразовательных, морфолого-синтаксических и семантико-аксиологических трансформаций, обусловленных типологическими и парадигмальными характеристиками родного языка диаспоры;

– фактор участия ксенонима в лингвокреативных игровых практиках участников диаспоральной интернет-коммуникации.

Список источников

1. Лутовинова, О. В. Лингвокультурологические характеристики виртуального дискурса : автореферат диссертации ... доктора филологических наук / О. В. Лутовинова. – Волгоград, 2009. – 39 с.
2. Болотнова, Н. С. О связи теории регулятивности текста с прагматикой / Н. С. Болотнова // Вестник Томского государственного университета (TSPU Bulletin). – 2008. – Вып. 2 (3). – С. 24–30.
3. Орлова, О. В. Регулятивность прецедентного текста в интернет-дискурсе (на материале «Песенки о слухах» В. Высоцкого) / О. В. Орлова, А. И. Кабанков // Сибирский филологический журнал. – 2017. – № 2. – С. 271–278.
4. Орлова, О. В. Сетевой диаспоральный дискурс: определение понятия / О. В. Орлова, Ю. Ван // Вестник Томского государственного педагогического университета (TSPU Bulletin). – 2024. – Вып. 1 (231). – С. 7–14.
5. Орлова, О. В. Ксенонимы-интерпретативы в сетевом дискурсе русскоязычной диаспоры Китая (на примере ксенонима *чабудо*) / О. В. Орлова // Вестник Томского государственного педагогического университета (TSPU Bulletin). – 2020. – Вып. 2 (208). – С. 29–36.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Раздел I. Русская речевая культура в синхронии и диахронии	
Агаджанян Н. М. Коды русской культуры в личных дневниках девушки военных лет	8
Данилевская Н. В., Яо Бо. Семейные ценности в социальной рекламе: культурно-исторический и социальный аспекты	16
Раздел II. Современные подходы к изучению текста и дискурса	
Болотнов А. В. Общие принципы и методика дискурсивного анализа	25
Чайковская С. В. Вербализация концепта «любовь» в поэзии Вероники Тушновой	32
Кабанина О. Л. Эволюция межличностных отношений в поэтической картине мира М. И. Цветаевой на основе анализа тематических зон концептосферы «Я» – «Все» («Другие»), «Я» – «Ты» («Вы»), «Свой – «Чужой»	40
Захарчевская Н. В. Динамика образа лирической героини М. И. Цветаевой и средств её выражения (на материале сборников «Волшебный фонарь» и «Вёрсты»)	48
Бондарев М. В. Сравнительный анализ некоторых средств выражения подтекста в сборниках И. Анненского «Тихие песни» и «Камень» О. Мандельштама	55
Раздел III. Дискурсивные практики языковых личностей разных типов в коммуникативно-когнитивных аспектах	
Исаева О. В. К вопросу о содержании и средствах репрезентации концепта «разум» в лирике Н. А. Заболоцкого	63
Дусматова З. М. Вербализация концепта «любовь» в творчестве Ю. Д. Левитанского	70
	177

Извекова Ю. Б. О некоторых особенностях речевого поведения писателя Анны Матвеевой в жанре интервью	77
--	----

Раздел IV. Актуальные проблемы медиакоммуникации

Лукашевич Е. В., Баданина К. А. Ключевые концепты русской картины мира в региональной публицистике	88
Шмаков А. А. Лингвистическая специфика телевизионных анонсов как рекламных медиатекстов	97
Бородай Е. А. Манипулятивный потенциал современных медиатекстов	105
Лайцзына Ашан. Рекламный видеоролик к онлайн-курсам как речевой жанр рекламно-образовательного дискурса	112

Раздел V. Русская языковая картина мира и ее отражение в текстовой деятельности

Сергеева Е. В. Особенности представления концепта «Славянство» в поэтическом творчестве Ф. И. Тютчева	118
Се Шуан. Реализация модуса воспоминания в перцептивных высказываниях (на материале мемуаров И. Одоевцевой «На берегах Невы»)	125

Раздел VI. Проблемы обучения текстовой деятельности и русской речевой культуре

Болотнова Н. С. Идиостиль языковой личности как отражение её функциональной грамотности в текстовой деятельности	132
Кабанина О. Л. Проблема понимания и интерпретации текстовой деятельности в аспекте функциональной грамотности обучающихся	141
Савенко А. С. Комплексный подход к формированию орфоэпической культуры студентов-филологов (по данным эксперимента)	149

Раздел VII. Русская речь в межкультурном общении

Курьянович А. В. Представление о русском языке в дискурсивной картине мира современных кенийцев (на материале экспериментальных данных)	158
--	-----

Орлова О. В. Регулятивный потенциал ксенонимов-интерпретативов в сетевом диаспоральном дискурсе (на материале интернет-коммуникации русскоязычной диаспоры Китая)	171
---	-----

Научное издание

Русская речевая культура и текст

Материалы
XIII Международной научной конференции
(Томск, 16–17 мая 2024 г.)

Ответственный за выпуск: Ю. Ю. Афанасьева
Корректор: Ю. П. Готфрид
Технический редактор: А. И. Лелоюр

Дата сдачи в печать: 13.05.2024. Дата выхода в свет: 22.05.2024.
Усл. печ. л.: 10,5. Уч. изд. л.: 15,6. Заказ № 1281/Н. Гарнитура Times.

Тираж 500 экз.

Издательство Томского государственного
педагогического университета
634061, г. Томск, ул. Киевская, 60
тел. 8(3822)311-484
E-mail: izdatel@tspu.edu.ru

ISBN 978-5-907791-05-3

9 785907 791053 >

